

oxoma

и охотничье хозяйство

2

2011

Нужен ли России промысловый охотник?

Г. ЛАПСИН

Если для охотника-любителя нахождение на лоне природы с ружьем, удочкой или лукошком приятное времяпровождение для души, и далеко не всегда существенное подспорье к семейному бюджету и кухонному столу, то для промысловика добыча охотничьих животных и собирательство — основной источник существования всей его семьи.

Практически промысловый охотник это профессия, профессия очень сложная, требующая больших знаний в области биологии диких животных, техники их добычи. Настоящий промысловик — высокопрофессиональный специалист — в совершенстве владеет многими специальностями. Он и повар, и портной, и сапожник, и плотник, и радиист, и рыбак, и бондарь, и кинолог, и при необходимости лекарь. Мастерски управляет моторной лодкой, снегоходом, мотопилой, трактором. Обладает навыками слесаря-ремонтника. Профессионал должен быть сильный духом, не теряться в самой сложной обстановке, обладать психологической устойчивостью, мужеством, отменным здоровьем, хорошими физическими данными, неутомимой работоспособностью, умением ориентироваться на местности в любую погоду, в любое время суток. Настоящий профессионал, романтик, всей душой прокипевший к родной Природе и бережно к ней относящийся.

Испокон веков в России государство проявляло живой интерес и поддержку различным промыслам. Всё круто изменилось после революции 1991 г., когда развалилась Великая империя, а денег катастрофически не хватало даже на содержание армии. В тяжелейших для страны условиях государство отказалось от пушной монополии и от охраны диких животных и их окружающей среды. Сразу же развалились и прекратили существование основные производства мелких городов, поселков, деревень Сибири и Дальнего Востока, включая специализированные охотничьи-промышленные хозяйства. В крайне плачевном положении оказа-

лось население таёжной глубинки и северных территорий, выжившее, и по сей день выживающее, за счёт охоты, рыболовства и собирательства. В настоящее время приходится признать, что категория охотников-промысловиков претерпела существенные изменения. Истинные профессионалы старой закваски стареют и, как и охотоведы советской школы, покидают любимую работу, которой посвятили всю жизнь. На смену им в тайгу ринулись толпы голодных и обездоленных людей. Большинство из них не обладают профессиональными знаниями добычи промысловых животных, первичной обработкой и консервацией шкурок пушных зверей, важнейшими навыками таёжной жизни. У них нет того бережного отношения и любви к Природе, какое было у истинного промысловика. Откуда взяться такому отношению у разочарованных людей, которых государство выбросило на обочину жизни, лишив любимой работы и средств к существованию? В чём причины? По-моему, самая важная заключается в следующем. В 1991 г. в России объявились демократы, которые развалили социалистическую государственность и ускоренными темпами начали строить новую — для богатых. Россия — государство без всенародно оглашенной идеологии. Конечно, негласно она существует, но руководство страны о ней стыдливо умалчивает. Идеология «недоразвитого капитализма» — обогащение богатых людей и чиновников за счёт народа. Что такое богатство? Это когда труд многих принадлежит одному. Где уж думать о каких-то промысловиках, прозябающих на задворках нищей России.

Сразу после раз渲ала СССР «братья-капиталисты», к которым сломя головы бросилось руководство «новой России», вместо помочи опустили нашу экономику ниже плинтуса. В начале девяностых годов пушно-меховые базы оказались без государственного финансирования. Закупать пушнину было некому. Робкие шаги начал делать частный капитал. Но средств у него не было. Союзпушнина нашла деньги и привлекла к закупкам наиболее предпринимчивых охотоведов со всей России.

В октябре 1992 г. я, работник московской фирмы, приехал в Томский облпотребсоюз, который был единственным производителем дикой и клеточной пушниной в области. В его подчинении находилось пять коопзвер-

промхозов, два из которых имели свои зверофермы, и сеть заготконтор в каждом районе. Ситуация была катастрофической: денег нет, реализовать пушнину некому. Когда я озвучил заместителю председателя облпотребсоюза по заготовкам цену закупа соболя и белки, да ещё с предоплатой, он моментально собрал всех своих подчиненных, и они с радостью стали называть руководителям коопзверпромхозов и заготконтор. И их можно было понять. Предложенная цена была на много выше внутреннего рынка, но значительно ниже цены советского периода.

В девяностых годах закупочная цена шкурки соболя падала ниже тридцати долларов, по белке — до восьмидесяти центов. В то же время на Ленинградском и других международных пушных аукционах цена шкурки соболя обвалилась почти вдвое. Скорее всего был говор о международных пушников, воспользовавшихся создавшейся ситуацией в России и неумением торговать некоторыми «совковыми купцами», поставлявшими соболя на зарубежные пушные аукционы, минуя ленинградский. И это несмотря на то, что, например, на майском международном пушном аукционе в Ленинграде 1993 г. было выставлено не более полумиллиона шкурок соболя, которые были проданы полностью.

Осознанные и преднамеренные действия кучки «денежных мешков» от охоты, входящих в руководство страны, были направлены на полный развал охотничей отрасли и захват за бесценок лучших угодий и успешно функционирующих охотничьих хозяйств. В этих целях за последние десятилетия охотничью отрасль «реорганизовывали» чуть ли не каждый год. Из подчинения государственным органам на несколько лет её «задвинули под хвост» вет-фитконтроля. Оно и понятно, легче всего ловить рыбу в мутной воде. Вступил в действие Федеральный Закон № 209 «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов...». Он имеет антиобщественную, антиэкологическую, антиохотничью направленность, направленность на уничтожение охотничьих животных и среды их обитания. За его принятие практически голосовала одна партия — Единая партия России.

Новый закон написан для охотников европейской части России. Он совершенно не учитывает специфику огромной территории Севера, Сибири и Дальнего Востока, продуктивность уг-

охота

и охотничье хозяйство

2

2011

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала.
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.

*Основан в октябре 1955 г.

© «Охота и охотничье хозяйство»

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Вологодская областная

универсальная

научная библиотека

дий, их доступность, низкую плотность населения, где в северных территориях преобладает промысловая охота.

В проекте Правительства при заключении охотхозяйственного соглашения необходимо внести единовременный платёж в размере до 30 тыс. руб. за 1 тыс. га охотничьих угодий. Для Томской области — 8 тыс. руб., где 80% угодий составляют северные малопродуктивные болота; в то время как, по подсчётом специалистов, реальная хозяйственная продуктивность 1 тыс. га охотугодий составляет всего 10 руб.

Девяносто девять процентов охотников будут не в состоянии произвести завышенный в десятки и сотни раз платёж и лишиться своих угодий со всеми многолетними вложениями, сокращением рабочих мест в самых отдалённых поселениях многострадальной России. Возникает законный вопрос — для чего это делается? Дальнейший сценарий очевиден. Рассмотрим его на примере Томской области. После того как все охотугодья лишаться хозяев, объявятся богатые люди и подставные лица, которые на «законных» основаниях выкупят самые продуктивные кедровые и другие доступные угодья за бесценок, но не дороже 8 тыс. руб. за 1 тыс. га. Остальные малопродуктивные и отдаленные угодья на многие десятки лет перейдут в разряд угодий общего пользования, охрана которых полностью ляжет тяжёлым бременем на плечи государства и налогоплательщиков.

Почти двадцать последних лет на обезглавленное «охотничье хозяйство» страны набросились все, кому не лень: лесники ввели липовую аренду на лесные площади, Роспотребнадзор придумал платное пломбирование и биркование каждой шкурки соболя, да всего и не перечесть.

Государство выделяет мизерные средства на охрану диких животных и среды их обитания. За последнее время махровым цветом расцвело браконьерство. В этом явственно просматриваются крайне циничные действия чиновников, упразднивших в первую очередь институт общественных охотниспекторов в лице работников охотоведства и охотпользователей.

Катастрофическое положение с охраной животного мира сложилось в Сибири. На одного охотниспектора приходится от 1 до 25 млн. га поднадзорных охотничьих угодий. Так, в Томской области, где преобладает промысловая охота, 16 охотоведов охраняют 35 млн. га охотничьих угодий. На одного специалиста в среднем приходится 1 млн. 400 тыс. га, в отдельных районах в два-три раза больше. Вся техника, со слов начальника Комитета охраны животного мира, на 90% «неживая», запчасти и бензин практически отсутствуют.

До 2008 г. в области 28 охотоведов Томского Россельхознадзора «надзирали» за работой 26 охотоведов комитета охраны животного мира. Уточняю, надзирали, не занимаясь охраной дик-

У зимовья промысловика

Фото Ю. Журавлева

ких животных непосредственно в охотничьих угодьях. Такое положение было и в других регионах Сибири. Дурдом?

Нисколько не лучше положение в Алтайском, Красноярском краях, Омской и Иркутской областях. В последней — на огромнейшей территории всего 20 охотниспекторов и такое же количество административных работников. На отдельных территориях один охотниспектор на три-четыре района. Рыба внутренних водоёмов делится на две категории: Федеральную и Региональную. Естественно Федералы делят квоты на вылов омуля и прочие ценные породы. Они истинные «демократы», поэтому вылов частиковых пород великодушно отдали местным властям.

Неудивительно, что в стране повальное браконьерство. Наглядный пример в этом преступном деле подают некоторые члены руководства страны, высокопоставленные чиновники, крупные бизнесмены, не гнушающиеся добычей «краснокнижных» животных с вертолётов. Голодный народ Российской глубинки берёт с них пример. И хотя техническая оснащённость простого охотника крайне низка, но он, движимый жесточайшим «допингом» голода, берёт массовостью, близостью к местам обитания животных и смекалкой.

Наряду с этим неоправданно сокращаются площади среды обитания диких животных за счёт хищнической вырубки лесов и технической индустрии. За последние годы резко сократилась численность всех видов диких животных России, за исключением волка, бобра и соболя.

Рыночные отношения в нашей стране в корне не способны объективно регулировать цены на все виды товаров и услуг. Бизнес и существует для получения прибыли и сверхприбыли, он жесточайшим образом ущемляет интересы потребителя, в первую очередь

простого народа.

Вплоть до 90-х гг. прошлого столетия стоимость снегохода «Буран» на чёрном рынке равнялась 18–20 шкуркам соболя, в настоящее время — в 3–4 раза выше, вследствие необоснованно завышенной стоимости техники. Такое же положение с капканами и другим инвентарем для охоты. Цена на бензин, полученный из нефти, которую в девяносто случаев из ста качают из недр под охотничими участками промысловиков, близка к мировой при заработной плате близкой к нулю.

В советское время профессиональные промысловые охотники и промысловые охотники-любители были полноправными работниками народного хозяйства со всеми вытекающими последствиями. Профессионалов одевали, обували в спецодежду, выдавали бесплатно оружие, провиант, орудия лова, снегоходы, моторные лодки и горюче-смазочные материалы. Заброску охотников в угодья осуществляли специализированные промысловые предприятия. Промысловик понятия не имел о выкупе лицензий за свой счет на добычу промысловых животных и, тем более, за аренду охотничьих угодий. За все работы по благоустройству своего участка: строительство зимний, прорубку троп для снегохода, путников, изготовление стационарных орудий лова, за биотехнические мероприятия, за вывозку заготовленной продукции получал заработную плату по твёрдым расценкам. Закончив по возрасту трудовую деятельность, получал весьма достойную пенсию. За свой опасный и нелёгкий труд лучших промысловиков награждали государственными орденами и медалями, они были участниками ВДНХ наряду с другими достойными людьми государства.

Капиталистическая Россия «демократично» взвалила все расходы по орга-

изации такого процесса на плечи простого народа. Постановление Правительства РФ «О территориях традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», в котором прописаны льготы для населения, не выполняется.

При царе-батюшке отдалённые территории России равномерно осваивали малочисленные народы Севера и русские «промышленные люди», принося казне осязаемый доход. Советское правительство вкладывало немало средств, создавая различные фактории в самых северных территориях вплоть до Северного ледовитого океана. Забрасывало местному населению необходимый провиант даже воздушным транспортом, вывозя пушнину, мясо северных оленей и дикой птицы и рыбу. В 70—80-х гг. прошлого столетия наметилась устойчивая тенденция к снижению уровня освоения северных территорий вследствие нехватки рабочих рук. Это был результат недальновидной политики, заключавшейся в укрупнении крупных поселений за счёт мелких и насильственного вывоза детей в школы-интернаты. Вкусив «плоды цивилизации», лишь единицы из них возвращались в родные чумы.

Руководство новой «капиталистической» России пошло дальше. Оно вообще исключило из сферы своих интересов всё население отдалённых территорий. В результате этого некому пасты тысячные стада северных оленей, добывать пушнину, ловить рыбу, заготавливать дикорастущую продукцию. В последнее время молодёжь не желает продолжать дело своих отцов, стремглав бежит из глубинки. В этом грядущие беды для охотничьей отрасли. Возникает законный вопрос — нужен ли России промысловый охотник?

Ответ диктует сама жизнь — нужен, как сама жизнь! Освоение биологических богатств нашей природы, не нарушая её целостности, невозможно без промысловых охотников и членов их семей. Только в комплексном освоении богатств северных территорий — залог рентабельности всех отраслей народного хозяйства, включая охотничью.

Уникальность Российской Природы в наличии обширных территорий, не тронутых безжалостной индустрией. Это наше национальное достояние. Это должно осознать руководство страны. Изменить политику государства не на словах, а на деле — в сторону достижения в ближайшее время достойной жизни для каждого россиянина. Высокая заработная плата — основа высокой производительности труда, что давно доказано развитыми государствами.

По моему субъективному мнению, необходимо сделать следующее:

1. Создать единую вертикаль руководства охотничим хозяйством страны.
2. Приостановить на год действие нового ФЗ РФ «Об охоте и сохранении охотничих ресурсов...», так как он в корне антисоциальный.

3. Выделить в необходимом объёме государственные средства на действенную охрану животного мира и окружающей среды обитания. Через средства массовой информации развернуть постоянную пропаганду **ОСОЗНАННО БЕРЕЖНОГО** отношения к **ПРИРОДЕ** каждым гражданином России. Разрешить охрану своих охотничих угодий, как было раньше, охотведам и егерям общественных организаций, всем арендаторам и лесникам.

4. В настоящее время, при бедности основной массы охотников, аукционы по закреплению угодий за охотпользователями лишены здравого смысла.

5. Привести законодательство охотничего хозяйства к требованиям и положениям, отвечающим интересам отрасли и всем категориям охотников.

6. Законодательно выделить отдельное Положение о промысловой охоте и промысловом охотнике.

7. Все участники пушного рынка должны вносить средства в развитие промысловой охоты на основе экономических законов бизнеса. Административные постановления вряд ли выполнимы. Каково положение дел в настоящее время? Основной промысловый вид у нас соболь. Удельный вес его не ниже 90% от стоимости всей пушнинны. В России промысловые охотники добывают соболей в пределах полумиллиона за сезон. Пока благополучие промысловиков в какой-то степени зависит от стоимости шкурки соболя на рынках реализации. Цена любого товара складывается из спроса и предложения. Спрос зарубежного покупателя в пределах 400 тыс. соболиных шкурок в год. По тем или иным причинам он незначительно может колебаться в ту или иную сторону. Россия предлагает 500 тыс. В целом для мирового рынка по соболю предложение опережает спрос, что не способствует росту цены на мех соболя. С учётом мирового экономического кризиса она понижается. Низкая закупочная цена.

Казалось бы, резко должно сокращаться количество «добытчиков». Но такого не происходит из-за жуткой безработицы в глубинке, достигающей в отдалённых поселениях 90—95%. С улучшением экономического положения в стране появятся рабочие места, что «высвободит» из охотничьего промысла в первую очередь случайных и неквалифицированных людей, что неминуемо приведёт к уменьшению добычи ценного зверька, чего пушники не допустят. Они вынуждены будут вкладывать реальные средства в развитие промысловой охоты.

8. Квалификация и профессионализм большинства охотоведов не отвечает положению дня. Многие из лучших специалистов покинули отрасль, оставшиеся устали и разуверились от насилиственно навязываемого сверху хаоса и неразберихи. Необходимо повысить уровень подготовки охотоведов в вузах страны. Открытие новых факультетов по подготовке охотоведов во многих вузах только ухудшило названную ситуацию. Происходит распыление средств и дискредитация профессии охотоведов.

9. В последние годы очень низка роль охотоведов в вопросах реального положения охотничьей отрасли и её становления. В большей степени это относится к специалистам Сибири и Дальнего Востока. Назрела необходимость создания объединения охотоведов России.

Промышленность не выпускает недорогого гладкоствольного, а тем более нарезного, оружия. Неоправданно усложняется система приобретения и перерегистрации охотничих ружей. Дорожают боеприпасы, различного рода разрешения и лицензии на право добывания диких животных. И, тем не менее, охотники — промысловики ёщё долго будут востребованы. Именно они осваивают самые отдалённые охотничьи угодья необъятной Сибири, прославляя державу прекрасным собольим мехом.

Охотничье-промышленные избушки

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук, Институт Наследия. Фото автора

Охотничья избушка в Кенозерском национальном парке

За десятилетия своих скитаний по северу России мне не один раз выпадало счастье во время маршрутов находить старые избушки. Эти пристанища для охотников и рыбаков, как и для любого путешествующего, всегда были праздником. Такими они оказывались и для меня. Будь то стоявшая под порывами океанских ветров избушка на острове Беринга или старые, брошенные полвека назад дома промышленников — зверобоев и охотников — на Новой Земле, рыбацкая избушка в глуши Каргопольских лесов на берегу живописного озера или такие же пристанища из плавника на скалах и среди высоченных сосен на островах Белого моря. Дни и часы, проведённые в этих незабываемых местах, до сих пор в памяти, будто подобные события произошли только вчера.

Охотничье-промышленная изба и сарай на берегу Белого моря. Кольский полуостров

Залив Абросимова. Старая промысловая точка на Новой Земле

Остров Великий, кордон Лобанихина

Самая северная промысловая изба, давно отслужившая свой век.
Оранские острова, Новая Земля

Таежная избушка, бор-беломошник

Охотничьи-рыболовные избы на берегу Белого моря

Европейская и сибирская косули: основы трофейной селекции

А. ДАНИЛКИН, профессор, доктор биологических наук

Развитие трофейной охоты в России немыслимо без селекции — выборки неполноценных в чем-то зверей и отбора племенных особей с нужными признаками в целях повышения трофейного качества популяций. Специалисты отечественного охотничьего хозяйства и охотники должны знать особенности развития, индивидуальную и географическую изменчивость рогов и клыков, уметь определять возраст и трофейное качество животных в полевых условиях и знать основы трофейной селекции хотя бы важнейших охотничьих видов. К сожалению, уровень теоретической и полевой подготовки многих наших охотников, егерей, охотоведов и руководителей охотничьего хозяйства таков, что они не могут отличить сеголетка от взрослой особи или самца со сброшенными рогами от самки. Попытаемся восполнить этот пробел на примере европейской и сибирской косуль.

Изменчивость рогов. Первые покрытые кожей рожки начинают расти у телят-самцов косуль с августа, в сентябре — ноябре они могут достигать 0,5—5 см, к маю — июню вырастают до 6—24 см и окостеневают. Первые рога, как правило, не имеют отростков или же, изредка, разветвляются на самом конце. Однако у немногих хорошо развитых сеголетков они уже к декабрю вырастают до 6—12 см, окостеневают и отпадают в самом конце декабря или в январе. У таких особей с февраля развиваются вторые, обычно двух-трехотростковые, рога. Годовалые самцы европейской косули очищают их от кожи на западе ареала в мае, сибирские косули — в июне — июле, на 1—3 месяца позже взрослых. Сбрасывают рога они чаще в декабре. В конце января — в феврале начинается рост новых, сравнительно тонких двух-трехконцевых, которые очищаются от бархата в конце мая — июне, на 2—4 недели позже, чем у взрослых (рис. 1).

С третьего года жизни сброс рогов происходит с конца октября до середины декабря. На западе и юге ареала самцы теряют их примерно на полмесяца раньше. На Урале, например, в октябре рога имеют практически все самцы, за редким исключением, в первой декаде ноября — 79%, во второй — 60%, в третьей — 48% и около 10—12% — в начале декабря. В конце ноября и в декабре рога носят преимущественно молодые особи, и в этот период селективный отстрел может быть особенно эффективным.

Рост рогов у взрослых самцов европейской косули на западе ареала начинается в конце ноября, на востоке — в декабре, у сибирской — в конце декабря — в январе. В феврале — марте у первых они уже сформированы, у вторых этот процесс завершается в апреле (рис. 1). Однако при недостатке корма

их рост задерживается более чем на месяц, и они не достигают максимального развития. Очищаются рога у самцов европейской косули на западе и юге ареала в феврале — марте, на востоке и севере ареала — в апреле, у сибирской косули — в конце апреля — мае.

Форма рогов косуль разнообразна, индивидуальна и почти не меняется в зрелом возрасте, за исключением случаев их физического повреждения или ранения, болезни и истощения животного. У таких самцов, подлежащих выборке, они обычно несимметричны, уродливой искривленной или загнутой формы, иногда неочищенные («париковые») и в форме народа, закрывающего морду животного. Наиболее массивны рога у здоровых 4—8-летних зверей, затем происходит их деградация: уменьшаются масса и размер, утрачиваются отростки и жемчужины, значительно укорачиваются и утолщаются лобные стержни. Нередко рога старых самцов по форме становятся похожими на рога одно-двухлетних особей (рис. 4). В отдельных случаях один, два или несколько уродливых рогов могут развиваться у самок, тогда как некоторые самцы комолы.

Определение пола и возраста. Определение пола животных в летний период несложно, труднее это сделать зимой, когда самцы сбрасывают рога. Основной отличительный признак самцов, сбросивших рога, — свисающий под брюхом пучок волос вокруг препуциального отверстия, а также более короткая и толстая шея. Самок опознают по висящему пучку волос, закрывающему мочеполовое отверстие, который четко выделяется желтым пятном на фоне белого зеркала (рис. 2).

Определение возраста косуль более сложно. На расстоянии с уверенностью можно опознать только сеголетков, самок старше года и самцов старше двух лет. Сеголетки легко отличаются от взрослых размерами тела, более темной окраской в зимнем меху (не всегда) и типичным «детским» поведением. Годовалые особи обоих полов менее массивны по сравнению со взрослыми, их ноги кажутся длинными, круп слегка приподнят сзади, голова узкая, шея тонкая и длинная, при движении поставлена почти вертикально, морда темная, у самок отсутствует вымя. Двухлетние самцы внешне выглядят более крепкими, чем годовалые, однако все еще стройными. Туловище средневозрастных самцов кажется приземистым, ноги короткими, шея толстая, мощная, наклоняющаяся вниз с возрастом. Престарелые самцы и самки снова приобретают форму тела, свойственную молодым особям, но кости, тощие, при спокойной ходьбе держат шею почти параллельно земле (рис. 3), из-за седых волос светлеет окраска головы (у самцов вокруг глаз образуются светло-

серые кольца) и туловища, у самцов на брюхе заметно выделяются сильно отвившие волосы вокруг препуция. Молодые особи выливают первыми, старые — последними. Старые звери, в отличие от молодых, всегда более осторожны, выходят на кормежку последними и держатся отдельно.

Рога тоже служат отличительным признаком возраста у самцов (рис. 4). Отсутствие отростков свидетельствует о том, что эти рога первые, но у части хорошо развитых годовалых особей уже имеются направленные вперед отростки. У двухлетних особей обычно два отростка, но есть особи и с тремя. У средневозрастных животных рога типично трехотростковые, их основания и стержни утолщены. Чем больше возраст, тем толще и короче, в связи с ежегодным сбрасыванием, основания рогов. У старых самцов рога деградируют, отростки малы или исчезают, рога из-за редукции оснований кажутся «посаженными» на череп.

Определение размера рогов. Ориентировочную длину рогов у самцов косуль в полевых условиях легко определить, соизмеряя их с длиной ушей

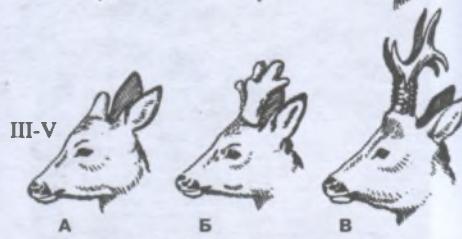
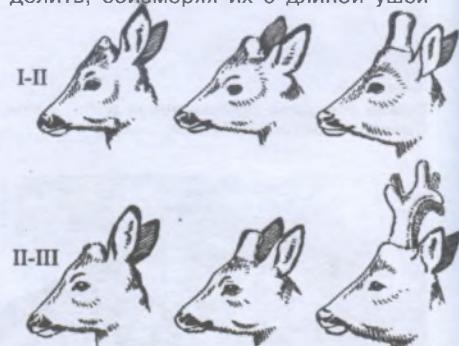

Рис. 1

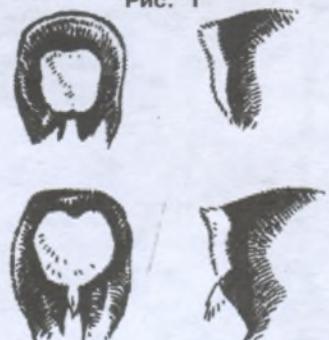

Рис. 2

(рис. 5). Этот способ измерения пригоден и для других видов копытных с учетом длины их ушей и рогов. Средняя длина уха европейской косули равна 13 см, сибирской — 15 см.

У европейской косули рога сравнительно небольшие: в среднем 17—26, максимально — 30 см, их размах в среднем около 14 см, и даже у рекордных рогов не более 20 см. Отростков, как правило, 3. У сибирской косули рога с мощными стволами, сравнительно высокие (28—33 см в среднем, максимально до 48 см), с большим размахом (17—26 см, до 47 см). Число отростков в норме тоже 3, но иногда их 4—6 на каждом роге.

Трофейный отбор. Продолжительность жизни отдельных маркированных косуль в природе достигает 15—17 лет, но в интенсивно эксплуатируемых группировках они редко живут больше 10 лет. Масса тела, рогов и наивысшая воспроизводительная способность у этих зверей максимальны в возрасте от 3—4 до 8—9 лет, после чего начинается медленная деградация. Соответственно эксплуатируемую популяцию желательно поддерживать в обозначенном средневозрастном диапазоне.

В большинстве стран самцов косуль добывают только в летне-осенний период (с мая—июня по октябрь), когда они имеют рога и их трофейное качество легко определить, самок и сеголетков — с сентября—октября по декабрь—январь. В России, напротив, большинство самцов отстреливают по-

ле того, как они сбросили рога. В добыче преобладают средневозрастные животные, что приводит к резкому снижению продуктивности и трофейного качества популяций и массовой гибели сеголетков, оставшихся зимой без матерей. Их ежегодные потери в масштабах России исчисляются десятками тысяч особей. Поэтому одна из основных задач охотничьих хозяйств трофейного типа — полное прекращение добычи сбросивших рога самцов и интенсификация отстрела сеголетков (не менее 60—90% в объеме добычи в зависимости от плотности населения).

Сеголетков добывают осенью и зимой, невзирая на пол. В семьях оставляют лишь одного самого крупного теленка. Особенно тщательно отбирают годовалых самцов, отстреливая в летне-осенний сезон охоты всех особей с рогами ниже ушей и не имеющих видимых зачатков отростков на рогах.

Выбраковку взрослых самцов косуль крайне важно произвести до начала гона. Это вызвано следующими обстоятельствами. Взрослые самцы — сугубо территориальные животные в весенне-летний период. Однажды заняв территорию, они, как правило, удерживают ее всю жизнь, и кроют, в первую очередь, самок, живущих на их участках обитания. Пространственная структура популяции в летний период выглядит как «сотовая» система — в каждой «клетке» размером от нескольких десятков до 1—2 сотен гектаров есть хозяин территории, порой не лучшего качества, который до глубо-

кой старости изгоняет со своих владений всех молодых самцов. При выбраковке некачественного взрослого самца у 1—2-летнего зверя появляется возможность закрепиться на освободившейся территории. В противном случае наиболее развитые молодые самцы вынуждены эмигрировать, что вряд ли хорошо для конкретного охотничьего хозяйства. Хорошие егеря обычно знают каждого взрослого территориального самца в «лицо», и отбор их по качеству не вызывает проблем.

Главное в селекционной работе — не только выбраковка худших зверей, но и бережное отношение к элитным особям. Многие западноевропейские популяции косуль безвозвратно деградировали именно из-за длительного выборочного отстрела самцов с большими рогами. Поэтому самцов с высокими трофеиними качествами желательно добывать лишь на стадии начала деградации рогов (в возрасте старше 8 лет) и после гона — они должны успеть оставить качественное потомство. Гон у европейской косули идет с середины июля до сентября, у сибирской — в августе—сентябре. Следовательно, в популяциях косуль без большого вреда для них ограниченный трофейный отстрел зрелых качественных самцов возможен лишь с сентября по 1—15 ноября. Два месяца — вполне достаточный для этого срока.

Генофонд косуль, как и других животных, формировался на протяжении многих тысячелетий, а уничтожить его можно при жизни всего лишь одного поколения охотников, охотоведов и «трофейных» бизнесменов, устроивших гонку за рекордными трофеями. Приоритетом в охотничьем хозяйстве должна быть селекция (отбор) зверей, а не массовая «охота на самцов с высокими трофеиними достоинствами».

Рис. 1. Развитие рогов у самцов косуль разных возрастных групп

А — сеголетки, Б — полувзрослые, В — взрослые; I—V — месяцы

Рис. 2. Отличительные половые признаки самцов (верхний ряд) и самок косуль зимой

Рис. 3. Возрастные отличия телосложения у самцов и самок косуль

А — молодые, Б — средневозрастные, В — старые особи

Рис. 4. Возрастная изменчивость рогов самцов косуль

А — сеголетки; Б — однолетние; В — двухлетние; Г — средневозрастные; Д — старые

Рис. 3

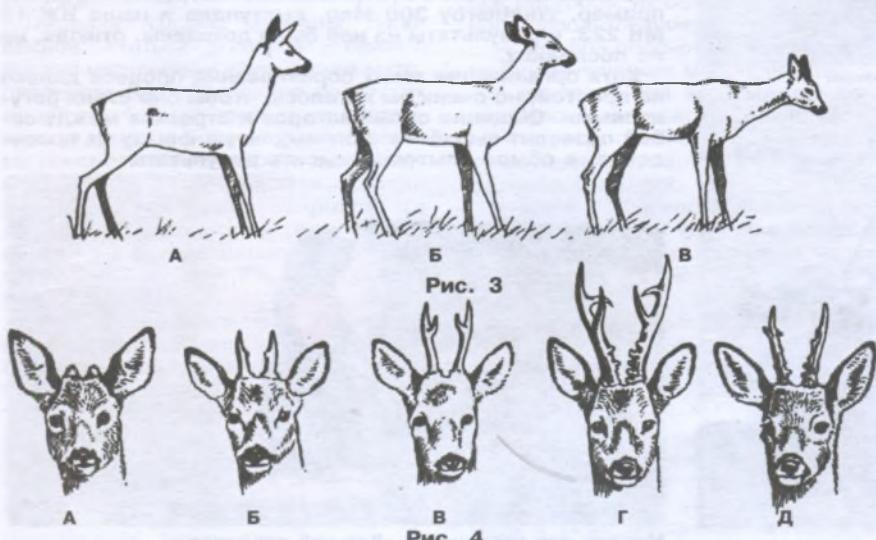

Рис. 4

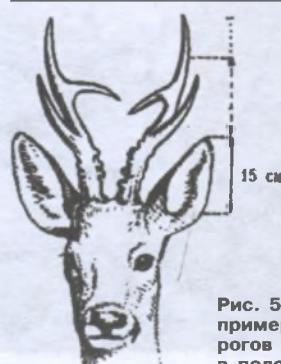

Рис. 5. Определение примерного размера рогов самцов косуль в полевых условиях

Московские открытые соревнования по высокоточной стрельбе

Алексей БЛЮМ. Фото автора

В конце октября 2010 г в подмосковной Балашихе на стрельбище одной из воинских частей прошли соревнования по пулевой стрельбе. Может быть, об этом событии не следовало сообщать в нашем журнале, но эти соревнования не были похожи на чисто спортивные, потому что большинство упражнений несли в себе охотничью составляющую. Организаторами соревнований выступили Московский охотничий клуб «Сафари» и Спортивный клуб высокоточной стрельбы — СКВС.

Условия соревнований оказались очень демократичными. Во-первых, заявить себя участником мог любой, имеющий нарезную винтовку на законных основаниях; во-вторых, не было ограничений ни по калибру, ни по мощности патрона, ни по использованию оптических прицелов; и, в-третьих, разрешалось пользоваться некоторыми электронными приборами, такими, как, к примеру, баллисти-

ческий калькулятор или определитель скорости ветра.

Соревнования продолжались 2 дня и включали две стрелковые дисциплины:

Охотничий формат: 2 упражнения (50—500 метров) и формат «Спортивный снайпинг»: 4 упражнения (100—800 метров).

Первое упражнение, относящееся к спортивному снайпингу (спортивная квалификация), заключалось в следующем: стрельба велась по круглой (чёрной) спортивной мишени с диаметром круга 30 см, а «десятки» 3,0 см, из 4-х положений — «лёжа», «сидя», «с колена» и «стоя». Из каждого положения нужно было произвести по 3 выстрела, т. е. всего 12. Зачёт по очкам.

Второе упражнение — охотничий зачет, дистанции стрельбы 50, 100, 150 и 200 метров. Мишень в виде силуэта косули с обозначением убойных зон. Результат тоже оценивался по количеству набранных очков. Максимальные очки давало попадание в контур сердца, меньшими очками оценивались контуры лопатки и остальной передней части тела косули.

Стрельба на 50 и 100 метров может вестись только стоя с рук, возможно использование ремня, а на 150 и 200 метров стоя с рук, с колена, сидя, возможно использование ремня, а также некоторых типов упоров. Стрельба ведется по одной мишени последовательно с разных рубежей. На каждом рубеже стрелок делает по 3 выстрела по мишени за 2 минуты. Победитель — стрелок, набравший максимальное количество баллов. Количество выстрелов — 12.

Третье упражнение тоже носит охотничий характер. Это так называемый дальний варминтинг. Стрельба ведётся по силуэтам сурков на дистанциях от 100 до 500 метров с интервалом 50 м. Причём зачётным считается тот выстрел, которым поражена обозначенная надувным шариком убойная зона. На 8 дистанций даётся 10 выстрелов.

Очень интересным мне показалось упражнение под названием «Не промахнись!». Мишень находится в промежутке от 300 до 500 метров, без точного указания дистанции. Стрелок должен двумя выстрелами поразить две мишени диаметром 20 см за 2 минуты. В это же время он должен любым способом определить дистанцию, силу и направление ветра, внести соответствующие поправки и сделать два выстрела.

Было и ещё одно сходное упражнение. Стрелок заказывает любую дистанцию в пределах 300—650 м с интервалом 50 м. Две мишени размера как в предыдущем упражнении, и два выстрела за 1 минуту.

Как видим, в этих соревнованиях немало прикладного, охотничьего, что, на мой взгляд, очень оживляет стрельбу.

Соревнования произвели очень хорошее впечатление деловой, несуетливой обстановкой и, как уже отмечалось — демократичностью. Наряду с винтовками известных мировых фирм с супермощными патронами, как, например, Weatherby 300 Mag, выступала и наша ИЖ 18 МН 223, и результаты из неё были показаны, отнюдь, не из последних.

Хотя организация таких соревнований процесс далеко не простой, но очень бы хотелось, чтобы они стали регулярными. Общение организаторов и стрелков между собой позволит выработать оптимальную форму их проведения, а обмен опытом повысить результаты.

По мишени «Косуля» — дистанция 100 м.

ИЖ-18МН — полноправный участник соревнований

На огневом рубеже

Мишень для упражнения «Дальний варминтинг»

«Охота и охотничье хозяйство»: страницы истории

Науку — на службу охотничьему хозяйству

Н. КРУТОРОГОВ, заместитель начальника Главохоты РСФСР

Решения октября Пленума ЦК КПСС вызвали новый подъем трудовой и политической активности советских людей. Повсюду ширится соревнование за претворение в жизнь боевой программы, намеченной октябрьским Пленумом ЦК КПСС, — добиться ускорения темпов развития сельского хозяйства с тем, чтобы в возможно короткие сроки намного превзойти современный уровень сельскохозяйственного производства в стране, достойно ознаменовав тем самым 100-летие со дня рождения В.И. Ленина.

В решениях октября Пленума ЦК КПСС дана научно обоснованная программа дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства. Первостепенная роль при этом отводится всемерному укреплению его материальной базы, ускорению научно-технического прогресса, как непременного условия развития сельского хозяйства. Сейчас речь идет о том, чтобы добиться нового, большого подъема научной работы, расширить ее масштабы, повысить ее качество и эффективность, ускорить разработку проблем, рекомендаций и внедрение их в производство.

Известно, что отрасль охотничьего хозяйства весьма близка к сельскохозяйственному производству. Десятки тысяч тружеников сельского хозяйства нашей страны ежегодно ведут промысел пушных зверей, а в производственные планы совхозов и колхозов Крайнего Севера охотничий промысел входит как ведущий раздел их хозяйственной и финансовой деятельности. Доходы от охотничьего промысла играют существенную роль в экономике местного населения.

Пушнина издавна является также важной статьей экспорта. В связи с ростом населения и улучшением материального благосостояния советских людей все больше возрастает потребность в мехах и внутри страны. Поэтому рассмотрение вопросов состояния охотничьего хозяйства, как отрасли народного хозяйства, вопросов его дальнейшего развития и технического прогресса в свете решений октября Пленума ЦК КПСС приобретает важное значение.

Наша страна располагает благоприятными природными условиями для интенсивного ведения охотничьего хозяйства. Особенно ярко выражены эти возможности в Российской Федерации, которая дает свыше 80% пушнины и до 90% дичи от общих заготовок в стране. Совет Министров СССР и Совет Министров РСФСР за последние годы при-

няли ряд важных постановлений, направленных на дальнейшее развитие и повышение экономической эффективности охотничьего хозяйства. В то же время уровень развития этой отрасли на фоне современного технического прогресса во многом еще отстает от других отраслей народного хозяйства.

В охотничьем хозяйстве крайне мал объем научных исследований. По существу, их ведет лишь одно специализированное учреждение — Всесоюзный научно-исследовательский институт животного сырья и пушнины. Правда, научная разработка отдельных вопросов охотничьего хозяйства осуществляется целым рядом ученых на кафедрах некоторых вузов, но не входит в их основную задачу.

В этой связи можно считать весьма важным и отрадным событием создание в канун 1969 года Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников при Главохоте РСФСР. Определены основные направления научной деятельности этой лаборатории, которые включают:

- разработку научных основ организации и ведения высокопродуктивного охотничьего хозяйства в различных зонах РСФСР с учетом необходимости комплексного использования и воспроизводства природных ресурсов;

- научно-методическое руководство исследованиями в области охотничьего хозяйства, координация и обобщение научно-исследовательских работ, проводимых заповедниками на территории РСФСР;

- научное обоснование и разработку методов учета охотничьепромысловых ресурсов, их оценки и рационального использования;

- научное обоснование и разработку биотехнических мероприятий;

- исследования экономики и организаций охотничьего хозяйства;

- научное обоснование и разработку методов устройства и организации охотничьих угодий;

- изучение биологии, экологии охотничьих животных. Изучение болезней и других факторов, влияющих на численность диких животных;

- изучение состояния техники охотничьего хозяйства и разработку мероприятий по ее усовершенствованию.

Исходя из поставленных задач, Главохота РСФСР утвердила Положение и структуру Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников, которые предусматривают создание соответствующей материально-технической базы и укомплектование лаборатории высококвалифицированными учеными

и специалистами для обеспечения обстоятельных исследований актуальных проблем развития охотничьего хозяйства и заповедного дела в РСФСР.

Актуальные и нерешенных проблем в охотоведении, как и в любой области знаний, безусловно, много. В изыскании научных методов ведения охотничьего хозяйства есть своя специфика. Она основана прежде всего на собре большого фактического материала на громадных просторах тунды, тайги и лесостепной зоны. Поэтому только с помощью и в содружестве с учеными и специалистами научных учреждений, практическими организациями и охотниками возможно успешное решение поставленных проблем.

Центральная научно-исследовательская лаборатория в своей научной деятельности будет опираться на широкую государственную сеть системы Главохоты РСФСР. Это прежде всего сеть госпромхозов, расположенных в основных промысловых районах, сеть государственных заповедников, заказников республиканского и местного значения, государственных лесоохотничьих хозяйств, управлений охотничьепромыслового хозяйства и государственных охотничьих инспекций при обл(краев)исполкомах, Советах Министров АССР и, наконец, широкая сеть районных охотоведов, учрежденных во всех важных в охотхозяйственном отношении районах.

Для осуществления полевых научных исследований и опытно-экспериментальных работ Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников предоставлено право создавать опорные пункты, стационары, зональные биотехнические станции, экспедиции, опытные и экспериментальные охотничьи хозяйства, питомники и фермы по разведению охотничьих животных.

Центральная научно-исследовательская лаборатория охотничьего хозяйства и заповедников создана в живописном уголке природы Подмосковья на базе Лосиноостровского участка Истринского государственного лесоохотничьего хозяйства, т.е. в местах, где зарождалась в двадцатых годах охотоведческая наука. За лабораторией закреплены прилегающие угодья площадью 11 тыс. га, где будет одновременно проводиться разработка научно обоснованных мероприятий по обогащению фауны Подмосковья.

Большие задачи поставлены перед лабораторией. Коллектив работников этой новой научно-исследовательской организации должен мобилизовать все силы и возможности для их выполнения.

ласка

Этот зверек — один из самых мелких хищников. Он похож на горностая, но в зимнем наряде у горностая кончик хвоста черный. Распространена ласка по всей территории России, на севере меньше, на юге больше. Водится там, где достаточное количество мышевидных грызунов, которых она ловит с удивительной ловкостью, принося большую пользу людям.

Снять ласку в природе очень трудно. Лишь случайность помогла мне сделать эти кадры. Я снимал лисицу, как вдруг появилась ласка. И тут я понял, какую допустил ошибку — не взял второй фотоаппарат. Имея при себе длиннофокусный объектив, снять ласку с двух метров не представлялось возможным. После этого случая я стал носить два фотоаппарата, но, честно говоря, долго себя ругал, что не сделал этого раньше. Но все-таки надеялся на успех и краулил ласку в том же месте.

Оказалось, что здесь был ее любимый переход. Появилась она неожиданно. Взмах руки остановил ее, она насторожилась, и я успел поймать в объектив эту красавицу.

А. Назаров, биолог-охотовед

В поля за русаком

А. АЗАРОВ

Ранее у себя на родине в Сибири мне не доводилось тропить русаков, т. к. они у нас в таежной зоне не водились. Оказавшись по долгу службы в Ленинградской области, захотелось освоить эту охоту. Но после первых же выходов до меня дошло, что здесь ничего не получится. Пытался расспросить об этой охоте товарищей, но те утверждали, что тропление — дело ненадежное, лучше вытаптывать. И сейчас, по прошествии многих лет, из разговоров с охотниками убеждаюсь, что «умельцев» тропить зайцев не так уж много. Большинство считает, что шансы здесь ничтожны. Только ноги бьешь. Каких-либо подходящих «инструкций» в охотничьей литературе не нашел. У Н. Руковского, правда, вычитал, как отличать следы русака от беляка (что я естественно хорошо знал и ранее), но дальше... Дальше эту науку (а вернее практику) осваивал ногами, колеся по полям Ленинградской области. Теперь уж отношу эту охоту к одной из захватывающих активных охот.

Итак, по порядку. Вся охота состоит из хождений по полям и перелескам. Поэтому одеваться надо соответственно. Чуть теплее, чем на лыжный кросс 10 км. Вязаная шерстяная шапка (толстая) или две тонких шапочки, один-два свитера, суконная куртка, брюки х/б, резиновые сапоги, если снег неглубок, или валенки с лыжами, если снег глубже — 15—20 см. За плечами легонький солдатский вецимешок с термосом и бутербродами, чтобы не возвращаться «на подсоссе» долгой безлюдной «дорогой» домой. Правда, если повезло, и русак в котомке, то дорога всегда кажется короче.

Если сошел с платформы в незнакомой местности — не помешает и компас. И сразу же — сориентироваться (к примеру: от железки направляюсь на юг, значит, вечером домой буду идти на север). Иначе, прихватив сумерки, можно опоздать даже на последнюю электричку. Ружье желательно иметь 12 или 16-го калибра с резким боем, т. к. стрелять часто приходится до 50 метров. Патроны с дробью № 2,1 весом 33-34 г, войлочный пыж, пороха «Сокол» 2,2-2,3 гг. Я предпочитаю Иж-27. Ранее ходил с МЦ 21-12. Но оно все же тяжеловато, а надежда на 3—4 выстрела не всегда оправдывается.

Когда знаешь, что в вертикальке всего 2 патрона — больше собранности. К тому же можно ударить сначала дробью № 2, а на дальний выстрел оставить патрон с дробью № 1.

Идеальной погодой для тропления можно считать оттепель +2, +3 градуса, а под ногами неглубокий снежок, выпавший накануне. Но вчерашняя погода не так уж обязательна. Свежий след «вашего» русака будет резко отличаться от всех старых маликов. С

За русаком

Фото Д. Косарева

накоплением опыта это будет видно «как днём». Конечно, сначала надо приобрести опыт начинающего следопыта: уметь видеть, что следы от передних лапок русака меньше, чем у беляка; что следы от задних лапок русака — заостренные, как наконечник копья; что расстояние между следками передних и задних лапок у русака больше, чем у беляка; что след у русака — прямолинейнее. Вообще, если русак не на жировке, то он любит «погарцевать» по прямой, 3—4 км для него не расстояние, он любит промчаться по дороге вдоль канавы, просеки, его следы повторяют «геометрию» пашни, поля.

Пригодится нам и знание еще одной поварядки русака: промчавшись по дороге 2—3 км и сделав скидку на какой-либо участок поля, пашни, зарослей, он может там залечь. Но если ваш товарищ «стронет» его с лежки, заяц, как правило, вылетит опять на эту дорогу, причем почти в том же месте, где он делал скидку.

Следует для начала научиться различать характер следов. След на жировку — прямой, ровный, спокойный, расстояние между следками передних и задних лапок — большое. След жировочный очень характерный: заяц петляет, следки зачастую группируются вместе, временами русак «присаживается», обрызгивает веточки ивы, осинок, полыни, много помета. След с жировки — ровный, прямой, направленный от жировки к лежке, но расстояние между следками передних и задних лапок уже короче. След гонный — расстояние между следами очень большое. Коронные же приемы запутать след из-

вестны, пожалуй, любому охотнику — это скидка-прыжок (смётка) с основного пути в сторону на 3—5 метров, за куст, на оголенный от снега пятак земли, а также «двойка» (тройка) — это когда русак, пробежав некоторое время по прямой, возвращается тем же следом и делает смётку. Если проезжал смётку, идя вдоль следа зайца, не обратил внимания, что идешь уже по «странному» — двойному следу, тонаткнешься на тупик. Чертыхнешься, но делать нечего, надо опять возвращаться и искать смётку. А зимний день — короток. Но заяц не был бы заяцем, если бы набор его хитростей на этом кончался. Он живет рядом с человеком и его местные охотники давно бы выбили. Русак горазд и на другие приемы спасения своей жизни. В частности, он очень хорошо умеет оторвать от себя преследователя тем, что может проскочить по бровке борозды, где нет снега, по какой-либо балке, бревну, по корочке льда, где не остается следа, по торной дороге. Чтобы найти продолжение следа, надо обрезать это место по кругу. Иногда несколько раз, с захватом все большей площади. И еще. Много зайцев упущено охотниками по одной простой причине. Считаем, что зайчик — трусишка, и если прошел около его лежки в 15—20 метрах — он вскочит и бросится улепетывать. Как бы не так! Заяц не трус, а зверь с крепкими нервами. Нам бы такие. У меня было множество случаев, когда вытropлив русака, долго не мог выгнать его из-под какой-либо кучи кучи нагроможденных балок, бревен, плит, из-под наддува снега в мелиоративной кан-

ве. Не помогает здесь ни хлопанье в ладоши, ни крики «кышш», ни свист. Сидит, пока не наступишь на него. А наступить не всегда возможно. Я даже подозреваю, что он сидит в укрытии и ухмыляется в ответ на мои крики. Вот тебе и трус...

Итак, о технике тропления. Прибыть на поле желательно пораньше, с утра. «Копаться» в жировочных следах на поле — дело почти безнадежное. Здесь легко запутаться или перескочить на «чужого» зайца. Подозреваю, что многие бросили затею вытропить зайца именно после безуспешных попыток распутать след на жировке. Особенно это трудно в многоследицу. Надо «обрезать» поле и искать выходной след с жировки на лежку (вот для чего нужно различать характер следа). И здесь, конечно, можно ошибиться, но на то она и охота. Ищи другой след...

Итак, след повел с поля в мелколесье, затем вдоль канавы на другое поле и повел куда-то по дуге. Это уже петля. По ней идти надо. Здесь ничего не срежешь, эта петля может перейти в двойку, не прозевав смётку — сокращаем путь иходим на вторую петлю, которая опять переходит в двойку (тройку), затем можем вырулить на третью петлю.

Вариантов здесь множество. Хотя приемы одни и те же, но в разных комбинациях. Вот прошли 2—3 петли, 1—2 двойки, тропим дальше. Но — парадокс! Тропление как таковое здесь и кончается. Вот где, воистину, надо вовремя остановиться. Это главный секрет, изюминка! Тот, кто продолжает тропить до самой лежки, тот никогда не принесет зайца. Дело в том, что перед самой лежкой русак особенно мудрствует, петляет на небольшом участке 100—200 метров в диаметре. А ложится в укромном месте у своего следа. И если идти, вперившись взглядом в след, — русак, пропустив охотника, спокойно (незамеченный) убегает. Охотник же, распутав след до конца, с удивлением и горечью обнаруживает еще тепленькую лежку. И вдбавок вдруг видит, что он только что прошел мимо нее в 5—7 метрах. Это «коронная» ошибка начинающих (и не только их).

Как только прошли основные петли и двойки — след надо бросить. Сделать это непросто. Он притягивает как магнит. Голову надо поднять и обходить подозрительные места, закручивая (обрезая) их по спирали (улиткой) против часовой стрелки. Идти надо сверхосторожно. Головой вращать все время как локатором. Заяц внезапно вскочит впереди, если ваш путь случайно напорется на лежку. Как правило, вы увидите русака, вскочившего будто пружина где-то сзади или сбоку. Здесь помогает боковое зрение. Если заяц вскочил близко — не надо горячиться, надо отпустить, а затем бить с поводкой. Если вскочил далековато — бить немедля. Если заяц сразу не закувировался — надо внимательно рассмотреть,

Трудовой трофей

Фото А. Живцова

реть, как легла дробь, нет ли особенностей в его беге (ранение). Бывает, что русак падает, растигнувшись на снегу, через несколько метров.

При промахе, к тому же при приближении вечера, лучше не начинать все заново. Вряд ли успеете качественно повторить весь цикл. Скорее всего второпях только напортачите. Лучше проанализировать сегодняшние ошибки,

чтоб не повторять их в следующий раз.

Эта охота повышает личную самостоятельность. Надеяться здесь не на кого. Допустил ошибку — вини только себя. Походить придётся много. В среднем за день около 20 километров. Прибавьте к одной удачной охоте 1—2 пустых и станет понятно сколько времени и сил требуется для добычи одного русака.

Потерялась собака

В Новосибирской области в Сузунском р-не недалеко от границы с Ордынским р-ном в начале ноября потерялся кобель западносибирской лайки по кличке Тайшет.

Любую информацию сообщать по тел.

+ 7-605-945-99-81,

+ 7-906-193-99-90,

8 (38345) 71-650,

8 (38345) 24-887

Долгушину

Анатолию Юрьевичу

Вознаграждение гарантирую

Жизнь, отданная охотничьему хозяйству и охране природы К 85-летию П.Д. ИВАНОВА

В прошлом году исполнилось 85 лет старейшему Ленинградскому (Петербургскому) охотоведу, Почетному члену ЛОООиР, Почетному члену ассоциации Росохотрыболовсоюза, Заслуженному работнику охотничьего хозяйства России — Павлу Дмитриевичу Иванову. На руководящих должностях в Управлении охотничьим хозяйством и в Обществах охотников области он проработал 60 лет, из которых 33 — в Госохотинспекции (в дальнейшем переименованной в Управление охотничьего хозяйства) при Леноблисполкоме.

П.Д. Иванов родился 20 августа 1925 г. в дер. Большие Шатновичи Лужского р-на Ленинградской обл., где и прошло его детство. Родители — из крестьян. Имели лошадь и корову, которая давала 7 л молока. В 30-м г. «попали под раскулачивание», отобрали скотину, но, слава Богу, самих не тронули. Нужда была страшная и в 1932 г. мать подалась на заработки в Ленинград, где жила у родной тети и перебивалась на разных временных работах. В 1934 г. приехала за мужем и двумя детьми в деревню и перевезла их в Ленинград.

Летом 1941 г. детей отправили отдыхать к бабушке в родную деревню. Гранила война. Отец ушел на фронт, где вскоре погиб, а мать, перед самым приходом в деревню немцев, приехала за детьми и сложными путями, где пешком, где на поездах-подкидашах добралась с ними до Ленинграда. Здесь Павлик поступил учиться в 9-ю специальную артиллерийскую школу, ощутил все тяготы блокадной зимы 1941—1942 гг. Неизвестно, как могла сложиться судьба будущего охотоведа, если бы в конце зимы школу не эвакуировали в Горную Шорию Кемеровской обл. Закончив ее в 1944 г. Павел Дмитриевич по распределению попадает на Южный Урал в город Белорецк во 2-е Ленинградское артиллерийское училище, где учащиеся занимались на «Ускоренных курсах» подготовки младших командиров. Весной 1945 г., получив звание мл. лейтенанта, молодой офицер был направлен в Германию для прохождения воинской службы. В конце зимы 1947 г. демобилизовался и вернулся в Ленинград.

П.Д. Иванов в свободное время увлекался спортом, рыбакой и охотой. В 1945 г. участвовал в Спартакиаде Ленфронта, многократно выступал по различным видам спорта в областных и Всесоюзных соревнованиях. Еще мальчишкой испытывал постоянную тягу к охоте, используя для этой цели такое «оружие» как рогатка, лук и разные самоловы-насторожки. Первым серьезным трофеем был лесной хорь, ко-

Павел Дмитриевич Иванов с добытым лосем

торого 7-летний Павлик поймал в дротах за хлевом в ящичную ловушку, подаренную ему дядей. На деньги, полученные в г. Луга у приемщика пушкины, были куплены первые в жизни калоши.

После демобилизации пришло время подумать о выборе гражданской профессии. Постоянно тянуло к охоте, хотелось быть полезным в деле охраны природы, но неоднократно перелистывая справочники для поступающих в вузы Ленинграда и не найдя в них факультета, где бы готовили охотоведов, отдал предпочтение второму своему увлечению — спорту.

Уже будучи студентом 2-го курса Ленинградского ин-та по физической культуре и спорту им. П.Ф. Лестгата, Павел Дмитриевич узнал о том, что в Москве существует Пушно-меховой институт (МПМИ) с факультетом охотоведения и звероводства, куда сразу же и поступил на заочное отделение. В 1951 г., закончив институт физкультуры и спорта, он получает из МПМИ предписание о необходимости продолжения учебы. Устраивается на должность старшего охотинспектора в Управление охотничьего хозяйства при Леноблисполкоме.

Заслуги П.Д. Иванова в деле сохранения природы и развития охотничьего хозяйства Ленинградской обл. велики. С 1951—1953 гг. он работал ст. госохотинспектором Управления охотничьего хозяйства, с 1954—1955 гг. — инструктором-охотоведом спорткомбината ЛОСО «Динамо», с 1955—1985 гг. — ст. охотоведом Госохотин-

спекции при Леноблисполкоме. В 1991 г. (уже на пенсии) был назначен начальником отдела охотничьего хозяйства, производства и реализации продукции Управления охотничьего хозяйства Леноблисполкома. С 1994 по 2004 г. работал в должности председателя правления Смольянинского межрайонного общества охотников и рыболовов, а с 2004 г. и по настоящее время — Член Совета и Правления Межрегиональной общественной организации ЛОООиР.

За годы трудовой деятельности в системе охотничьего хозяйства Ленинградской обл. под руководством П.Д. Иванова создан институт общественных охотничьих инспекторов. Это была 1,5-тысячная армия защитников фауны, кандидатов в которую рекомендовали общие собрания охотколлективов. Как и штатные егери, инспекторы имели право составлять протоколы на нарушителей. На их долю приходилось 2/3 выявленных фактов нарушения правил охоты.

П.Д. Иванову принадлежит инициатива вывода из списка «вредных хищников» медведя и рыси, за отстрел которых в любой сезон выплачивали премии. Он ввел в действие по Ленинградской обл. лицензионную добывчу медведя и установил жесткие сроки охоты на рысь. Организовал бригады охотников-волчатников, которые действовали в местах наибольшей численности хищников. По его просьбе в 1956 г. Главохота РСФСР впервые в стране поручила Ленинградской Госохотинспекции использовать

препарат фторацетат бария для уменьшения высокой численности волков, приносящих в те годы огромный ущерб охотничьей фауне и сельскому хозяйству. Результат был успешным: только за 1956 и 1957 гг. в области было уничтожено около тысячи волков.

В 1960—1961 гг. под его руководством проводилось охотоведение государственного резервного фонда охотугодий и за 2 года было спроектировано 332 охотничьих хозяйства, которые были закреплены за коллективами охотников для ведения охотничьей деятельности. В начале 70-х гг. удалось разработать и устроить по всей территории области порайонную систему государственных видовых охотничьих заказников, которые просуществовали до 2004 г. Заслуга П.Д. Иванова — организация работ по внутриобластному расселению европейского и пятнистого оленей, по добыче пушных зверей в угодьях Ленинградской обл. Охотколлективы обязаны были сдавать ежегодно государству пушную продукцию.

Павел Дмитриевич — мыслящий и коммуникабельный человек, постоянно советовался со специалистами зоологических и охотоведческих научных организаций, поддерживал связь со всеми сотрудниками Западного отделения ВНИИОЗа, обсуждая и внедряя в производство передовые идеи и разработки ученых. Вместе с ними он отрабатывал новые методики учета охотничьих животных и совершенствовал ловушки для животлова бобра и ондатры, способствовал созданию картотеки охотников-корреспондентов, представляющих сведения о состоянии запасов промысловых видов, ввел систему ежегодного учета охотничьих зверей и птиц в области и временный запрет на добычу европейской норки, ставшей редкой в пределах всего ареала вида.

Иванов участвовал в первом выпуске речных бобров в области в 1952 г., разработал программу заселения ими всех пригодных для обитания водотоков. Звери прижились и уже в начале 60-х гг. начались их лицензионный отлов. Ему принадлежит и «пальма первенства» обнаружения канадского бобра в Ленинградской обл. Отловив в 60-х гг. двух «подозрительных» по окрасу зверей, он отправил их черепа в Воронежский госзаповедник известному знатоку бобров ст. научному сотруднику Л.С. Лаврову и получил заключение, что они относятся к канадскому виду, небольшая партия которого еще в 30-х гг. была выпущена в этой местности финскими зоологами. Это дало Павлу Дмитриевичу основание выйти с предложением в Главохоту РСФСР осуществить плановый отлов канадских бобров и начать ра-

боты по их переселению в дальние регионы нашей страны, туда, где отсутствовали особи европейского вида. Данное предложение приняли и уже на следующий год 20 первых отловленных животных отправили самолетом в Хабаровское охотоведение. В дальнейшем за короткий период 450 канадских бобров были расселены в угодьях Хабаровского края, Амурской обл., территории Камчатки и о. Сахалин.

Огромное практическое значение имели и совместные работы Павла Дмитриевича со ст. научным сотрудником Западного отделения ВНИИОЗа Альшулем М.П. по внутриобластному расселению буровой и черной ондатры; последнюю отлавливали большими партиями для отправки на водоемы Псковской и Новгородской обл., в Калмыкию и Ставропольский край. П.Д. Иванову принадлежит инициатива по внедрению в практику промысла ондатры, закрепление занятых ею угодий за лучшими охотниками-капканщиками. Благодаря этим мерам заготовка шкурок ондатры всегда оставалась на стабильно высоком уровне.

За годы работы юбиляр прочел десятки лекций на тему охраны природы и ведения охотничьего хозяйства на сбоях охотоведов и егерей, в коллективах охотников, опубликовал огромное количество статей и фотографий. Является членом Клуба фотоохоты ЛОООиР, участник фотоконкурсов Росохотрыболовсоюза, 4-х Международных выставок охотничьих трофеев. В охотничьих сборниках и журналах им опубликовано около 30 науч-

ных и научно-популярных статей.

Павел Дмитриевич — ветеран Великой Отечественной войны. Имеет медаль «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и другие правительственные награды. Получил удостоверение «Жителя блокадного Ленинграда». За большой вклад в развитие охотничьего хозяйства награжден 6-ю Почетными грамотами Леноблисполкома, 4-мя Почетными грамотами Главохоты РСФСР, серебряной медалью ВДНХ, Большой Памятной медалью Всероссийского общества охраны природы и 32-мя Почетными грамотами Роспотребсоюза за сдачу государству пушнины.

Интеллигентный, колоритный и обаятельный Павел Дмитриевич Иванов прекрасный рассказчик и слушать его одно удовольствие. Слава Богу, он и теперь, преодолевая жизненные невзгоды, не бросает ружье, капкан, лыжи и к нашему удовольствию часто появляется еще и в кругу друзей.

Многолетние друзья и коллеги Павла Дмитриевича поздравляют дорогого Юбиляра, высоко ценят его заслуги в деле охотничьего хозяйства, профессионализм, доброжелательность, отзывчивость и постоянную готовность передавать свой богатый опыт молодым охотоведам, желающим оставаться все таким же энергичным, неутомимым и жизнерадостным. Здоровья Вам, Павел Дмитриевич, многих и плодотворных лет жизни, ну и, конечно же, новых охотничьих удач, встреч и впечатлений.

И. ТУМАНОВ, В. СМЕЛОВ,
А. КОЖАЕВ

Производим и реализуем
КАПКАНЫ КА-2
для отлова соболя,
куницы, белки,
хоря, колонка.

610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kirov@mail.ru

ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ

Реклама

Наш адрес и телефон

101000 Москва, Потаповский переулок, д. 3. Тел. (495) 641-02-28

Промысел белки с лайкой

С. БОГАТОВ, Иркутская обл.

Печально, но факт, по многим причинам охота на белку сегодня не пользуется той популярностью, какая была в 70-е — 80-е годы. Промысел белки сегодня стал нерентабелен. Главная причина — экономическая. Низкие закупочные цены, высокие цены на бе-еприпасы и продукты, дорогой завоз в угодья и т.д. Это неминуемо приведет к сокращению поголовья лаек, работающих по белке, и существует реальная опасность исчезновения чисто беличьих собак. И если на экономическую составляющую промысла белки трудно повлиять, то в наших силах усилить популяризацию охоты и промысла белки путем проведения различных племенных мероприятий (например, состязаний различного уровня). Кроме этого, многие охотники, особенно молодые, не осознают до конца, какое сокровище попало к ним в руки в лице белочатницы, т.к. не знакомы с некоторыми особенностями промысла белки. Я надеюсь, что эта статья напомнит некоторые маленькие секреты промысла белки и послужит популяризации удивительно азартной и красивой охоты на белку с лайкой.

При промысле белки с собакой основным средством производства является лайка. Разберем работу собаки по некоторым элементам работы.

Чутье. Для большинства лаек характерны два основных направления или способа работы по белке (хотя крайне редко и встречаются собаки, способные работать и тем, и другим способом) — охотники называют их — работы «низом» или «верхом».

При работе «верхом» собака пользуется в основном слухом. При этом она способна четко фиксировать нахождение зверька порой на очень большом расстоянии (я отмечал до 200 м). С собаками, работающими «верхом» очень добычливо охотиться когда белка находится наверху (при урожае различной шишки), но при урожае грибов охота с такой собакой мало эффективна, т.к. белка вся на полу и искать ее на слух без толку. Кроме того, лайки, работающие «верхом» меньше ошибаются в мороз, когда запах быстро «вымерзает» и по следу сложнее найти белку.

При работе «низом» лайка для обнаружения зверька использует в первую очередь обоняние и находит белку по запаху. Или следком, или по частичкам посорки при кормежке зверька на дереве, или перемещении верхом. Такие собаки имеют уникальный нюх. В сезон, когда белка кормится на полу, охота с такими лайками самая добычливая. Но в морозную погоду они проигрывают лайкам-верховикам, т.к. запах быстро вымерзает, кроме того, в мороз очень шумно и белка, далеко ус-

ышав собаку, затаивается. Очень редко встречаются собаки, способные работать и тем, и другим способом.

Вообще о работе в мороз следует сказать отдельно. Выражение «стабильность — признак мастерства» четко характеризует требования к работе лайки именно в морозную погоду. Дело в том, что многие охотники максимальное количество белки добывают в бесснежное время осени. При выпадении снега (появляется кухта) и наступлении морозов добычливость резко снижается. А т.к. добычливость на промысле белки в первую очередь зависит от работы собаки, то собаки у таких охотников слабые. Если вы добываете 20 белок в начале осени, а в мороз 2—3, то ваша собака не великий бельчатник. А если соотношение добычливости 20—25 в тепло и 12—15 в морозную погоду, то в этом случае вам крупно повезло и вы владелец настоящей беличьей собаки. В массе в мороз чаще ошибаются собаки, работающие «низом» и добычливость с ними снижается больше. Лайки с верхним чутьем в мороз предпочтительнее. Собаки, не умеющие работать в холодную погоду, ведут себя по-разному: или делают много пустых полаек, или, если не уверены до конца, что зверек на дереве, не подают голоса. При этом результат только один — добычливость резко снижается. К сожалению, и в промысловых районах собак, способных продуктивно работать в мороз, не так много, и многим охотникам приходится расплываться, что необходимо не разводить своих слабых собак, а стараться взять и вырастить щенка от сильных бельчатников и уже его пускать в разведение. Поэтому я категорически против положения наших правил испытаний по белке, где сказано, что испытания не проводятся при температуре ниже 20 градусов Цельсия. Не проверяя способность работать в морозную погоду и не выбраковывая таких лаек, мы сознательно разводим слабых собак.

Отдельно хочется сказать о верности чутья. Это злободневная тема, которая очень часто обсуждается охотниками. За свой 25-летний стаж промысла белки я не видел собак, которые не ошибаются ни разу. Если охотник говорит, что его собака никогда не врет, то он либо говорит неправду, либо его лайка из 10 возможных белок находит только 3 и то, когда наткнется на них. И причин тут много: неопытность собаки, мороз, ветер, большое количество собак, создающих много шума, и т.д. При множестве причин выход только один — жестоко пресекать вранье. Хоть верность чутья базируется на наследуемых признаках лайки, но охотник может повлиять на него сво-

им правильным или не правильным поведением. Так можно испортить собаку с хорошим чутьем и отучить вратить лайку со средним или слабым чутьем, что необходимо в практической работе на промысле. Работу по становлению верности чутья начинают с щенячьего возраста и поддерживают весь период охоты с собакой. При охоте с молодой лайкой я сначала стараюсь обойти дерево со всех сторон, пытаясь обнаружить зверька. Если дерево невысокое и я уверен, что белки там нет, то применяю свой главный аргумент — добрый посох. Если я не уверен до конца, то стреляю по дереву 1—2 раза из малокалиберного ствола. Не обнаружив зверька, собаку не бью, но ругаю и отзываю. Лучше не добыть 1—2 белки, которые ты не смог обнаружить, чем потом попусту потратить время и боеприпасы на обстреливание и осмотр 10 деревьев, на которых зверька нет и собака на них лает только потому, что видит мой интерес к этим деревьям. Такой «синдром враля» закрепляется, если охотник начинает стучать по дереву топором, палкой или другим способом старается выпугнуть зверька, которого там нет. Этого делать нельзя. К сожалению, в азарте добыть охотник этим пренебрегает и сам стимулирует собаку не обязательно обнаруживать белку. Быстро закрепляется условный рефлекс на интерес охотника и дело доходит до того, что лайка начинает лаять на дерево, даже когда хозяин его просто разглядывает. Это, конечно, крайний вариант и таких собак устраниют. Вообще, как бы ни казалось жестоким такое воспитание, на промысле только так можно добиться верности чутья. И охотник должен знать, что всегда можно найти причину, чтобы оправдать вранье собаки и не наказывать ее, но при этом добычливости не будет, а на промысле это не допустимо. Лишь я, если даже вижу белку, а лайка не дает голос, крутится под деревом, еще не доискался зверька, не стреляю, а иду мимо или останавливаюсь в стороне. Если собака залает, то я вернусь, но при этом исключается возможность закрепления «синдрома вранья».

Как это не покажется странным, но большее количество белки в районах, где обитает еще и соболь, добывается не с чисто беличьими собаками, а с молодежью. Молодые лайки очень азартны, нестомчивы и с удовольствием работают по белке (если хозяин это не пресекает) пока не начинают с возрастом переключаться на соболя или лося. Характерная особенность промысла с молодежью та, что наряду с интенсивной охотой еще необходимо параллельно вести их обучение и дрессировку. При этом молодые охотники,

«настраивая» щенка, должны знать такую особенность работы первоосят, как частые проверки.

Собака находит белку или даже загоняет ее на дерево и начинает облавливание. Белка затаивается и не проявляет себя. Если хозяин быстро не смог подойти, щенок начинает сомневаться и снова пытается доискать зверька. Убедившись, что белка на месте — продолжает облавливание. В этот момент белка может переместиться или собака слышит другого зверька при высокой численности белки и бросает уже найденного зверька. В такой ситуации щенок еще не заражен «синдромом вранья», просто оказывается недостаток опыта. Охотник должен разобраться и не наказывать собаку. В таких случаях, убедившись, что щенок проверяет и ошибается, я стараюсь как можно быстрее к нему подойти, или, вытрапив место где он лаял до этого, начинаю шумно добывать белку (например, стреляю 1-2 раза мимо дробью), лайка возвращается на выстрел под дерево и в ее присутствии добывает зверька. При проведении такого несложного тренинга щенок быстро набирает опыт и отвлекается на проверку все меньше и меньше.

Следующий элемент работы — **поиск**.

В нашей охотничьей литературе считается аксиомой, что поиск у белчватницы должен быть не широкий и не глубокий, на кругах или членком. При проведении охоты так оно скорее и должно быть, но на промысле несколько другие законы. Здесь охотник должен добывать максимальное количество пушнины с минимальными физическими и материальными затратами. И все здесь, начиная с работы собаки и кончая рационом питания самого охотника, подчинено этому закону.

С моей точки зрения, поиск лайки при промысле белки — величина регу-

лируемая, и зависит от мастерства собаки и численности зверька. При высокой численности белки хорошая белчватница просто не может далеко оторваться от охотника, т.к. делает полайку за полайкой. А при низкой численности поиск увеличивается в ширину и глубину, т.к. собака стремится найти белку и ею движет неуемный охотничий инстинкт. Если лайка не уходит от хозяина дальше 50—100 метров, то когда белки мало охотник просто наводит собаку на зверька, а должно быть наоборот — собака ведет поиск пока не найдет белку. На промысле это необходимо по следующей причине. Дело в том, что на полайку охотник идет быстрее, чем просто по охотничьему маршруту, и когда лайка ведет поиск сообразно условий (плотности белки), за световой день добыча будет выше, чем если охотник наводит собаку на зверька. Для иллюстрации всего вышесказанного хочу привести два примера.

В октябре 1993 года я шел во второй половине дня в сторону зимовья по геофизическому профилю. Две собаки «улетели» вперед, и метрах в 300 залаяли на белку прямо у профиля. Со мной осталась сука Яна 4-х лет. Она нашла белку в 50 метрах справа по ходу. Я оставил котомку на профиле и добыл зверька. В следующие полчаса добыл еще 7 белок, причем каждый раз, выходя на профиль, я видел свою понягу. Большая численность белки и высокое мастерство собаки просто не давали уйти. А в этот момент две другие лайки облавливали добычу в 300 метрах от меня.

В сентябре 2002 года мы проводили Жигаловские районные испытания по белке. В первый пристрелочный день отработали до обеда и решили переехать в другие угодья, т.к. зверька было мало. Мой кобель Скиф (3 года) на-

шел 2 белки в первом запуске. После переезда кобеля пустили во второй запуск, и 20 минут комиссия проходила сама по себе. Собака не появлялась и не лаяла. Уже решили идти на табор, когда кобель залаял метрах в 400 внизу у кромки поля. После отработки этой белки мы продолжили маршрут вдоль поля, пес нашел еще 2 белки и получил диплом первой степени. Он просто обыскал угодья где ходила комиссия, т.к. зверька не было — расширил поиск, уходя от хозяина, пока не нашел белку. Как потом оказалось, белка скопилась именно вдоль полей на мелкаче. Если бы кобель работал в 50—100 метрах от охотника, мы бы ничего не нашли, т.к. нам и в голову не приходило спускаться к полям.

Как на беличьей охоте, так и на промысле очень нежелателен прямолинейный поиск. При таком поиске собака не достаточно плотно обыскивает угодья и вместо планомерной работы по добыче белки получается беготня по лесу, особенно если маршрут проложен по профилям, дорогам или тропам.

Слежка. К сожалению, в последнее время приходится слышать мнение, что при проведении испытаний по белке слежку необходимо исключить из проходных элементов работы на диплом. При этом мотивация такая, что на промысле охотник никогда не гоняет белку, а старается ее быстро добыть. Этого категорически нельзя делать! Конечно, промысловик белку не гоняет, но вот какая нездача: она сама (белка) иногда бежит верхом многие сотни метров, не только после первого промаха, но в некоторые годы просто так, без видимых причин. И если собака не следует зверька или следует плохо, то при промысле с такой лайкой будет много пустых полаек и большие затраты времени и боеприпасов.

Характер облавливания. Так же очень важный элемент работы лайки по белке. Дело в том, что период промысла белки с собакой очень короткий. Это стадная пора. Охотник старается работать без выходных, чтобы добыть максимальное количество пушнины. Количество добытой пушнины, кроме трудолюбия охотника, зависит от скорости работы собаки и быстроты добычи каждого отдельного зверька. В идеале белка должна добываться с первого выстрела, и охотник должен тратить как можно меньше времени на ее обнаружение. А это, в свою очередь, напрямую зависит от характера облавливания. Поведение собаки под деревом может либо облегчить, либо сильно осложнить обнаружение и добычу зверька. Это особенно актуально при охоте в смешанной или темнохвойной тайге. Лично я более 20 лет охочусь в кедровнике, и этот элемент работы считаю наиважнейшим.

По нашим охотничим канонам, описанным в литературе, собака должна аккуратно облавливать белку чуть в стороне от дерева, четко следить за ее перемещением, при этом занимать позицию, оптимально позволяющую

Западносибирская лайка в горах

Фото С. Зуева

контролировать зверька. Это идеал, и я полностью согласен с этим. Но, к сожалению, промысловые собаки не редко так не работают. И в этом отношении я ставлю выше собак заводского разведения. Приходилось охотиться с теми и с другими, при этом лайки промысловых районов явно проигрывали.

Факторов, влияющих на характер облавивания, множество, это в первую очередь наследственность, азарт и горячность собаки, ревность к другой лайке под деревом и т.д. Опять же, при множестве причин, итог только один, когда собака лает прямо под деревом, прыгает на него, грызет сучки, то белка пугается, и обнаружить ее в кедре бывает очень сложно. А в дальнейшем это еще осложняет и добычу, т.к. напуганная собакой белка после первого же неверного выстрела начинает либо тащиться, либо убегать.

Здесь мне хочется описать одну аномалию, отмеченную мною у промысловых собак. Дело в том, что иногда встречаются лайки, которые, в зависимости от ситуации, не лают совсем. Так, например, если собака слышит, что я иду на нее, то она не подает голоса. Бывает, идешь, видишь — сидит лайка, над ней белка. Такие собаки имеют очень уравновешенный тип ВНД. Как ни странно, но такое не лающее (от слова лаять) поведение не мешает на промысле, а иногда, при охоте в темнохвойной тайге, это даже удобно. Чем руководствуется собака в такой ситуации я не могу сказать, но зверек такого поведения не пугается, а, бывает, сидит в 4—5 метрах от земли и делает вид, что затаился (какой-то гипноз). И что самое интересное, та же самая собака в другой ситуации нормально делает полайку согласно лающим канонам. Такого «молчальника» заметно со щенячьего возраста. Первосенок активно интересуется запахом, видом зверька, но не лает. Его нет нужды стрелять, лучше попробовать «разговорить» такую собаку.

Отношение к убитому зверьку. Это очень злободневная и больная для меня тема. Я 18 лет проработал заведующим Константиновским производственным участком Жигаловского зверопромхоза. Участок был «беличий империей» (заготовляли в сезон до 35 тысяч белки). И вопрос качества шкурок белки был первостепенным. У беличьей шкурки два самых серьезных дефекта — кровь на волосе и плешина. Вся белка у нас добывается с собакой и плешины в большинстве случаев результат не правильного отношения лаек к убитому зверьку. Дело в том, что у белки очень слабый волос, особенно на горячей тушке. Иногда плешины получаются при падении убитого зверька с дерева. А если лайка схватит тушку, то плешина появится почти со 100% вероятностью и это резко снижает стоимость шкурки. Поэтому закон промысла белки полностью противоречит правилам испытаний. На промысле тушка

белки для собаки табу. Об лайку сломано столько посохов, что ее нормальная реакция при падении убитого зверька — тут же искать другого. Этого охотник добивается жесткими, порой жестокими методами. Крайний вариант — собаку, хватающую белку, отстреливают, ибо она не столько найдет зверьков, сколько испортит. Лайку бьют, кидают под выстрел, когда есть возможность, горячую картофелину, в картофель втыкают гвозди, морозят такого ежа и в лесу также подбрасывают под выстрел сильно хватающей собаке. И если на соболиной охоте хватающую собаку можно привязать, то на промысле белки охотник никогда такого делать не будет — слишком много временных затрат. Проще застрелить такую собаку и вырастить щенка.

У меня в практике был такой случай. Один опытный охотник пришел сдавать 300 беличьих шкурок. Сортируя пушину, я обратил внимание на большое количество плешин, при этом отпечатков зубов на мездре я не нашел ни на одной шкурке. Зная опытность охотника, я выразил свое удивление количеством плешин неизвестного для меня происхождения. Помявшись, охотник рассказал, что вся пушнина добыта с одним щенком. Это очень милая и ласковая собака, и хозяин позволял ей впорыве азарта, просто тыкать тушку носом, как свинья рылом. Итог такого «тыкания» — общая стоимость пушнины снизилась на 20 %. После такого горького опыта я категорически против любого касания беличьей тушки собакой.

Каким бы уникальным и бесценным средством производства ни была охотничья лайка, это только инструмент. И этим инструментом нужно уметь пользоваться. В умелых руках собака — уникальное средство для добычи-

ливой охоты, в неумелых — бедолага, которую не ценят, попусту эксплуатируют и никогда не дадут полностью раскрыть свои охотничьи таланты. Поэтому главная фигура на промысле — охотник.

Промысел белки это такая же рабочая, производственный процесс, как, например, уборка урожая в сельском хозяйстве. Только при четкой организации труда охота становится промыслом, а не призрачной погоней за фартом. Правильная организация промысла включает в себя множество различных аспектов: это и время заезда в лес, и знание участка, и организация рабочего дня, и рациональная техника добычи, и, наконец, правильная обработка пушини.

Пусть меня простят надзорные органы, но время заезда в лес и начала промысла охотник-промысловик должен решать сам. Заезд лучше производить по возможности раньше на 5—7 дней до начала промысла. До начала охоты необходимо подремонтировать зимовья, наполнить дров, разнести по избушкам продукты, боеприпасы, собачий корм, промять собак. Если есть время, то провести предварительную разведку участка на предмет определения концентрации белки и ее спелости. Для белки характерны местные, локальные концентрации в пределах одного охотничьего участка. Эти места необходимо выявлять. Такая информация позволяет добиться максимальной добычливости. Если нет возможности произвести разведку до начала охоты, то это нужно сделать параллельно с началом промысла. Охотник плачевно посещает все уроцища участка и определяет места наибольшей плотности зверька, а потом начинает методично обрабатывать эти участки.

Период промысла белки с собакой

Лайка облавливает белку (отроги Саян)

Фото А. Твердохлебова

очень короткий и важно использовать продуктивно каждый день нахождения в лесу. Поэтому охотник должен вовремя начать добывчу. Время начала промысла он определяет по спелости белки. Никогда промысловик не выйдет на охоту, если белка не выходная. Причина простая — стоимость не выходных шкурок (II и III сорта) низкая и все ваши физические и материальные затраты при добывче низкосортной продукции не окупятся. Кроме того, и общее количество I-сортных шкурок будет меньше, т.к. из популяции будут изъяты особи с еще не вышедшей шкурой.

При определении спелости белки охотник должен учитывать то, что на мысах и поймах рек белка спеет раньше, чем в кедровниках на хребте. Причин тут несколько. На хребте теплее, чем внизу, в кедровниках больше коров, собирается больше молодняка, который спеет позднее. Поэтому в начале осени я всегда стараюсь в первую очередь обстрелять угодья на мысах. Численность белки здесь, как правило, ниже, чем в кедровниках, но количество первосортной белки в начале осени достигает 80—90 %.

Организация рабочего дня охотника зависит от активности зверька. В начале осени белка актива в течение всего светового дня. Активность несколько снижается в период 12—14 часов. В это время можно сварить чай, отдохнуть и дать отдохнуть собакам. В морозное время активность белки ограничена примерно с 10 до 15 часов. И чтобы добиться хорошей добывчивости необходимо этот отрезок времени отработать без перерыва, а после 15 часов можно смело идти в зимовые, т.к. белка уходит отдыхать и дальнейшая охота будет малодобывчива.

Осенняя погода часто очень переменчива. Мороз сменяется оттепелью, в последние годы нередко идет дождь в конце октября. Это часто приводит к образованию льдистой корки на снегу — чира. Чир — страшнейший враг лайки. Охотничий инстинкт гонит собаку в поиск и она до крови ранит лапы. Первойшая обязанность охотника — сохранить здоровье своей собаки. В чир на охоту с утра выходить нельзя. В лес можно идти только ближе к обеду, температура воздуха повысится и чир смягчится. Обычно с утра до обеда в такую погоду мы стараемся сделать все таборные дела (сварить собакам, себе, зарядить патроны, починить снаряжение и т.д.). При этом я постоянно выхожу и пробую снег; как только он смягчается, можно выходить на охоту. Кроме того, в чир очень шумно, белка далеко слышит собаку и затаивается. Так что, кроме опасности покалечить собаку в такую погоду, как правило, низка и добывчивость. Приведу такой пример. Однажды в чир я вышел из зимовья в 13 часов дня. В 14-30 на границе участка я встретил соседа. Он вышел из избушки в 9-00 и к нашей встрече добыл 4 белки. Его собаки сразу упали на землю и, пользуясь передышкой, стали залезать раны на лапах, кото-

рые сильно кровоточили. Я к этому времени добыл 5 белок и мои собаки то и дело задирали собак соседа, у которых не было сил даже отрываться и нам пришлось гонять моих собак посosами.

Если чир очень сильный, как бы не хотелось идти в лес, необходимо переждать день-два. Он либо перемерзнет, либо его присыплет свежим снегом. Это не просто, т.к. времени на охоту мало, и охотник боится «пролететь» с добывчей. Но здесь должен возбладать трезвый холодный расчет. Только сохранив лапы собак, можно будет продолжить промысел и требовать от собак полной отдачи.

У белки есть одна особенность, когда ударят первые морозы, зверек становится очень тайким. Это продолжается буквально 1—2 дня. Потом белка «обмерзнет» и снова ведет себя, как и прежде, даже в более морозные дни. Так вот в такие первые морозы не грех выйти когда «степлит», чуть позднее, чем обычно. И не надо отчаиваться, если в такие дни охота не очень добывчива, и не стоит наказывать сильно собак. Через 1—2 дня все встанет на место.

После выявления мест локальной концентрации белки необходимо их методично осваивать. При этом нужно учитывать, что пасмурные, серые дни охотнику труднее обнаружить зверька на высокоствольных густых деревьях (кедр, пихта, ель). Зато в солнечную, ясную погоду видимость отличная и белку хорошо заметно на трудно просматриваемых деревьях. Поэтому в пасмурную погоду лучше планировать охотничьи маршруты по мелкому или светлохвойному лесу. А в ясную — смело идти в высокоствольный кедровник.

Вообще о планировании охотничьих маршрутов следует сказать отдельно. На промысловой охоте все передвижения охотника должны проходить по угодьям с максимальной численностью зверька. Многие охотники, особенно молодые, наметив ход от пункта А до пункта Б, стараются пройти его с маниакальной настойчивостью, не обращая внимание на плотность белки. Лицо я грешил этим очень многие годы. На промысел человек пришел работать, а не бегать по угодьям. Поэтому он, попав на угодья с высокой численностью белки, может ходить кругами, зигзагами. Некоторые охотники, запустив собаку в поиск, садятся на колоду и ждут, когда она залает. Так сберегаются силы охотника и собаки, и плотно обрабатываются угодья.

Техника добывчи. Она включает в себя процесс обнаружения и отстрела зверька. Об обнаружении мы уже немного говорили выше. Хочется только обобщить. Указанное лайкой дерево необходимо обойти со всех сторон и хорошо просмотреть. Делать это желательно без лишнего шума (топанья, хруста валежника и т.д.). Если белка затаилась, ее нужно выпугнуть. Для этого лучше всего подходит резкий щелчок кнута или выстрел из малокалиберного ствола. Использование топора и большой жерди в темнохвойной тайге дает желаемый результат, если ходишь вдвоем с напарником. А в одиночку этот прием не всегда эффективен, т.к. белка чаще всего проявляется после первого резкого удара, и из-под дерева ее трудно заметить, потому что обзор закрывают ветки кроны.

После обнаружения охотник отстреливает зверька. Желательно делать это с первого выстрела, ибо потом белка может затаиться или пойти верхом, а это повлечет за собой большую потерю времени и расход боеприпасов. Поэтому первый выстрел должен быть надежный. Я всегда стараюсь стрелять только с упора. Конечно, бывают случаи, когда приходится стрелять с руки, но желательно это не делать нормой. И причина проста — кроме самой добывчи охотник еще должен **правильно** добыть, то есть с минимальными посмертными дефектами. Поэтому белку и стреляют в голову, при этом шкурка получается бездефектной или дефекты незначительные.

«Крутые» бельчатники очень часто рассказывают, как они стреляют белку в глаз на бегу, или о том, что считают не достойным для себя стрелять с упора. Я всегда очень негативно отношусь к таким разговорам. Во-первых, они лживы или глупы на 90%. Во-вторых, если даже это правда, то отличных стрелков не так и много, а масса охотников стреляет средне. Наслушавшись таких разговоров, все хотят попробовать. Итог — низкое качество пушнины. На охоте важно просто добывать, а на промысле главное — цена шкурки. От нее зависит рентабельность работы охотника. Даже при попадании в голову зверька из малокалиберного оружия, если выход пули в шею или между лопаток, то прострел неминуемо затечет кровью, и шкурка будет стоить на 10—25% ниже. И это в лучшем случае. На качество выстрела влияет множество причин: ветер, быстрое перемещение зверька, не устойчивое положение охотника и т.д. При стрельбе с руки все это «подстерегает» охотника в большей степени, а так как на промысле необходимо заботиться о качестве каждой шкурки, то я рекомендую стрелять только с упора.

При охоте с малокалиберным или комбинированным оружием, имеющим малокалиберный ствол, легко стрелять в голову, но не худших результатов можно добиться и при стрельбе из гладкоствольного оружия крупных калибров (16 и 12). Просто охотник отходит от дерева и занимает позицию, когда тушка зверька закрыта стволом соседнего дерева, а видно одну только голову. После выстрела часть дроби попадает в ствол, а другая в голову зверька и шкурка не портится. Этот нехитрый прием позволяет существенно повысить качество пушнины при охоте с крупнокалиберным гладкоствольным оружием.

При стрельбе дробью трудно дать

какие-то конкретные рекомендации. Общеизвестно, что белку стреляют мелкой дробью, но вот конкретно каким номером, охотник должен решить сам. Это зависит от резкости и кучности боя конкретного ружья. Из оружия с отличной резкостью можно стрелять даже дробью № 8 и № 9. При этом пробоины мелкие и затягиваются при сушке шкурки, а крови такие прострелы, как правило, не дают. Я стреляю белку пятеркой, но при этом существует такое правило: в мороз стрельба мелкой дробью идет хуже. Поэтому специально для морозов мы завозим немного тройки и стреляем ею в холодные дни.

Оружие и снаряжение. Основным инструментом для добычи белки с собакой является охотничье оружие. На промысле применяется оружие следующих типов: нарезное, гладкоствольное и комбинированное.

Нарезное оружие представлено различными винтовками и карабинами под патрон 5,6 мм кольцевого воспламенения. Это оружие имеет великолепный точный бой, достаточную скорострельность, возможность носить большое количество боеприпасов и удобные прицельные приспособления у большинства моделей, позволяющие вести быструю и точную стрельбу. Такое оружие незаменимо на промысле в светлохвойной тайге. Но при охоте с таким оружием в смешанном или темнохвойном лесу добывчивость снижается. Когда я охотился с винтовкой ТОЗ-17 в кедровнике, то не добывал до 30% найденных зверьков.

Гладкоствольное оружие — это в первую очередь одно- и двустволовые ружья малых калибров 32, 28, 20, но некоторые охотники охотятся и с оружием крупных калибров, хотя при этом получается большой расход пороха и дроби. К достоинствам этого оружия следует отнести хороший бой, скорость добычи, продуктивную стрельбу во всех охотничьих угодьях. К недостаткам — трудность ношения большого количества боеприпасов и невозможность выпугивания белки выстрелом из малокалиберного ствола. Иногда при высокой численности белки охотник либо вынужден возвращаться в зимовые заряжать патроны, либо носить припасы с собой и заряжаться в лесу.

Самым оптимальным оружием для промысла белки, с моей точки зрения, является комбинированное оружие с одним стволов 5,6 мм под патрон кольцевого воспламенения и вторым дробовым 28 или 20 калибра. Такое сочетание позволяет эффективно стрелять в светло- и темнохвойной тайге, выпугивать белку выстрелом, носить достаточно большое количество боеприпасов и т.д. Самыми массовыми моделями этого типа оружия у нас в стране были ИЖ-56-3 «Белка» и ИЖ-94 «Север».

«Белка» имеет отличный бой из обоих стволов и хорошие прицельные приспособления. К недостаткам нужно отнести слабый ствольный блок (иногда при ударе гнется нарезной ствол) и

частые отказы переводчика очередности стрельбы, особенно у подержанных ружей, что приводит к осечкам при стрельбе из дробового ствола. По моему мнению, это отличное оружие сегодня устарело физически и морально. Часто приходится слышать, что «Белка» — это верх совершенства для промысла. В свое время так и было. Но сегодня можно найти очень мало новых ружей этой модели, а те, которые в массе используют охотники, отслужили уже 40—50 лет. И обеспечить потребность большого количества охотников «Белкой» сегодня нет возможности. Кроме того, часто возникает потребность после выстрела из малокалиберного ствола сразу ударить дробью, а у «Белки» нужно двинуть переводчик, взвести курок, только после этих манипуляций можно стрелять. На все это уходит время и быстрой стрельбы не получается.

В этом отношении «Север» имеет преимущество перед «Белкой». К его достоинствам следует отнести точность стрельбы из малокалиберного ствола, надежность, возможность стрельбы сразу из обоих стволов. К недостаткам — неудобные прицельные приспособления и излишний вес. За 25 лет промысла белки я охотился и с малокалиберной винтовкой, и с «Белкой», а с 1996 года хожу с «Севером». И, несмотря на некоторые свои недостатки, он показал себя с неплохой стороны. С моей точки зрения, сегодня из всех серийно выпускаемых моделей оружия «Север» оптимально подходит для промысла в смешанной и темнохвойной тайге. Желательно приобретать ружье с дробовым стволов сужения средний чок (0,75 мм) или чок (1,0 мм). Для ведения точной и быстрой стрельбы я вынужден был доработать прицельные приспособления. Дело в том, что мушка у «Севера» толщиной 2,2 мм, и на расстоянии 20—25 метров полностью закрывает голову белки. Охотнику приходится часто стрелять интуитивно. Не редко пуля попадает либо в шею, либо пролетает перед носом зверька. Я уменьшил толщину мушки до 1,8 мм (как у ТОЗ-17) и сделал новый целик с прорезью в 1 мм. После такой доработки стрельба пошла быстрее и точнее.

Ну, и к недостаткам «Севера» следует отнести его изготовление. Хорошая серийная модель делается без души. Иногда видишь такие экземпляры, что кажется мальчишки в детстве делают поджиги с большим умением. И охотник, покупая такое ружье, вынужден не только дорабатывать прицел, но и заказывать новые ложе, цевье, паять стволы и т.д. Хочется пожелать, чтобы ИЖМАШ поставлял на внутренний рынок оружие лучшего качества.

Отдельно хочется сказать о применении оптических прицелов. Их использование при стрельбе из нарезного и комбинированного оружия позволяет добиться отличной точности стрельбы. На промысле белки лучше показывают

себя прицелы кратностью 2,2—3,5. Они дают достаточное увеличение и хороший угол зрения. При применении оптических прицелов необходимо соблюдать определенные правила: беречь их при ходьбе, ежедневно утром проверять точность пристрелки, защищать линзы от попадания снега и воды, затягивания. Всегда мечтая о таком прицеле на промысле, после охоты с ним, я был вынужден отказаться от его применения. Зрение позволяет еще стрелять с открытого прицела, а мой непоседливый характер мешает соблюдению необходимых правил использования оптического прицела.

Кроме оружия на промысле белки необходим стандартный «джентльменский» набор охотника: топор, нож, котелок, поняга. Топор и котелок могут быть любого исполнения по желанию охотника. Нож должен быть острым, хорошо поддающимся правке. Лезвие длиной 10—12 см. Если нож используется для обезживки шкурок, то его рукоять должна быть длиной не меньше лезвия, а лучше чуть больше, т.к. с маленькой рукоятью будет быстро уставать кисть. Беличным ножом жалтельно ничего, кроме обработки шкурок, не делать.

Поняга на промысле белки может быть любой конструкции, только мы ее дополняем приспособлением для переноски тушек. Это крепкий капроновый шнур, на котором жестко, через 2—3 см, закреплены крючки из 2-х миллиметровой проволоки, длиной 3—4 см. Этими крючками протыкаем стопу задней лапы туши, и она висит вниз головой, а т.к. стреляешь в голову, то тушки не мажут друг друга кровью. Сверху шнур идет большой клапан из брезента, который защищает туши от снега, влаги и механических повреждений. Такое нехитрое приспособление позволяет заметно улучшить качество промысла.

Наконец мы подошли к одному из самых главных элементов промысла белки — качеству беличных шкурок. Промысел — это в конечном итоге заработка денег. Стоимость шкурки зависит от ее качества. Промысловик должен не только настrelять определенное количество белки, но и правильно ее обработать. Только в этом случае он добьется рентабельности своей работы.

Дефекты беличных шкурок бывают прижизненные и посмертные. На первые охотник не может повлиять, а от вторых зависит его заработка. После отстрела зверька его необходимо ободрать. Шкурки белки снимаются трубкой, при этом обязательно нужно разрезать хвост. К сожалению, многие охотники этого не делают, и при бутовке такой белки хвосты отламываются, либо они пересыхают или подопревают при сушке.

Всю белку, которую стреляю дробью, я обдираю сразу в лесу. В этом случае тушка не мажется кровью и не испачкает другие тушки. Для этого я ношу с собой полиэтиленовый пакет.

ПРЕДЛАГАЮТСЯ ОХОТНИЧЬИ ХОЗЯЙСТВА В ТВЕРСКОЙ И НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИХ

Андреапольский район, дер. Баранька	Площадь охотничьих угодий 22,7 тыс. га, площадь базы 9370 кв. м, жилые дома, баня, сарай
Нелидовский район, дер. Пустое Подлесье	Площадь охотничьих угодий 8,5 тыс. га + 4,836 тыс. га + 4,775 тыс. га, площадь базы 5000 кв. м, гараж, баня, коровник, сенник, дровяник, ж/д
Торопецкий район, дер. Лосочи	Площадь охотничьих угодий 35,3 тыс. га + 25,0 тыс. га, площадь базы 20 000 кв. м, жилые комплексы, охрана, эллинг, дровяник, гараж, генераторная
Торопецкий район, дер. М. Кислово	Площадь базы 1625 кв. м, ж/д, гаражи, баня, коровник, сенник, дровяник
Лесной район, дер. Нивищи	Площадь охотничьих угодий 12,0 тыс. га, площадь баз 5250 кв. м + 4950 кв. м, жилые дома, баня, гараж
Сандовский район, дер. Н. Выставка	Площадь охотничьих угодий 36,0 тыс. га, площадь базы 294 кв. м + 1490 кв. м, жилой дом, дровяник
Максатихинский район, дер. Буденовка	Площадь охотничьих угодий 12,0 тыс. га
Селижаровский район, дер. Холм	Площадь охотничьих угодий 26,2 тыс. га Земельный участок 4000 кв. м, жилой дом № 1 (VIP-1) 425 кв. м Земельный участок 6000 кв. м, жилой дом № 2 (VIP-2) 393,00 кв. м, жилой дом № 3 140 кв. м Земельный участок, жилой дом № 4 92,20 кв. м Земельный участок, жилой дом № 5 92,0 кв. м Земельный участок, жилой дом № 6 93,50 кв. м
Фировский район, дер. Лука	Площадь охотничьих угодий 32,0 тыс. га, площадь базы 40 000 кв. м, жилые дома, общежитие, гаражи, коровник, дровяник, ангар, эллинг, дизель-генераторная
Пеновский район, дер. Мизиново	Площадь угодий 10,1 тыс. га + 3,2 тыс. га + 11,5 тыс. га
Пестовский район, дер. Иванниково, Новгородская область	Площадь охотничьих угодий 20,0 тыс. га + 12,0 тыс. га, площадь баз 2800 кв. м + 31 594 кв. м, 2 жилых дома, здание дизельной, 2 гаража, баня, хозблок

- Во всех охотничьих угодьях проведено охотоведение, засеяны подкормочные поля
- На каждом поле имеется комфортаельная вышка

ТЕЛ.: (495) 980-61-25 доб. 2381

Промысловая охота с малокалиберной винтовкой

Алексей БЛЮМ

Кто-то из читателей непременно напомнит, что охота с оружием под эти патроны запрещена, и будет прав, но только отчасти. Поясню, почему — отчасти. Малокалиберные винтовки под патрон кольцевого воспламенения давно стали охотничьим оружием, но в промысловых районах. Мало того, они стали основным оружием охотника-промысловика и официально разрешены для использования на охоте. Запрет касается любительской охоты и с этим трудно не согласиться.

Малокалиберная винтовка (впредь по тексту я буду так называть одноствольные карабинчики под патрон кольцевого воспламенения) десятки лет служила и продолжает служить на охотничьем промысле. За это время накопилось много информации о результатах использования стандартного винтовочного патрона кал. 5,6 мм кольцевого воспламенения (22 LR) при стрельбе по различным видам охотничьих животных. Главный вывод, который можно сделать из анализа этой информации, что патрон, в том виде, в котором он используется на стрелковых соревнованиях, на охоте показал очень ограниченные возможности. Основными объектами охоты остаются соболь, куница, белка, а из птиц — рябчик. При стрельбе по более крупной дичи процент подранков значительно превышает процент добывших. Если же вдруг такой пулькой удавалось добить северного оленя или лося, а такие случаи бывали, то, как правило, спасибо нужно говорить собакам, так как именно они после преследования находили мертвыми или останавливали неизбежных подранков. Но стрельба таким патроном по крупной дичи все-таки не правило, а исключение, и происходит она по какой-то сурою необходимости. Однако интересно попробовать выяснить, почему стандартный патрон кольцевого воспламенения столь малоэффективен при стрельбе по в общем-то небольшим животным, я не имею в виду названных выше, а, например, таких как глухарь и тетерев, лисица, корсак или сурок.

Если мы посчитаем энергию пули на дистанции даже 100 метров, то увидим, что она окажется равной примерно 10 кГсм или 98 Дж. Вспомним довольно расхожее мнение, правда, по моему, ничем не подтвержденное, что для надежного поражения животного должно выдерживаться соотношение, когда на 1 кг массы приходится не менее 1 кГсм (9,8Дж) энергии. Значит, не только для полуторакилограммового тетерева или пятикилограммового глухаря, но даже для десятикилограммовой лисицы или сурка убойность

ТОЗ 78 — самое распространенное оружие охотника-промысловика

малокалиберной пули с энергией 10 кГсм может быть вполне достаточной? Почему же на практике все не так? По моему опыту и по рассказам охотников, занимавшихся массовыми заготовками тетеревов в сороковые — шестидесятые годы прошлого столетия с применением малокалиберных винтовок, не менее половины стрелянных птиц улетало подранками. И это при дистанции стрельбы не более 60 метров. Тогда, как промысловые, практиковались охоты на тетеревов с чучелами и с подъездом на лошади (верхом или на санях). А дело, по всей вероятности, в том, что сплошная свинцовая пулька, имея невысокую скорость, проходя по тканям животного совершенно не деформируется, но она обладает достаточной пробивной способностью, и, мало потеряв в скорости, пройдя всего 10—15 см мягких тканей, основную часть своей энергии уносит с собой дальше. И мы имеем то, что имеем. Если не поражены жизненно важные органы, получается подранок, потому что той энергии, которую сумела передать пуля тушке зверя (или птицы) пронизывая ее, не достаточно для получения смертельного шока. Это хорошо заметно на примере стрельбы рябчиков. Если пулька попадает по брюшку, то птица почти всегда улетает, по крайней мере хоть немного отлетает. И это при том, что обычно вес взрослого рябчика не превышает 400 грамм, а значит отношение массы пули к массе птицы выглядит как 1:160! Это все равно, что для 160-килограммового медведя взять пульку массой в 1 кг! Разумеется, причиной малого шокового действия будет не только высокая пронизывающая способность пули, но и меньшее количество нервных окончаний на коже брюшка и в кишечнике по сравнению с верхней частью корпуса птицы. Абсолютно убойным этот патрон можно считать для соболя и куницы и, конечно, для белки. Для каждого из этих видов предельная дистанция стрельбы не превышает 50 метров. И еще. При стрельбе этих зверьков из винтовки охотник всегда целит в голову. Это повелось издавна, когда пушнина ценилась очень высоко, и любые дефекты шкурки, а пулевые пробоины

к ним относились тоже, влекли за собой снижение закупочной цены. Понятно, что для таких маленьких животных попадание в голову такой тяжелой пули, всегда смертельно. Для них вполне достаточно и пули короткого пистолетного патрона. Однако, как мы уже говорили, малокалиберная винтовка ("тозовка" на сленге охотников-промысловиков Сибири) используется, как оружие универсальное, то есть из нее пытаются стрелять и по белке, и по другим гораздо более крупным животным, таким, например, как косуля или кабарга, хотя разница в весе между этими видами может быть почти стократной. И происходит это не по причине недостатка опыта или гипертрофированной веры в убойность этой пульки, а просто от отсутствия специализированного промыслового оружия. Для того, чтобы промысловое ружье отвечало по крайней мере основным условиям охотничьего промысла, нужно знать эти условия, а с такими знаниями у наших конструкторов как раз и существуют проблемы. Как пример можно привести тот факт, что различные модели самозарядных карабинов под патрон кольцевого воспламенения настойчиво записывают в разряд промысловых. Если бы самому конструктору пришлось хоть один сезон позарабатывать себе на хлеб с такой полуавтоматической системой, он смог бы четко представить себе, какое оружие в зимней тайге хорошо, а какое, мягко выражаясь, — не очень. Какие трудности возникают при эксплуатации самозарядного малокалиберного оружия в условиях таежного промысла? Прежде всего, это сложность проведения неполной разборки. Представим себе, что необходимо вынуть затвор, и не в теплой избушке за столом, а в лесу на морозе и ветре. А сделать это бывает нужно потому, что возле патронника накапливается пулевая осалка, несгоревшие порошинки, всякая древесная труха, которая, нередко наряду со снегом и инеем, сыплется сверху. У самозарядных образцов это приводит к задержке выстрела по причине недокрытия затвора. Накапливание такой "грязи" может происходить достаточно быстро, особенно в урожайные по бел-

ке годы, когда охотникам в течение дня приходится делать по сотне, а иногда и более выстрелов. И для удобства чистки иногда прямо в лесу приходится вынимать затвор. Если у систем с продольно-скользящими затворами, чтобы вынуть затвор можно в большинстве случаев просто нажать на спусковой крючок и вытащить его через заднее отверстие ствольной коробки, то у самозарядок этот процесс сложнее. В зависимости от конструкции или нужно сначала снять крышку ствольной коробки, вынуть возвратную пружину, а затем сам затвор, или, отсоединив ствол, вынуть затвор вместе с боевой и возвратной пружинами через нижний паз ствольной коробки, или как-нибудь по-другому. Нужно иметь в виду, что любые действия голыми руками с металлом на морозе очень неприятны, не говоря уже о риске что-нибудь уронить в снег. Хотя и не часто, но бывает, что пуля не вылетает из ствола, такое случается по разным причинам. Виной этому может быть сильный мороз, некачественные или отсыревшие патроны, слабый удар бойка и пр. Чтобы выбрать застрявшую пулю из ствола, обычно прибегают к простому приему: вынимают пулю из нормального патрона, гильзу с порохом вставляют в патронник и выстреливают. У самозарядных винтовок вставить гильзу с порохом в патронник гораздо сложнее, чем у простых магазинных или однозарядных образцов, не говоря уж о переломках. Промысловая винтовка должна быть надежна и предельно проста в эксплуатации.

Перед началом промысла, как и перед любой другой охотой с использованием пулевого выстрела, начинать нужно с пристрелки. Мы помним, что дистанции стрельбы для патрона колцевого воспламенения не велики, но выстрел всегда должен быть очень точным, сродни спортивному. А это значит, что винтовку надо пристрелять не только на предельную дистанцию стрельбы, которая при таежной охоте не превышает 50 — максимум 60 метров, но и на половину этого расстояния, т. е. на 25 метров. И к пристрелке нужно отнестись с должным вниманием, потому что не редко цель не будет превышать 1,5—2 см². Если винтовка хорошо пристреляна, а зверек на дереве спокоен, в данном случае разговор идет о соболе и белке, то сделать точный выстрел по головке не представляет большой сложности. Но очень трудно стрелять по зверькам, перемещающимся "верхом", т. е. с дерева на дерево. Причем для соболя такое перемещение не характерно, его хватает на два — редко три дерева. А вот белка и куница, заметив опасность, будучи уже подстегнуты неудачным выстрелом, часто уходят верхом с такой скоростью, что не дают возможности охотнику не только прицелиться, но и появляется реальная возможность совсем потерять зверька из виду. Поэтому с первым выстрелом лучше не торопиться, а подходить на дистанцию верного

выстрела осторожно, скрыто и стрелять только тогда, когда головка зверька хорошо видна и не закрыта веточками. Одно предупреждение охотникам, относящимся к охоте на соболя. Не всегда, но бывает так, что собака загнала соболя на дерево, а охотник на лай добирается долго, и зверек, не имея возможности уйти, старается на кажущейся ему безопасной высоте устроиться поудобнее. Для этого он часто выбирает развалок между двух достаточно толстых веток или между стволов и отходящим суком, да еще так, чтобы его задняя часть опиралась на что-нибудь. Приняв удобное положение, соболь без видимых эмоций слушает лай собаки, да и на приближающегося охотника смотрит свысока, не меняя положения. Стрелять удобно, зверек почти неподвижен, головка всегда повернута мордочкой к собаке или к охотнику. Остается только прицелиться и нажать спуск. Но в этом случае лучше не торопиться. Стреляный в таком положении соболь часто остается на дереве там, где сидел. Мертвый, конечно. И возникает проблема, как его достать. Влезть даже на 7—8-метровую высоту по стволу дерева совсем не просто, да и очень опасно. В такой ситуации лучше срубить дерево, чем

лесть на него. Но чтобы этого не случилось, нужно перед выстрелом любым способом заставить соболя сменить положение, а желательно и место на дереве, и стрелять на поражение только после этого. Еще раз хочу подчеркнуть, что сложившиеся веками традиции пулевой стрельбы по мелким пушным зверькам требуют точного выстрела именно по голове, а пробоины, имеющиеся на шкурке в других местах, служат поводом порой для весьма едких насмешек в адрес неаккуратного или неумелого стрелка, стреляющего белку "по лопаткам".

Выше уже говорилось, что стандартный патрончик LR малоубоен и его эффективное использование на охоте ограничивается стрельбой по трем видам мелких пушных зверьков, а из птиц — по рябчику. Но существуют патроны повышенной убойности, с которыми успешно можно охотиться и на тетерева, и на глухаря, да и на рябчика, которые никуда не отлетают даже при попадании по брюшку. Повышенный убойный эффект достигается достаточно просто — увеличением у пули способности к деформации. Как известно, у пуль, состоящих из мягкого свинцового сердечника и относительно твердой оболочки, степень дефор-

Глухарей часто добывают на пушном промысле

мации зависит от конструкции пули, в которой тесно связаны между собой оба эти компонента, что определяет их взаимодействие между собой. У патрона кольцевого воспламенения типа LR пуля состоит из однородного материала — свинца, и которая из-за относительно малой скорости практически не деформируется, пронизывая живые ткани небольших зверей и птиц. Чтобы повысить убойное действие этих пуль, конструкторы пошли по пути ослабления конструкции их головной части, высверливая в ней продольные каналы разного диаметра и глубины. И чем больше объем пустоты, тем больше деформируется пуля. Для охоты на вышеперечисленных птиц имеет смысл использовать патроны только с такими экспансивными пулями. Однако нельзя забывать, что результативность стрельбы патронами LR даже с улучшенной баллистикой и экспансивными пулями ограничена из-за крутой траектории и снижения точности стрельбы, так как легкая пуля, да еще с нарушенной формой очень сильно подвержена воздействию различных внешних факторов (ветер, изменение давления, влажности и пр.). Для стрельбы далее 120 метров следует использовать оружие под более мощные патроны.

Безусловно, самым массовым объектом охоты с малокалиберной винтовкой из птиц следует считать рябчика. Классическая промысловая охота на рябчика, которая разрешена с таким оружием, это охота с подхода, когда вспугнутый выводок, стайку или одиночную птицу, взлетевшую недалеко от охотника и севшую на дерево, стараются высмотреть и подойти на удобную для выстрела дистанцию. Стреляют их и во время кормежки на деревьях, тоже с подхода. По существу, для такой охоты из нарезного оружия пригодна только малокалиберная винтовка. Мощного выстрела не нужно, дистанция стрельбы невелика. Его ветвях деревьев и близко разглядеть не легко, а уж подальше-то и тем более. Стрельба рябчиков из винтовки более добывчива, чем из ружья, правда, при условии достаточного навыка пулевой стрельбы.

В позднеосенне и зимнее время встречи с рябчиком в лесу обычно происходят по двум сценариям. Первый, это когда птицы поднимаются с земли, где они кормились, или из-под снега, где отдыхали. Они, как правило, не отлетают далеко, а, взлетев, тут же стараются приткнуться на дерево, чтобы осмотреться, обычно не далее 20—30 метров от места подъема. Взлет рябчика шумный и хорошо слышен даже во время движения. Услышав взлетающих птиц, нужно остановиться и постараться заметить, на какие деревья они расселись. В светлом лесу, состоящем из лиственных пород деревьев или лиственницы, заметить их не сложно, а вот в ельниках, кедрачах или

загущенных сосняках эта задача труднее. И все же надо стремиться заметить если уж не самого рябчика, то хотя бы то дерево, на которое он сел. Если дерево определено точно, но саму птицу сразу разглядеть не удается, то лучше не приближаясь начать обходить предполагаемое место посадки, внимательно осматривая его с каждой новой позиции. Замеченного рябчика нужно стрелять без промедления. Признаком его беспокойства и скорого слета служит издаваемая им трещащая трелька и напряженная вытянутая поза. Чтобы не потерять сбитую птицу, надо точно заметить то дерево, на котором она сидела и место ее падения, иначе, отведя глаза, можно все потерять и потратить много времени на поиски. Тем более что "чисто" битый пулькой рябчик падает камешком и в снегу делает только небольшую дырку, которую, бывает, не увидишь и с двух метров. Сложности с поиском чаще всего возникают в лесу, имеющем густой подлесок, где точно разглядеть место падения птицы невозможно, особенно если дистанция выстрела близка предельной. В такой ситуации лучше всего не торопиться бежать к добыче, а спокойно еще раз зафиксировать в памяти то дерево, на котором сидел рябчик, и внимательно прислушаться. Очень часто упавший рябчик в агонии шумно трепещет крыльями, тем самым давая дополнительную информацию о своем местонахождении.

Когда снег нагло прикрывает ягодники, рябчики, где их много, часто сбиваются в довольно большие табунки, иногда по 20—30 птиц и концентрируются в приручевых насаждениях, в вершинах распадков, облесенных поймах небольших речек и по окрайкам моховых болот. Основным их питанием в этот период служат березовые почки и ольховые сережки, и кормящихся на деревьях птиц можно заметить

издалека. Скрадывание рябчиков задача не сложная, просто не надо особенно маячить перед ними, а, выбирая простые укрытия, без резких движений спокойно подойти на надежный выстрел. Тридцать метров нормальная дистанция. Вообще, скрадывая любое животное, нужно избегать поперечного движения, а стараться подходить под минимальными углами, т. е. прямо к объекту или немного мимо, потому что боковое перемещение хорошо заметно, настороживает и пугает его. Почему не рекомендуется подходить очень близко? В руках умелого стрелка малокалиберная винтовка вполне результативное оружие при охоте на рябчика, если стрелять на 40 и даже на 50 метров. Когда на одном дереве или на 2—3, рядом расположенных, сидят 8—10, а иногда и более птиц, то естественная задача промысловика постараться взять как можно больше, и, чтобы добиться этой цели, надо соблюдать некоторые условия. Главные из них: не подходить очень близко, чтобы не пугать звуком выстрела; начинать стрельбу по птицам, сидящим на нижних ветвях, тогда падающие не будут пугать сидящих ниже; стрелять только по тем рябчикам, которые не закрыты даже мелкими ветками, потому что малокалиберная пуля рикошетирует (меняет направление полета) даже от травинок, а от веток тем более. Прицеливаться нужно аккуратно. Если рябчик сидит спиной или грудью к охотнику, то целить нужно посередине туши, обвысишь — не страшно, либо промах, либо птица упадет, а вот обнисиши — попадешь по брюшку, в этом случае, при стрельбе стандартным патроном, рябчик часто улетает и конечно теряется. И последнее. Обязательно считать упавших птиц, чтобы потом собрать всех.

По частоте добычи с применением малокалиберной винтовки второе ме-

Основной объект промысла — соболь

Без права ношения

сто, безусловно, стоит отдать глухарю. Чаще всего этих птиц промысловик стреляет попутно во время охоты на белку, соболя или куницу с собаками. Лайки обычно очень активно облавливают глухарей — птица крупная, с сильным запахом, шумно взлетает и садится, да и под собакой ведет себя довольно спокойно. Степень аккуратности подхода к облавляемой птице находится в прямой зависимости от того, насколько часто тревожат ее охотники. Там, где глухари знают и охотников, и собак, скрадывать облавляемую птицу надо очень осторожно, избегая при подходе открытых мест и по возможности без шума. Глухарки обычно сидят спокойнее и дают охотникам больше шансов на успех. Петухи же ведут себя по-разному, некоторые почти не отвлекаются на собаку, держатся очень настороженно и слетают при малейшем постороннем шуме, такого действительно можно взять только из винтовки, если его видно издалека. Другие же, которых жизнь еще ничему не научила, сидят спокойно, смотрят только на собаку, "хрюкают" на нее, постоянно крутят опущенной вниз головой, заботясь только о том, как бы не упустить ее из виду. Такие становятся очень легкой добычей. Осторожные птицы взлетают от собаки и садятся, как правило, в верхнюю часть дерева, те же которые поспокойнее, редко взлетают выше середины, а некоторые и вовсе пристраиваются всего метрах в 3—4 над собакой. Определив дерево посадки и подходя к нему под лай собаки, начинать поиск сидящей птицы надо с верхней части дерева и заметив глухаря, удвоить осторожность. Сосредоточить свое внимание не на продолжении подхода, а на выборе позиции для выстрела, с которой было бы видно глухаря, не закрытого ветками. Дистанция стрельбы в лесу обычно ограничивается возможностью заметить птицу. В европейских северных лесах, где из хвойных пород преобладают ель и сосна, да и насаждения, как правило, загущенные, редко удается увидеть глухаря далее 60 метров, исключение составляют только те особи, которые садятся на вершины. Начинающему охотнику надо иметь в виду, что на крупных елях, кедрах и даже соснах разглядеть глухаря, несмотря на его размеры, совсем не просто. Глухарь на дереве совсем не кажется таким большим, как в руках.

В заключение хочется сказать, что использование оружия под патроны кольцевого воспламенения на охоте дает замечательную практику пулевой стрельбы, чего так не хватает большинству из нас.

Фото автора

Владельцам охотничьего оружия, не имеющим возможности ходить на охоту, лицам, получившим оружие по наследству, и тем, кто купил его в целях самообороны, необходимо получать в милиции разрешение на право его хранения. При этом им в милиции нередко заявляют, что оружие должно храниться только по месту жительства. Даже запрещают владельцу выносить его за порог квартиры. Какие на самом деле существуют правовые нормы по этому вопросу?

Правовые отношения, возникающие при обороте оружия, регулируются Федеральным законом "Об оружии" от 13 декабря 1996 г. № 150 с последующими изменениями и дополнениями, а также рядом подзаконных актов.

В соответствии с законом, требования к условиям хранения и использования оружия различных видов определяются Правительством РФ. 21 июля 1998 г. было принято постановление "О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации", которым утверждены Правила оборота гражданского и служебного оружия (далее Правила). В Правилах (ст. 59) говорится, что оружие и патроны граждане должны хранить по месту проживания с соблюдением условий, обеспечивающих их сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к ним посторонних лиц, в запирающихся на замок сейфах или металлических шкафах, ящиках из высокопрочных материалов либо в деревянных ящиках, обитых железом.

Хранение оружия и патронов в местах временного пребывания должно осуществляться с соблюдением условий, исключающих доступ к оружию посторонних лиц.

К хранению оружия всех видов предъявляются одинаковые требования. В соответствии с названным законом (ст. 24) граждане могут изменить имеющиеся у них на законном основании оружие для защиты жизни, здоровья и собственности в рамках необходимой обороны. Становится очевидным, что гражданин, имеющий оружие на законном основании, может хранить его и в месте временного пребывания, например, на даче, что и подтверждено в Правилах. Иначе он будет лишён возможности защитить не только жизнь и здоровье, но и принадлежащую ему собственность — ту же дачу с находящимся в ней имуществом. Такой

запрет будет противоречить правовым нормам.

В указанной статье закона отмечено, что лицам, владеющим оружием на законных основаниях, запрещается иметь его при себе (за исключением тех мест, где ношение холодного оружия является принадлежностью национального костюма) во время участия в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях, пикетировании или иных массовых акций.

Действительно, оружие, на которое имеется разрешение на его хранение, нельзя носить, однако его можно транспортировать до места хранения. В Правилах по данному вопросу содержатся соответствующие правовые нормы (ст. 75). Транспортировать оружие нужно в чехлах, кобурах или специальных футлярах.

В некоторых регионах России допускается порочная практика, когда гражданин, обращаясь в милицию за получением лицензии на приобретение огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия в целях самообороны, встречает с её стороны требование об обязательном вступлении в общество охотников или получении государственного охотничьего билета. Такие требования не основаны на действующих правовых нормах.

В Инструкции по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 12 апреля 1999 г., говорится, что для получения лицензии на приобретение огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия в целях самообороны в милицию по месту жительства надо представить заявление по установленной форме, медицинское заключение об отсутствии противопоказаний к владению оружием, документ, подтверждающий личность гражданина РФ, две фотокарточки размером 3x4 см. Аналогичные документы представляются и при продлении срока действия разрешения на право хранения оружия.

Таким образом, имеющееся на законном основании у граждан оружие, на которое выдано разрешение на право его хранения, можно хранить не только в жилом помещении, где этот гражданин постоянно проживает, но и в месте его временного пребывания.

Н. АСТАФЬЕВ, почетный работник Прокуратуры Российской Федерации, старший советник юстиции

Трёха

Леонид КОРНИЛОВ. Рисунки В. Симонова

Вот ты мне ответь: болит душа охотнича или только прыгает от радости? Ага, осечка... А я тебе подскажу. Пальнуты ты. Бах!.. И что? Закувыркалась утка. Перевертыш однокрылый... Подранка сбраконьерил, хоть и с путёвкой. И царепина по сердцу — восторг осокиной. Ну, ладно, пала в креп болотную и с глаз долой. Но всё одно, сосёт подложечкой. Будто сквознячком через грудину тянет. Словно сам себя той дробцой и цапнул невзначай. Вот самто подранок и есть. Эх ты, бах-перебах... Драма жизни. А охота и душа — кровные сродственницы. И кто стрелок случайный да сырой, тот изнутри подорван. Так-то, братишка... И лишь тогда натура охотнича крепка да здоровья, когда выстрел верный и, значит, щадящий. После такого птица голову на спину захлестывает. Крыльшки подбирает, собирается. И по отвесной дуге — мягким комом... Как заснула разом. Тогда душа в целости. А ежели калек дрожащими руками хватать, так никакого терпежа не хватит. Душонка одна останется.

К чему это я веду? Да к собаке. Добрый напарник на ловчей тропе самый что ни на есть целебный отвар. Только лёс завсегда тебе лечение назначит. У него же в глазах что? Радость проблесковая. Как маячок. Не собьёшься. А если что не так, собачка тебя от лишних переживаний упасёт. Словно ангел-хранитель... Кстати, Трёхина-то мать из Лос-Анджелеса, может, и изангельских мест. Но это так, к слову. Сам себя перебил... Про что это я? А-а, про то, как лечит собачья радость. Ну, к примеру, стрелок ты аховый. Не уронил опять, как положено, а кувыркнулся с растопыром. Нехорошо. Но благодари помощницу, что хоть добивать-то тебе, горемыке, не пришлось. Подали, как на блюдечке. Да ещё с улыбочкой. Бывает и такое, редко, но бывает. Вот Трёху моя улыбаются! Так розовые брыли вздрогивают, что — полный Голливуд... Но это я опять забежал вперёд. А надо всё по порядку: сперва заряжай, потом уж стреляй.

Да с умом стреляй-то. С выбором. Он всегда есть в русской охоте, поверь. Это я как патриот двустволки говорю. Десятизарядки ихние все бы — через колено. Зачем отбойными молотками небо долбить? Сколько лишних дырок-

то наделать можно. Нет, я так скажу: коль не научился выбирать цель, значит, меры не знаешь. А потому — вредитель природы и сподвижник палачеству. И себя не помилую. Грешен. Вот, как на духу. Помню... а память — штука безжалостная. На ранней вечёрке в слюдяном облачном проёме, помню, сходятся надо мной сразу две утки. Весело так летят, переглядываются да перекрываются. И загляделясь бы сам, да руку-то уже не остановишь. Ну, и из правого кувыркнул их в болотную жижу. Бултыхаются. Сгоряча думают, что всё ещё летят. Глаза бы мои не смотрели... И не смотрели бы, если бы ссобакой был, с лайкой Ураликом. Он бы взял на себя «грязную работу». Да один я, как назло. Оставил Уралку под домашним арестом из-за ссоры с охотоведом-собаконавистником: не любит он «универсалов». Всё ему мерещится, что мы больше нормы берём, «за лицензионные рамки вылезаем». А вообще-то, он мужик отходчивый. Да и то понимать надо, что без четырёхлапого пособника правильной охоты не выйдет. Это ж как посредник между человеком с ружьём и государством флоны да фауны. Дипломат, консул, атташе... И всё такое. А не просто — силовик. Ну, да ладно, опять планку разговора сбили.

...Значится так... лезу я в забродниках по топи за себя и за лохматого «парня», а передо мной, как кинострашилка, нахлестывают мутную водицу слабеющие крыла. Подгребаю ближе и вижу — широконоски это. Они же наивные: не нырнуть, не спрятаться. Да ещё клювы не по размеру: из-за них серые шейки ещё тоньше и беззащитнее кажутся. Маются из последних. Кабы знать, что так обернётся. Но при выстреле рука всегда быстрее мысли. Таков закон охотничьей страсти. Во-во, философствуя теперь, давай, в словесную засидку хороинь. Свинец вылетел — не поймаешь. Не-е, ребята, без собаки на охоте человеком трудно остаться.

А ведь вот только что стоял умиротворённо на тихой вечёрке. Смотрел, как ёщё один осенний день подводит закатную черту. Под свист маховых о быстролетящей жизни думал. Но бабахнул. И на тебе — пляска смерти... Не хороший выстрел. Заполосный, жадный. Душу резанул. И нет рядом знахаря-чухаря, чтоб снял напряжение. Отряхнулся бы тот на берегу. Брызги — веером. И с тебя бы, глядишь, как с гуся вода. Береги душу — бери собаку... А всё охотовед чёртов! Замучил подозрениями. Опять, говорит, твой на переузине по

лосю работал. Я, говорит, слышал, как он там злобствовал.

— Да это с ёжиком он там поздоровался, — отвечаю.

— Во-во, никого не пропустит. Енота в августе прижал. То норку гоняет. То кабана крутит. Отъём тут с напёрсток, а балагану от твоего Урала много.

Слова охотовед выкатывал увесисто, будто камнями под самое горло обкладывал. А шея у самого от нутряной на туги, как петушиный гребень, краснотой наливалась. Зловредно так присоветовал спаниеля завести ... для уток. А что я предатель какой своему Уралке? Хотя и сам «универсального солдата» про себя поругиваю. Оглаживать оглаживаю, а ворчать ворчу. Не бери, мол, лишнего. Раз идём на утку, так на другую дичину брыли не раскатывай. Но в том-то и загвоздка, что мне до озера надо лесом пять верст чесать. Коротким поводком я своего вольнича не унижаю. Вот и хватает он по пути разные запахи. Он же лицензии не читает. Ему путёвка в жизнь охотничу самим творцом выписана. Но у охотоведа-злобача своя правда. Так ведь и моя совесть пищит. Потому и вечеряю в одиночку. А каково дома перед Ураликом-арестантом пахнуть утками? Прошмыгиваю в сени, как шкода. И так, пока лёд не встанет, страдаем оба. А уж потом по копытным отдушину ему даю.

— На, Уралик, хватай жизнь всей паётной!

А у него хваталка такая, что он не падается, западник мой волчего окраса. Я с лайками с пёлёнок. Неразлучники. Ну, зиму отгуляем по тайным путём, а с летним припеком опять сомнительная думка начинает настроение карябать. А пустят ли нас на озеро? Ведь опять «худовед» начнёт плести заговор. Дескать, лосиха у него там с сеголетком ходит. Или «высокое начальство» на открытие пожалует, а оно лишнего шума не любит.

Без вины виноватые получаемся мы с Уралкой. А охота — дело тонкого натяга. Тут никакой тебе дребедени быть не должно. Чтоб как прицельная плаnochka — ровнёхонько всё. Вот тогда — плавный тебе спуск и патронташ не давит. Вы меня понимаете? Ага, ясно. Вот и жена думает, что понимает. Всё сунуться норовит. За тридцать лет не раз лей-воды только и делает, что встревает. То русскую псовую борзую впарат на день рождения. То коккер-спаниеля этого, английского, на двадцать третье февраля. Азавака... Дратхаара... Да всех не упомнишь, кого она мне на шею вешала из ревности к лайкам. Всё пе-

решилить мне хотела коренное моё чувство к остроухому работяге. А то не смыслит, что я до корней зубов лайчательник. У меня у самого, может быть, в душе хвост кольцом. Да-а, псовая борзая тоже русская порода. Но к ней же «колотушка» не нужна. Я что при ней как мальчик на побегушках буду?.. А я сам люблю затвором, как клыками, лязгать. Мне самому «по месту» попадать надо. Лучше мой зоркий глаз выколи да верную руку оторви. Я без точного выстрела — инвалид последней группы. Да, больной! А ты здоровая — азавака африканского в наш климат? Ему же шубу норковую спервоначалу справить надо. Ха, ха-а... И русского спаниеля — не вздумай... Я по камышовой крепи, как на ходулях. Безвылазно. Тут одного характера мало. Высокая проходимость нужна. Маломерок надорвётся со мной. Дратхаар? А что дратхаар. Да, ногастый. Вязкий. Ничего не скажу. Вон, Гретка даже на пахучего крякаша стойку держала. Но мне стойка-то побоку. Ты мне многочасовую холодную ванну в ноябре выдержи, когда пролётная северная утка с мокрым снегом на воду падает. То-то! Дратхаара уже в начале октября такая дрожь колотит, что рябь по заводине идёт. И слезу не гони. Знаю, что как лучше хотела. Но твои сюрпризы без подшёрстка мне уже вот где! У нас тут не Европа, гольфстримы на халву не затекают. У нас тут всё — наперекор и супротив. Еврострелков спортивный интерес на благоустроенную охотничу базу завлекает, а нас страстюга дремучая гонит сукастой орясиной по взмокшей горбине. Старостерпы мы! Охотомученики и великие топтатели болот. И напарника мне такого же подавай с закущенными удилами. А то загоню к чёрту! Вот никто, кроме Уралки, и не дюжит. Потому-то давно мы с ним отбились от любительских тусовок. Мне на разлив зажигательных смесей в охотничьи кости и травлю хвалебных баек времени жаль. Да, ущучила! И до жены руки не доходят в разгар сезона. Потому и не сезонная ты у меня, как путёвка, а — на постоянной основе. И не суй Уралке палки в лапы. Я твою психическую ревность...

Сколько же раз я так нервно обдуплетился. И накатывает же глупая надежда, что поняли тебя и в покое оставят, наконец. Живёшь себе поживаешь, порошишку с дробцой наживаешь. А то невдомёк, что на тебя вдругорядь хитроумная засидка устроена. И сладкими рассказами тебя потчевать начинают про то, что объявились в мире охоты заморское диво-дивное. И цветастый журналисти подссыпают, будто бы не нареком. Там красным карандашом заманые строчки подведены.

«...Новая порода, названная чесапик-бэй, то есть — утиная собака, уникальна ей и тем, что обладает подшёрстком, пропитанным жиром. Благодаря этому густая, короткая и грубая шерсть водонепроницаема, как перья у уток. ...Не обращает внимания на ледяную воду...»

— Работ какой-то. Во, наплели.

«...В настоящее время чесапиков-бэй ретриверов в России и странах СНГ можно пересчитать по пальцам. Все они привезены из-за рубежа и несут крови самых знаменитых линий разведения США и Европы...»

— А, понятно, откуда ветер. Да у них там по угольям тротуары проложены. Куда им до наших дебрей.

«...Чесапик тоже ретривер, но если сравнивать его с лабрадорами и голденами, то основное его отличие — более сильные врождённые охотничьи качества. Эта молодая порода разводится преимущественно охотниками и для охотников. Полнее всего её можно охарактеризовать словом « страсть »...

— Стоп! Гм-м...

Дал слабину. А жена уже втихомодо мне двухмесячного щенка, темно-коричневого кучерявика. Говорит, от самого автора статьи, Жуковского, в подарок за верное служение утиной охоте. Во — выстрел! На какой-то кривой-перекривой козе объехала. Я кочевряжиться! А сердце-то уж упало да в щенячьи очи закатилось. А они янтарнокарие, как у лайки. Сродственные. Я слыхивал. Наши предки-то пешедрамом в Америку хаживали. Может, и наследил где нашенский кобелишка. Ну, куда с добром! Поплыл я. Да и Уралко подкидыши пригрел. Нализывает бурью ёрстку. Самые заветные куски отдаёт. И гончая моя, Пуля, уж до чего стерва, а тоже поддалась малышке. Лапками её по-заячи — то так, то этак. Видать, ко двору дарёныш. Третий будет. Ну, и назвал её Трёшкина. Хоть и мамка у ней американка. А у нас Бог троицу любит. Трёха, и всё. Цыц, баба! Мне эти родословные бумажки... Да я между ног столько рогозин пропустил, сколько они шагов по своим асфальтам не сделали. Учить ещё меня...

Это я жену свою, хитролисую, ошпентиваю, чтоб не забывала, кто в доме хозяин. Знаю я этих ретриверов. И, в самом деле, знаю. Брал ведь раньше по горячей ёжинкой просьбе её выставочных лабрадоров и голденов. Палки да коряги изрядно подавали. Совсем-то уж оханывать не стану. Научить их, конечно, можно. Но буйство страстей дрессировкой не преподаишь. Им что деревяшка, что утка — лишь бы приволочь. Забавы ради живут на свете. А вот лайка — тут другой интерес к жизни, глубинный. Она с первого точного выстрела все свои инстинкты выворачивает напоказ. Слышишь аж как сердце ходуном под взмокшой шкурой ходит. И смысловую связку: «бах — шлёт» усекает сходу. Ей палки в кусты бросать не надо. Может, конечно, с трофеем заиграться. А что? За свободу страстей ей и вольница полагается. Муштрай да дисциплинкой трепет и восторг глушить? Наоборот: самоуправство в горячем деле прощу за свободу духа и дерзость. У самого в голове — кипяток. Не охочусь по холодному расчёту. Упреждение никогда не вычисляю. Спроси, сколько «корпусов» вперёд чирка

дал, не отвечу. Навскидку... живём. Как душа встрепенётся. На выхлесте чувств! Под горячую руку. А иначе, это дело тягостное. Так-то вот моя полесовничья душа с лаечной и срастается. И сколько мы на пару «экваторов» по болотам намотали, не ведомо. Но имя этому великому походу — азарт. И никакой меня экстерьерной заумью да родословными печатями не возьмёшь, пока природного нерва не нащупаю. Охотничья страсть — единственное право на охоту. Остальное — браконЕРство.

Ну, и стал я приглядываться к «американке». Хвост, как заводяга у полуторки — в круговую. Ушки ошпаренными малиновыми листиками свисают. Но глаза — в глаза. Каждое мое движение словно на память зубрит. Что случайно обронишь, тут же тащит. Вот подавальщица-то. Как бы не свихнулась. Следить за собой стал, контроль установил: не ронять, не кидать. Думаю-гадаю, как бы ей полновесную звериную жизнь устроить, чтобы, значит, память предков в ней расшевелить. Мне бы увидеть, как она на дичину обзарится. А где в начале июня утку раздобудешь? Подсадных я не держу. Не моя это охота, коль на ней собаке делать нечего.

А тут супружница опять пригодилась — загордилась: из морозилки задубелого крякаша вытаскивает. Завалялся на Трёшкино счастье. С поздней осени её, видать, дожидал. А что ему сделалось? Как мамонт, сохранился. Разморозился — жирком лоснится. Дух здоровый, ядрёный, всё — не резиновый. Надо женюю собачонке съязмальства направить. Ноздря, что мушка, сбивать никак нельзя. Ну, и торжественно сунул трофеи под нос трехмесячной иностранке. Думал, испугается. Где там! Вцепилась! Тут-то я на радостях проворченько и в кусток его против ветра зашвырнул. И гляжу — разворачивается вислоушка. Воздух взадых тянет, аж брюшко к позвонкам липнет. Не может, думаю, быть. А она уже в ветках смородины ко-собочится и мордаху к дичаре тянет. Застряла. Я не заметил, как сам на четвереньки сподобился. Ползаю, плету что-то. Молчать бы надо. Не соваться. Отвлёк только. А ветерок-то со щенком лучше меня разговаривает. Запахи нашёптывает заповедные. Тут свои беседы-душеведы. И обежала-таки кусточек-то чесапика упорная. Ну, небывальщина же! Пастёнку съёт в осклизлого крякаша. Волочит тяжеленного. На крылья наступает. Роняет. Сама валится. И ко мне Трюндель-то, прямёхонько к хязину таранит. На коленки я перед ней. Принял. И не удержался. Ещё зашвырнул. И опять — чудо. Знать, кровь у неё правильная, не разбавленная.

Утку — в холодильник. Жене ни слова. А то ещё назнается. Но она нас послала подкараулила с фотоаппаратом. Фотофакт запечатлела. Тут уж никуда не денешься. И началось: я тебе говорила, а ты уперся в своих лаек с гончими... Отмолчался. Поживём-увидим. Собак по осени считают. И на августовском открытии насобирали с Уралкой

гостинцев. Притравил малышку по свечечку. Куда ни забрось — находит. Где ни спрячешься, туда тебе и — с доставкой в руки. Увлёкся я, чего говорить. Может, и лишку перекидал. А она с меня глаз горящих не сводит. Только — бросы! Даже пугать меня стал её взгляд. Зафанатела. Взмахнёшь невзначай пустой рукой, лоб утрёшь, а она уже — на дыбки. Любую преграду ни во что не ставит. Река. Озеро. Болото... С разбегу — булты! Чашинник. Бурелом... Челночит себе. Хвост-пропеллер сучки ломает, траву клонит. Только — кинь!

Но я-то калач тёртый. Мне поиск подавай, самостоятельный, устойчивый. А где его взять? Не тащить же полуодуванчика в утиные топи. Зато с первыми заморозками по снежку походил с ней на рябчиков для общего ознакомления с угодьями. Всё — по пятам. Выстрела не боится. Но вижу: не понятен ей наш лес. Не увлекает он её. Не будит. Но мы упёрты, нас не закатасть... в банку с огурцами. Весной победим. Вот уроню у неё на глазах харкающего вальдшнепка... Поймёт, откуда у дичи ноги растут.

И заявились первая Трёшкина весна-красна. А невеста годовалая — кровь с молоком. Приласкай, лес, красотку землянскую, диву американскую. Играет курчавая шёрстка, огненно-бурая с кремовым бархатным отливом. Жаркая собачка. Так и шёпот вокруг меня по вырубке. Ей нитку дай, она тебя в вирок замотает. Всё рядом вьётся — в трёх-пяти прыжках. Ну, отчего же стихия лесная не зазывает её? Забежалась бы, искасть себя заставила, свистеть, в воздух палить. Так нет. Всё малые круги нарезает, сапоги обтирает. Игрушка с дистанционным управлением. И как сломать в ней «школу» эту работенную, как разрушить искусственно вживлённый в её мозг культ человека, как гены очистить от плевел. На равных мы, Троекурова! К чёрту импортную законопослушность. Не царь перед собой. А работник я, балда, преклоняющийся перед твоим гениальным чутём. Видишь, я перед каждым суком поклоны бью. А ты гордо голову несёшь, потому как лес тебе дом родной...

Ну, и проморгал я первого хоркуна, вернее, прослушал. Трёха-то елозит по кустам, шумит. Я ей на гаснущее небо показываю, дескать, остынешься. А она выше воздетой руки не глядит. Видно, небо для неё там заканчивается, где пальцы мои растопыренные. А надо бы научить её высок просматривать на полёт дробового заряда. Вот задача какая. И — «хор...», «хор...». Тянет! Прямо на нас. Как по заказу. Я Трёшке стволом вверх тычу, мол, глаза-то открой. А уже прикладываться надо. Ну, накрыл... И дёрнулась Трюнделя в сторону падающей птицы. Но с полдороги вернулась. И не доброе чувство во мне шевельнулось, ох, не доброе. Чужая порода... Да, не троек ты наш, вездесущий, а доллар дутый, бакс пропиаренный. Ведь в триединство: охотник — ружьё — собака, как конь в оглобли, должна вставать. Ведь, как привязанная, должна возле трофея пыхтеть. Вот она, в трёх же шагах — со-

бачья мечта в тёплом оперении... Калю тут нервы с тобой добела, искусственница!.. А обиженный Уралик в вольере воет. Вот, лаечка-то, совсем другое дело. Он в лесу, как в библиотеке, запоминает. И к первому сбитому вальдшнеплу, помни, стрелой долетел. Пожадничал, конечно, помял. И — от хозяина пару скоков с добычей в зубах. А как же без этого, раз до беспамятства предан горячemu делу... Да я бы рад сейчас был, если бы Трёха схватила взъерошенный коричневопёрым ком и рванула от меня в чащу. Пусть бы «посекретничала». Втянулась бы. Но нет. Пришлось навести её на добычу. Тут же, без всякой раздумки, схватила и на автомате — ко мне. Работа да и только. С этого момента я ничего больше кидать не стал. А дома на жене отыгрался, дескать, повесила мне шею «выкидыша из пробирки».

Только на следующий вечерней тяге и подлечил меня Уралко. Сидит столбиком. Молится по-своему. Ухи на макухе. Так я, не поверите, по его ушам о приближающемся вальдшнепле узнаю. Вот они вздрогнули и пошли медленно в наклон. И точно, на подлёте ширококрылый. А Уралик его глазами ест, пока я с «колотушкой» управляюсь. Мне и смотреть ни к чему, куда завалится. Не моя это забота — после выстрела думать да гадать. На спуск нажал, а дальше — Уралкова епархия... Ладно... Похрустели жаренными косточками. Помолчали. Жене-интриганке крыть нечем. Она, видите ли, на выставку с чесапиком собралась. Раз я такой дурак, то пусть у неё хоть выставочная жизнь сложится. Ну, ограбили они «цацок» да титулов. Порода-то редкая. Статуи Трёхи знатные. Здоровья я ей натолкал, куда с добром. Ладная да жизнелюбива. Вся на мускульных пружинах. Прягучесть леопардовая. Над калиткой, когда встречает, взлетает, как на вертолётной подвеске. Взмывает, но не перепрыгивает. Что за дурь? Лаечка, та никогда бессмыслицы не творит. Махнуть через штакетины на волю, это понятно. А с разгона бить четырьмя лапами в забор... До того калитку раздолбала, что пришлось петли менять. В общем, зарёкся я бабу слушать. Ещё журнал подсовывает. Чёртоляся какого-то в дом приволокла. Однако журнальчик цветастый полистал. А там написано: «Чесси прежде всего неутомимая работяга, и она требует больших нагрузок, дабы избежать нежелательного поведения».

Ладно, перелетовали с горем пополам. Взял я на открытие утиной охоты всех своих троих сыновей. Чтоб свидетели были Трёхиного, значит, позора. Пусть объективную картину матери своей доложат, а у меня уже язык отсох. Поставим окончательный диагноз «американскому чуду», которое, если верить журнальному брёху, до двухсот уток за день вытащить и подать может.

Ну, нам-то рекорды ставить ни к чему: не на мясозаготовках. А постреляли с сынами изрядно. Вот только собрали не всех. И молодёжь мне в голос — упрёк, мол, что это я Урала-то не взял. Трёха

разочаровала моих наследников на-прочь. Сбиваем у неё на глазах утку. А она, не добегая до очевидного места падения трофея, возвращается и вопросительно таращится тебе в глаза. В полтора-то года экая сообразительность?.. Надо лезть самому. Наводить в который уже раз. Всё проклял. Ну, как ей втемяшить мыслятину, что дичь после выстрела падает. Вот рукой куда хощь залепи — приволёк и не тормознёт ни разу. А после барабана искать, видите ли, не интересно. Американцы! Вы чё творите-то, я вас спрашиваю? Назад к природе, Амэрэука!.. По кочкам ходить надо!.. От плоскостопия помогает.

Короче, жена в слезы. Господину Жуковскому звонит, асу дрессуры и натаски ретриверов. И трубочку — мне в раскаленное её истерикой ухо. Я вопрос ребром. А мне мягко и дипломатично соответствуют, что на уток с матерью Трёхи не ходят. Но не далее, как вчера, взяли с ней на тетеревиных выводках восемь молодых косачей. А что касаемо моего дикого случая, то я сам виноват. Оказывается, при натаске чесапика, не хозяин должен прятать дичь и тем более забрасывать её перед глазами собаки. Кто угодно, только не хозяин. Ёлы-палы... Во, штучка заокеанская. А я-то думаю, что она жрёт-то меня своими зенками? Гипноз любви и всё такое! Да для неё ж на мне одном свет клином сошёлся. Вот и прыгает она выше калитки, когда встречает. И на ружьё ей начихать и все выстрелы — побоку. Она на руку мою, дары приносящую, как на иглу, крепко подсела. Извиняй меня, Трёшница, раз такое дело. Не серчай на лаечного однолюбца... Мы в натаске не мастаки, нам сподручней самотёком.

Ну, взял я отых. Побегал на озерко с Уралкой. Пять вёрст туда и столько же обратно, только уже гружёный «пером». И всё бы ничего. Да как-то на склонном клеверном польце замай мой «вез-дехват» лисёнка. А охотовед, как караулил. Ну, и вышел от него «указ»: до уреза воды и назад до дому — строго на поводке. Это десять вёрст лесом да пересечёнкой на отрыв руки. Пёс-то мой тягач будь здоров. Загорюился я, утятник прописной. Я же без свиста крыльев по осени заболеть могу тяжело. Начал опять к Трёхе приглядываться. А она, смотрю, к ружьишку жаться стала. А где рюзак мой пахучий под себя подвернёт да посыпывает. Видать, мемуары у неё, никак, тоскует по угодьям. Ну, и с ней вприпрыжку на болотину. И получаю тот же рецидив: «глаза, рука». Выкатит свои янтарные и хдёт взмаха. А трофеи тем временем уже мокнет. Сызнова идём искать вдвоём. Я наводчиком работаю. Правда, сам и сбылся. А Трёшка стремительным скоком по живе кусты протаранила и метрах в десяти от меня схватила битую птицу да и подала. К ногам — шмяк мясистую. И голову вскинула на меня. А я вижу, брыли-то у неё верхние вздёрнуты и носик так кокетливо сморщен, что выходит редкого обаяния улыбка. Вот тебе и морда лица. У лаек-то выраже-

ние всегда одно — внимательной со- средоточенности. А тут, гляди ты. Ну, почесал ей между глаз. Это у меня комплимент такой. Да скоро и забыл про улыбку. Потому как опять превратилась моя Трёшица в зашоренного поносаки- ми ретривера. И как вывести её из этого состояния я, кондовый лайчэтник, не ведал. Вырастить вырастил, а довести до ума...

Выручил Урал. Надоело ему сидеть под арестом. Махнул он через два забора и — в самоволку. А я слышу слева шажки по водице с шуршащим напы- вом. Его походочка. Да прямо по утиным посиделкам. На ветерок, как положено. Партизан серый. Молчком. На глаза не кажется. А уже в деле. Вот-вот поднимет, чертюка. Трёха к нему на махах. Подшумела не кстати. Но он на неё рыкнул. Привёл в норму разом. И та, слышу, «взяла ногу». Вот он, собачий-то язык. А я в нём — немота голимая. Но сам-то на островок скоренько. Мне сплоховать-то сейчас никак нельзя. Чую, момент истины близится. И вот она, тяж- кая оплеуха по затянутой ряской воде. Хрусткий разрыв растительного пленя. И только клиники крылолоснули по кудельным макушкам, я обрушил матёрую птицу вниз. За гулом выстрела ни шлеп- ка, ни других шумов. И вдруг — нарас- тающий бурлящий мах, таранный слом

стеблей. Это Трёха ко мне рвётся сквозь зелёную гущину. Видать, Уралко шуга- нул: оншибко не любит добычей делиться. И скакать по воде козлом он не буд- дет. Не его стиль. Всегда степнененько рассекает грудью водоросли и носом каждый шаг выверяет. А тут вездеходи- на прёт. И вот она выламывается из пле- тёной стены. И слепой от солнечных бликов да веерных брызг я не сразу гла- зам своим верю. Поперёк задышливой пасти — селезняка ухоженный в зелёной беретке. Я рот развесил. Патрон как раз менял. Принять по=людски не могу. Од- ним глазом жду новую весточку от Уралки, а другим любуюсь Трёшкиной улыб- кой до мозжечка. Ах, ты чудило!.. Мне бы угостить Уралкину послушницу ласко- вым словом. А я в камышины вжался. «...Гляжу, поднимается медленно в гору...» Утюра-а!.. Нагулянная до лоска. Последний привет сентября. В полукруг заваливается. И вверх спиралит... Ну, Трюндёлёк, смотри! И Уралко сейчас морду ввысь задрал. Ждёт моего верня- ка. Надеется. Знает, что «толкнул», как надо, и цель — «на выстреле». Эх, теряю я голову от такой живописи. Сердце колошматится. И как оно только выдержи- вает, противодействие моё? И во все- гдашней в такие моменты дрожливой сумятице чувств, в вековечных этих впо- пыхах — бум!.. И вижу краем глаза, как

Трёха полетела навстречу добыче, пи- кирующей с заломленной шеей. Прорва- ло её, наконец-то! Нетерпеливые ин- стинкты, что распирали чессы изнутри, хлынули в этот миг, в этот день, в эту де- вятую осень третьего тысячелетия. Рас- сеская неглубокую заводь, она вынеслась на серёдку и в сумасшедшем прыжке перехватила утку ещё в воздухе. Но встреч- ный отвесный удар был так крепок, что собака сама перевернулась и зарылась головой в воду. И в тот же миг какая-то яростная катапульта выбила её со дна! И это был долгожданный взрыв-вып- леск... свободного духа охоты, восста- ние брызг и фонтан страсти. С уткой в зубах буря бестия взмыла над камышо- вой оградой (как дома — над калиткой) и грудью влетела в высокие врата... ве- ликой русской охоты. А там орал от вос- торга я. И лез с объятьями, и лизался по- собачьи.

Но так же, как и Урал, Трёха сейчас мне не принадлежала. Она уже не ис- кала моего взгляда. Выскальзывала- выкручивалась из рук, которые совсем недавно дарили ей манну небесную. Любовь к хозяину — это только первый шаг к пониманию и обожанию огромно- го мира. Всё. Теперь она присягнула своей царице — Природе. И я остался стоять с её царственным трофеем. А она унеслась к своему суровому настав- нику, никогда не менявшему выражения морды. И тогда он рассказал «утиной собаке» всё, что знал о птицах, садя- щихся на воду. Поведал о том, где они любят уединяться. Научил держать с хозяином «связь» и «работать» на него. Единственное, чего не восприняла ученица от учителя — его врождённого сте- пенства. Она осталась верна одержи- мости и кипучей энергии своих пред- ков, прыгавших в море с бортов парус- ников, чтобы помочь рыбакам вытянуть тяжёлые сети. И, открыв для себя по- иск, Трёха прочёсывала болотные за- росли, словно трал. Силища и стара- ние, с которыми она отдавалась про- мыслу, поражали своей беззаветной самоотверженностью. Никакие прегра- ды не могли противостоять неукроти- мости её характера. Она подавала всё и отовсюду прямо с доставкой. От нас обоих валил пар. Даже мой и без того широкий шаг стал ещё размашистее.

И мы забрели в глубокую осень. И гряз- нул знобкими утренниками ноябрь. Но если, кто и дрожал под пронизывающим ветром на пролёте северной утки, так это я. Трёшка словно не замечала сме- ны времён года. Смазанный чесапико- вым жиром «утиный» подшёрсток, от-талкивал студёную воду. Первый лёд в застоях бочагах она ломала, как лед- докол. И это была невидаль. И ставший заискивать передо мной охотовед умолял показать «невидаль» его начальству. Изумлённый чинуша расчётиво поинте- ресовался, где, мол, такую собаку мож- но раздобыть? Посмотрев на его живот- пельмень и вареникообразное плечико, с которого сползла десятизарядка, я твёрдо ответил, что — нигде. Таких со- бак больше нет. «Правда, Трёха?» И она широко улыбнулась в ответ.

Русские писатели-охотники

Григорий Анисимович ФЕДОСЕЕВ 1899-1968

Пути Господни неисповедимы. Землепроходец Григорий Федосеев прошагал по тяжёлым и горным тропам многие тысячи километров, прежде чем понял, что его главный путь ведёт в страну с названием «Литература». Претерпев все мыслимые физические страдания, однажды он сел за письменный стол перед стопкой чистой бумаги и удивился: «Труд исследователя всегда был тяжким испытанием. Ему я посвятил всю свою жизнь. Но я никогда не подозревал, что написать книгу куда труднее. Порою меня охватывало смятение, я готов был бросить работу и только долг перед своими мужественными спутниками заставлял меня снова и снова браться за перо».

В литературу Григорий Федосеев пришёл в том возрасте, когда многие писатели в ней разочаровываются, — ему было за пятьдесят. А до того, как «браться за перо», он с топографическим планшетом и ружьем на плече годами жил экспедиционной жизнью: ночевал в палатке или под звёздами, варил похлёбку на костре или голодовал. Родился он в канун 20 века на Северном Кавказе в станице Кардакинской (Зеленчукской), на отшибе от магистральных дорог и исторических событий. Крестьянское происхождение не сулило романтического будущего, но Федосеев окончил Кубанский политехнический институт (1926) и связал свою жизнь с путешествиями.

По сталинскому плану индустриализации страны тысячи специалистов самых разных профессий отправля-

лись в глухие и отдалённые области СССР. На долю Федосеева выпали геодезические работы по изысканиям трассы (1930) для будущей железной дороги в Хибинской тундре на Кольском полуострове, на месте его походного бивака скоро вырос город Кировск. Потом была Муганская степь в Азербайджане и, наконец, Забайкалье, Саяны, труднодоступные районы Сибири и Дальнего Востока, где он вместе со своими товарищами в нелёгких походах закрывал последние белые пятна на географической карте нашей страны. Стратегическая важность этих работ была столь велика, что они не прекращались даже во времена войны, и Федосеева не отпустили на фронт.

Первые попытки облечь личные дневниковые записи об эвенкийских походах в литературную форму Федосеев предпринял ещё в 1940 году, но лишь через десять лет, по совету друзей, отправил свои записи в журнал «Сибирские огни». Рассказы представляли собой слегка обработанные путевые дневники, но после большой редакторской работы были опубликованы в журнале и вышли отдельной книгой под названием «Тяжёлые встречи» (1951, 1954). В «Сибирских огнях» впервые было напечатано и большое повествование «Мы идём по Восточному Саяну» (отдельное издание вышло в 1956 году). Успех первых книг совпал с выходом на льготную пенсию, и Федосеев, натерпевшись в холодных и голодных краях, перебрался ближе к родине — на тёплую Кубань, чтобы отпущеные Богом годы посвятить литературе.

Многие события из прошлой беспокойной жизни сохранились в дневниках, помогали оживлённая переписка и встречи с товарищами по давним походам. Было что вспомнить! В течение шести лет (1948—1954) Федосеев руководил небольшой бригадой топографов по исследованию пустынного побережья Охотского моря и глубинным горным областям хребта Джугудыр. Драматические обстоятельства, с которыми сталкивались участники этих экспедиций, легли в основу двух новых повестей: «В тисках Джугудыра» («Тропою испытаний») и «Смерть меня подождёт». В них впервые появляется эвенк Улукиткан, охотник-проводник, не раз спасавший жизнь Федосееву и его спутникам. Увы, не обошлось и без гибели участников экспедиции. А эвенк Улукиткан, наряду с героями книг В.К. Арсеньева гольдом Дерсу Узала, в советской литературе стал символом бескорыстия, нравственной чистоты и особой, многим недоступной философии существования че-

ловека и дикой природы. В предисловии к книге «Смерть меня подождёт» (1963) известная поэтесса Мария Шагинян назвала образ Улукиткана одним из самых «обаятельных» в нашей литературе.

Улукиткан было уже за девяносто, но он по-прежнему жил по вековому укладу своих предков: олени — охота — рыбалька... На охоте он и погиб в 1963 году. Григорий Федосеев, узнав о его гибели в тайге, отправился с Кубань на Дальний Восток и вместе с верными друзьями-тёжниками поставил в память об Улукиткане четырёхгранный геодезический тур из бетона на берегу Зеи. Сейчас этот своеобразный памятник погребён под толщей Зейского водохранилища. А живший в мире и согласии с природой Улукиткан ушёл «к верхним людям», так и не поняв своим чистым, детскими наивным разумом, для чего Советской власти понадобилось все, непременно «все богатства взять из-под земли». А что же останется потомкам?

Не секрет, что экспедиции в тяжёлые и малодоступные районы до сих пор снабжаются огнестрельным оружием. Карабин, охотничье ружьё, револьвер — обязательная деталь в экипировке изыскателя. Во времена Федосеева о тотальном оскудении животного мира ещё не говорили, и участникам дальних походов вместо банок с мясными консервами выдавали лишнюю пачку боевых патронов. Но без охотничьей смекалки и выдумки трудно подстрелить не только дикого зверя, но даже заурядную утку. Федосеев был отменным охотником, его добычей становились медведи, лоси, звери крупные и помельче, зачастую от успеха охоты зависело меню экспедиции: либо чай с сухарями, либо суп с мясом.

Для любителей охоты и охотничьей литературы повести Федосеева — настоящий кладезь. В советской литературе найдётся не так много писателей, посвятивших столько страниц охоте. Это и немудрено, потому что он и его товарищи никогда не расставались с оружием, а в самом авторе книг, с его же слов, «зверобой уживался с терпеливым натуралистом, много наблюдавшим за жизнью зверей и птиц». В конце жизни охотничий инстинкт угас в «зверобое», но писатель никогда не раскаивался в прошлой любви к охоте и оружию.

Великий тяжёлый труженик Григорий Федосеев и в литературе работал с большим напряжением сил, преодолевая ступени литературного мастерства. Рабочий день писателя начинался в 6 часов утра, и до двух часов дня он, не разгибая спины, мел-

ким убористым почерком писал новые главы, безжалостно кромсал написанное и опять писал — без выходных и праздников. И если первые его повести можно назвать документальной прозой (пусть и с множеством приключений), то более поздние произведения («Пашка из Медвежьего лога», «Злой дух Ямбуя», «Последний костёр») отличаются творческой свободой и полётом фантазии автора.

В 60-е годы книги Федосеева завоевали большую популярность, их издавали не только в «странах народной демократии», но и в Америке, Франции, Англии. Наверное, европейцам было очень занято лишний раз поразиться громадности России и убедиться в беспречности и безалаберности русских, к середине двадцатого века так и не сподобившихся облазить и обмерить все свои богатые кладовые и владения.

Приключения горстки геодезистов, предводительствуемой проводником Улукитканом («Тропою испытаний»,

«Смерть меня подождёт»), автором не выдуманы, но иногда читателю может показаться, что невероятные трудности на их пути явно преувеличены. Это не так. Магаданский старожил Варлам Шаламов, проведший в сталинских лагерях почти два десятилетия, в своих «Колымских рассказах» пишет о том, как однажды его отрядили на геодезические работы, и он с удивлением узнал, что участь и работа землемеров почти не отличаются от тяжкой доли Колымских лагерников. Иное дело, что за свой каторжный труд Шаламов заработал туберкулёз и пеллагру, а Григория Федосеева за геодезические изыскания наградили (вполне заслуженно) двумя орденами Трудового Красного Знамени, в 50-е годы ещё редкими и весомыми.

Кубанская жизнь старого топографа проходила в литературных заботах, но, выкроив свободное время, он любил окунуться в привычную бродячую жизнь. Федосеев был желанным гос-

тем в азовских рыбакских артелях, выходил в море, вместе со всеми выбирал сети и сортировал рыбу, варил на костре уху «по-тайжному».

После смерти Улукиткана Григорий Анисимович пережил смену собственных возврений на жизнь и смерть. Именно эвенк-бессребреник помог ему в новом постижении огромного мира природы и человечности, проведённые с мудрым охотником годы Федосеев стал называть «академией». Символично, что повесть об Улукиткане «Последний костёр» стала для писателя последней. Он умер от разрыва сердца, внезапно, во время сборов из Москвы на Кубань. Его романтическое завещание выполнили старые друзья-геодезисты: урну с прахом писателя сначала на самолёте, а затем на вертолёте доставили в Саяны и, захоронив на перевале Идеи у пика Грандиозный, воздвигли памятник. А перевалу официально было присвоено имя Григория Федосеева.

М. БУЛГАКОВ

Улукиткан

Г. ФЕДОСЕЕВ

Распласталась тайга по заснеженным холмам, выстлала пади, ушла сплошною чернотой за хребты. Всюду величественная тишина зимнего леса. Изредка стукнут дятел: ударит клювом в сушину, смолкнет, ударит еще, посильнее, и как застачит... Долго не стихает в лесу этот дребезжащий звук. Он так обычен, что, кажется, не нарушает общего покоя.

В вечернем сумраке багровел закат. Воздух был резок. Все замерло в безмятежной истоме угасающего дня. И такая благодать, такой покой, будто в природе на века наступило примирение. Ни хищников, ни бурь, ни смерти.

Тишину разорвал шум крыльев вспугнутой стаи синиц. И еще не успел смолкнуть шорох их крыльев, как послышался хруст снега под чьими-то легкими шагами. Затем ближе, точно от удара, вздрогнула березка, раздвинулся стланник, и в образовавшемся просвете появился Улукиткан.

Выбравшись из чащи, он, не задерживаясь, на ходу стряхнул с ушанки снег, протер лосевой рукавицей глаза,глянул на меркнущее у плоского горизонта солнце. Не торопясь, вышел из чащи три пары оленей, впряженных в нарты, нагруженные охотничим скрабом. Спустился к речке Арга и на пологом берегу остановился. В холодном безмолвии спала река. За нею простиралась на запад бесконечная равнина, угрюмая и в снежной белизне своей однообразная, как синь океана. Слева за тальниковым частоколом эвенк увидел поляну, увалом прижатую к реке. Именно сюда, к ней, он и пробирался.

Более трех десятков лет назад тут однажды была его стоянка. Однако и сейчас все ему на полянке знакомо: и приземистые ели, столпившиеся у невысокого берега, и озерко под рекою, в оправе из похлеставшей осоки, теперь замерзшее, и старые пни от срубленных им еще тогда деревьев. Проходя мимо, Улукиткан толкнул ногою один из пней, и тот развалился. «Пни и те сгнили, а я еще топчу землю», — подумал старик.

Он подвел упряжки к ельнику. Отпустил оленей. Достал пальму — большой нож с длинной рукояткой, заменяющий топор, и ушел в чащу.

За тусклым горизонтом потух зачат. Из боковых ложбин, из чащи наплыval холодный сумрак. Одна за другой в небе загорались звезды.

Старик не торопился с устройством ночлега. Для одинокого путника зимняя ночь кажется бесконечно долгой, чего только не передумаешь, где только не побываешь, мысленно дожидаешься рассвета! «Как-нибудь прокоротаю ее, а завтра приедет Басиль, будет веселей, и языку найдется работа», — размышлял он.

Улукиткан опознал место, где когда-то стоял его чум. Выстал это место лиственничными ветками, установил печь, натянул палатку, принес воды. Раньше он все это делал легко и быстро, а теперь не тот взмах пальмы, шаг стал мельче, да и в руках не осталось прежней силы.

Перед тем как забраться в палатку, старик оглядел звездную синеву неба над стоянкой. Ухом припал к тишине.

С юга через марь набегал легкий ветерок. В нем рассыпал он, как далеко отсюда глухо гудел огромный, непостижимый для разума лес. «К непогоде...»

А в палатке теплынь. Мигает свеча. Пахнет отогретой лиственничной подстилкой. Чудесный запах! Куда нежнее и ароматнее запаха еловой или сосновой хвои. Вообще Улукиткан предпочитает его любому запаху.

Эвенки давно уже живут оседло, смигив дырявый берестяной чум с негаснущим очагом в нем на четырехстенную уютную избу с печью. Только такие старики, как Улукиткан, не могут, не видят смысла ломать установленный прядедами уклад жизни, связанный со звериными тропами, полной поединков со стражей и непогодой. Вся его жизнь — большой аргиш. Одна-две ночевки на одном месте, и дальше, к новому небу, к другому ручейку, туда, где лес в тихую погоду, кажется, поет колыбельную. Улукиткан убежден, что на свете нет ничего уютнее полотняного жилья с лиственничным запахом, нет ничего вкуснее пшеничной лепешки, испеченной на жарких березовых углях, и здоровее сна у костра, он не знает приятнее музыки, чем голоса живой природы.

Улукиткан сбросил с худеньких плеч дошку, подложил в печь дров, присел к теплу. «Хорошо!» — подумал он, доставая из потки посуду, сумочку с сахаром, масло, отварное мясо. Скорее бы закипел чайник...

Улукиткан слышит, как шелестит снег, падая на крышу палатки, как за

озерком стонет, качаясь, старая лиственница, как за Аргой кричит голодная птица. Расстегнул вход в палатку и, высунув седую голову, взгляделся, вслушался в беспросветную темень. Где-то внизу тихо шумели старые сосны. «К утру снег перестанет, переноша будет, а это всегда охотникам фарт, может, и мне повезет», — порадовался старик.

После чаепития он занялся подготовкой к охоте: отложил несколько беличьих патронов к бердане и три для крупного зверя. Его пес Пакет — мастер берлоги искать, авось и нынче поднимет зверя, тогда он, Улукиткан, старому дружку своему Уйбану не сохатиную шкуру привезет, а медвежью. Теплая будет ему подстилка под бок, да и укрыться ею куда с добром. Улукиткан достал из потки трубку, сам не курил, но на всякий случай, для встречи с кем-нибудь возьмет и трубку. Посмотрел, не пропрыгались ли меховые чехлы для лыж, без них не скрадешь в тихом лесу зверя.

Сон не приходил к Улукиткану. И перед ним вставал завтрашний день: лес, встревоженный выстрелами, след зверя, призывный лай Пакета. Всякий раз, когда он находился в тайге, им овладевало это загадочное чувство. Он никогда не пытался осмыслить, понять его, просто слепо доверялся и отдавался ему. То было чувство привязанности к тайге, ко всему, что связывало с ней, — и это было для эвенка чем-то таким, что дороже всякой добычи, сытого табора, что он не променял бы на сотню черных соболей. И он радовался сейчас, что это чувство дожило с ним до глубокой старости, приносит ему и теперь величайшее наслаждение. Именно эта привязанность и привела его теперь на Аргу.

Думал он и о другом. Безымянный голец, с которого он вывел в «жилуху» астрономов — Ивана Ивановича и Алю, оказался последней покоренной вершиной в его жизни, как и то стадо снежных баранов, которое он видел тогда, уходя с гольца. Не пришло ему больше бывать в горах, скрдывать круглогорих. И тогда же, у стойбища, куда он привел астрономов, навсегда оборвалась долгая тропа проводника, догорели костры последних шумных привалов. Не сопровождал он больше ни одной экспедиции, годы отняли у него право быть впереди идущим. Будто кто-то пальмой пересек жизнь эвенка, разделив ее на прошлое и сегодняшнюю старость.

Он заснул и во сне увидел далекую чайдахскую тайгу — глухой безлюдный край, где много лет назад он, будучи проводником, ослеп. Потерял солнце, тропу, приметы, но не бросил спутника, вывел его из большой беды, спас и себя. То был небывало голодный путь, нечеловеческие испытания. И все это он снова переживал в снах, которые часто переходили в кошмары. Улукиткан сбивался с направления, тонул вместе со спутниками в зыбунах или на поро-

гах, бессмысленно блуждал по чащам и болотам. А просыпался с тяжелой головой.

Утро еще таилось за тусклым горизонтом, когда Улукиткан застегнул за собою вход в палатку, привалил край полотна поленом. Долго стоял, поглядывая на все стороны, раздумывая, куда ему податься, где вернее искать свою удачу? Можно бы за реку, в ельники, места там подходящие для белки, однако кочковатые мари, не везде пройдешь. Неплохо бы податься на ложки, там-то наверняка есть зверь, ноходить по крутым отрогам у старики уже не было сил. «Совсем не остается мне и дела и места в тайге», — с горечью думал охотник.

Улукиткан еще раз окинул хозяйственным взглядом становище и, подчиняясь кому-то внутреннему охотничьему приказу, уверенно отправился в глубь лиственничной тайги, навстречу разгорающемуся дню.

Лес еще был полон ночных оцепнений. Деревья стояли, опущенные снегом, с высоко поднятыми вершинами, сквозь которые чуть сочился голубоватый свет утра.

Старик неторопливо месил лыжами податливую перенову, любуясь сказочным, неповторимым снежным царством, — на пнях белые папахи, на березах висячие кружева инея, коряги превратились в снежные хоромы, под станиковыми навесами — таинственные пещеры. Старик бережно обходит хрупкие творения ночного снегопада.

Опытные глаза охотника ничего не пропускают. На свежем снежном покрове читают они предутренние следы лесных обитателей. Вот мышь, крошечное беспокойное существо, выскоцила из норки поглядеть на заснеженный мир и, пробегая к соседке, настроила

малюсенькими лапками стежку. А это дикий олень, опускаясь в береговой ельник на кормежку, взбил сильными копытами белизну переновы, по пути развалил своей огромной тушей легкие снежные надстройки. Вот следы горностая, в поисках пищи этот хищник шнырял по темным закоулкам станика, взбирался на валежины, чтобы осмотреться, принюхаться, и бежал дальше голодный, злой.

Из распадка, к которому подошел Улукиткан, донесся еле уловимый звук. Старик остановился, напряг слух и глаза. «А где же Пакет? Почему не подает голоса, оглох, что ли?» — подумал старик и зашагал к густой лиственничной чаще, откуда донесся непонятный звук...

Охотник подошел к береговому обрыву. Дальше, за Аргой, лежала бугристая равнина, слаженная к горизонту белизной снегов. На ней кое-где были видны узкие полосы ельников, будто черные незажившие шрамы земли. «Там наверняка белка живет, ее места», — подумал Улукиткан и уже хотел было спуститься на реку, как слева послышался треск сучка под чьей-то ногой.

«Зверь», — заключил Улукиткан и круто повернул лыжи в направлении этого звука, потянул свой след к чьему-то невышедшей сквозь морозную мглу пади.

Шел он осторожно, то кралялся по кустарникам, низко пригибаясь, то укрывался за толстыми стволами лиственниц. Совсем близко послышался тот же треск. Охотник огляделся по сторонам — никого не видно. Вокруг глубокая морозная тишина.

Улукиткан взобрался на мысок и, прижавшись к дереву, огляделся. Впереди резкой темной полосой начинался сосновый бор. Правее его, по па-

дям и заснеженным холмам простиралась старая гарь. Улукиткан внимательно всматривался в гарь, в подлесок, но ничего не мог различить. «Лет десять назад — враз бы увидел, а теперь лешевые глаза хоть выколи!»

И вдруг слева, совсем близко, послышался скрип снега под чьими-то тяжелыми шагами. Улукиткан глянул туда и сильнее прижался к сосне: «Сохатый!» Вот он весь повернулся к охотнику, прислушался, навострил уши. Что-то, видимо, встревожило его.

Улукиткан, пожалуй, еще не видел в жизни такого огромного зверя. Весь облитый солнечным светом, он казался прямо-таки великаном. Темной масти, а спина совсем черная. На голове корона широченных рожиц. Могучая грудь. «Однако, жирен!» — дивился старики, примериваясь глазом к зверю, от которого его отделяли слева по увалу редкий ольховник, а справа падь, заставленная стволами упавшего леса. Место неудобное для скрадывания, земля завалена сухими сучьями, малейшая неосторожность — и прощай добыча! У сохатого отличный слух и хорошее чутье, но зрение неважное. Он житель леса, а в лесу видимость короткая, и у сохатого выработалась как бы близорукость в отличие от обитателей открытых мест, степей и гор, где зрение имеет первостепенное значение. В двух сотнях шагов вряд ли сохатый отличит человека от пня, зато его шаги он услышит за версту. И все же Улукиткан решил подобраться к зверю по гори.

Пятаясь задом, он спустился с мысика, скатился к реке. Достал из котомки длинные чехлы, сшитые из собачьих шкур шерстью наружу, натянул их на свои широкие лыжи. Зимою в тихую погоду только в них и скрадешь зверя — собачья шерсть глушит под лыжами шорох снега.

Воздух недвижимо висел над разогретым лесом — это для скрада не очень-то хорошо. Старики сбросил с плеч поножку — лишняя тяжесть ни к чему. Затянул потуже ремень на животе и подоткнул под него полы дошки, чтобы ногам было свободнее шагать. Еще раз оглядел гарь, усеянную мертвыми деревьями. И бесшумно двинулось вперед.

Вот и выскорь — замеченная с мысика старая лиственница, падая, подняла своими могучими корнями большой пласт земли, точно щит, поставленный на ребро. Надо добраться до него — и можно стрелять. Слышино, как лениво шагает зверь по снегу, как с треском ломает тальник и смачно жует молодые побеги.

Улукиткан занес ногу, чтобы перешагнуть через валежину, но пошатнулся и наступил лыжей на сухой сучок. Треск сломанного сучка в тишине показался взрывом. Улукиткан, ухватившись за сушину, замер. Но зверь, почему-то даже не пошевелив головой, продолжал кормиться. «Эко, спокойный какой!» — удивился Улукиткан и осторожно перенес через валежину другую ногу.

Он подкрался к выскори. Перевел дух. Глянул в щель между корнями. Сохатый был от него шагах в пятидесяти и весь на виду. Улукиткан развязал кожаную сумочку, висевшую сбоку, достал из нее патрон с большой пулей и перезарядил бердану. Не торопясь, просунул в щель ствол...

Зверь, видимо, что-то поччял, вскинул рогатую голову, поставил торчмя уши и замер. Но было уже поздно. От выстрела дрогнула тайга. Сохатый круто развернулся, спотыкаясь, бросился вверх по пади, но, не одолев крутизны, повернулся назад, вниз. В слепом беге, наскакивая на сухостой, грудью руши снежные наметы, с треском подминая под себя молодые деревья, он уходил к Арге. И там, у реки, внезапно оборвался его бег.

Старики постоял, еще не уверенный в удаче, еще не зная, насколько тяжело задела пуля сохатого. Он разрядил бердану, продул ствол. До его слуха долетел гортанный крик какой-то птицы, должно быть, первой увидевшей свалившегося сохатого. Вот и горностай прошмыгнулся мимо старики в ту же сторону. Этот запах крови чует далеко. Над рекой появилась стая кукаш. «Ничего в тайге от них, негодниц, не скроишь, исподволь за всем следят, все видят и тотчас передают друг другу», — подумал старики и, не задерживаясь, пошел на крик птиц.

«Знал бы Басиль, что я добыл сохатого, наверно, не пожалел бы оленей, поторопился. Он любит отварную жирную грудинку, хорошо нынче угощу его!» — Старики совсем забыл о неудаче с «казаком» (соболем), вновь поврил в себя.

По пути поднял брошенную котомку. Снял с лыж чехлы, приторочил чехлы к поняжке. Все так же не торопясь, направился к убитому зверю. «Должно же было мне сегодня повезти... Пожалуй, еще поживу своей добычей, не нужно мне заниматься на жизнь у кого-нибудь. Еще будут радости!... И внезапно до тошноты, резко ощущил он голод. Вспомнил, что с утра ничего не ел, лишь выпил кружку чаю у дупляной сосны.

След раненого зверя с гаря свернулся вправо, к видневшейся в сосняке полянке. Тут Улукиткан увидел лежку, залитую кровью. Но самого зверя не оказалось. Старики внимательно осмотрел лежку. Зверь лежал на левом, кровоточащем боку, головою к своему следу. Эвенк припомнил, что в момент выстрела сохатый стоял к нему правым боком — значит, пуля прошла навылет. Не должен бы далеко уйти...

Улукиткан направился к Арге, куда раненый зверь потянул свой след. И вскоре он увидел за рекою, на заснеженной мари, живую черную копну, медленно движущуюся на юг, к темному ельнику у горизонта. Это был его сохатый. По тому, как он медленно уходил от опасности, эвенк заключил, что ранен зверь смертельно. Он заторопился: «Сын Басиль, наверно, уже пришел на табор. Не скажет ли он с умешкой:

Шел и думал о сохатом: «Зачем, на свою беду, ты так неосторожно ломал тальник, оставляя такие после себя следы, ведь они свели мою судьбу с твою. Теперь мы идем одной тропою, будто связанные длинным ремнем. И возле нас близко смерть. Кого-то из двоих она скоро схватит за горло. Ты можешь рассчитывать только на себя. И я тоже. У тебя рана, у меня старость. Тебе надо уйти, а мне догнать тебя. Нам обоим одинаково трудно...»

Старики вдруг почувствовал тяжесть и боль в своих усталых ногах. Остановился в нерешительности. «Хорошо, если до темноты догою, возле убитого зверя ночевать легко, приятно, а если добычу упрячет от меня ночь? Однако лучше вернуться на табор, а завтра утром выйти в погоню со свежими силами, никуда зверь не уйдет от своего следа». Улукиткан готов был уже повернуть лыжи, но снова задумался: «Сын Басиль, наверно, уже пришел на табор. Не скажет ли он с умешкой:

стар ты, отец, не охотиться тебе больше, если бросаешь в тайге раненого зверя?..» Старик колебался. Склонившись грудью на посох, он смотрел, как уходила от него добыча. И чувствовал, что у него сегодня уже нет сил гнаться за нею. Издалека с заречной стороны до него донесся вой — то растеклась по равнине голодная волчья песня. Улукиткан увидел, как сохатый, засыпав волка, шарахнулся в сторону, побежал немножко, остановился, опустил рога к земле, охваченный предчувствием новой опасности, готовый обороняться. «Ишь, как скоро учаял, проклятый хищник! Но нет, не дам тебе поживиться», — подумал Улукиткан о волке и решительно повернул лыжи на Аргу. Мясо зверя, пораненного волком, считалось непригодным в пищу, такой таежный закон. Не дать волку опакостить добычу — это было теперь для старика главным.

Перебежав по льду реку, Улукиткан выбрался на марь. Последние лучи закатного солнца косо пересекали снежную белизну. На ней черным пятном маячил сохатый, он с трудом вышагивал по кочкам все в том же направлении — к ельнику. Иногда останавливался, поворачивал голову в сторону, откуда донесся вой, и надолго застыпал на месте в тревожном ожидании. Страх перед хищником, видимо, на какое-то время оттеснил опасность, которую он чуял позади от шедшего по его следу человека.

Улукиткан снял лыжи, поставил их торчком в снег, чтобы на обратном пути было легче их найти. На маре на них далеко не уйдешь. Не выпуская из виду сохатого, он зашагал быстрее. Кочки, иногда высотою до пояса, очень затрудняли путь. Но мысли о волке заставляли Улукиткана торопиться. И хотя он понимал, что не в его годы состязаться с быстроногим и злобным хищником, все же решил не отступаться от своей добычи.

Сохатый стал чаще останавливаться. Видимо, его покидали силы. Может быть, так и дognал бы его старик, но послышался сновавой голодного волка, и лесной великан вскочил, охваченный страхом, он спешил скрыться в лесу, но ноги у него уже подламывались, рана болела и кровоточила, и только врожденная чудовищная выносливость толкала сохатого вперед.

Проклятые кочки вконец измотали и силы старика. Когда раненый зверь останавливался, останавливался и старик. Опираясь жилистыми руками на посох, он отдыхал. Казалось, между ним и сохатым установилось какое-то равновесие в движении и во времени. Но зверь шел все медленнее, и это обнадеживало охотника. Он рассчитал, что до темноты ему удастся приблизиться к сохатому на выстрел и тогда кончатся страдания и зверя и его собственные.

Волк был где-то совсем близко. Улукиткан, напрягая последние силы, подбирался к раненому сохатому, ползком,

хватаясь руками за кочки. Сохатый, почувствовав его приближение, повернулся к охотнику, сделал два огромных прыжка в его сторону и замер, пораженный близостью человека. Но не побежал. Вечный страх перед ним уступил чему-то другому, более сильному.

Улукиткан поднялся с земли. И вот зверь и охотник стояли открыто друг против друга. Оба обессилившие, но полные решимости. Старику надо было пройти еще шагов тридцать, чтобы стрелять наеверняка. Но его ноги не в состоянии были сдвинуться с места. А облаз был слишком велик — гора мяса, огромная шкура. И он встал, опираясь на бердану. Сохатый фыркнул, переместил все четыре ноги на шаг вперед, но удержался, не упал и медленно двинулся навстречу эвенку. Вооруженная тяжелыми рогами, с выброшенными вперед острыми надбровными бивнями, голова зверя была низко опущена. Улукиткан знал, как опасен раненый сохатый.

Не мешкая, он перезарядил бердану единственным оказавшимся при нем большим зарядом. В это время на том месте, где стоял раненый зверь, поднялся огромный столб снежной пыли, сквозь которую замелькали взмахи рогов вздыбленного зверя, послышались храл и стон, ударами сильных ног сохатый рушил мерзлые кочки, разбрасывая далеко от себя мерзлую черную землю.

Эвенк невольно вскинул бердану. Справа от головы сохатого он увидел серую тень волка. Это был матерый бирюк — одиничка. Голод заставил его в одиночку напасть и начать схватку с сохатым, возможно, волк понял, что его могучий противник ранен. Затяжным прыжком он хотел схватить сохатого за горло, но промахнулся и лишь на какой-нибудь волосок увернулся от смертельного удара передних копыт сохатого. Волк быстро оправился, еще больше рассвирепел. Он-то знает, как брать такую крупную добычу, только бы вцепиться сохатому в горло, тогда достаточно одного сильного рывка — и жертва захлебнется собственной кровью. Но горло оказалось под охраной острых рогов и сильных ног, способных одним ударом пересечь пополам любого хищника.

Волк вдруг переменил тактику, решил взять зверя сзади. В лесу бы сохатый прижался задом к высокому

толстой лесине и ничего бы ему не сделала даже стая волков, а тут, на открытой маре, он был беззащитен. Он разгадал маневр хищника, мгновенно повернулся к волку.

Улукиткан видел, что сохатый, отбиваясь от разъяренного волка, пытается задом к нему, все ближе и ближе. «Еще немного — и пальму». Старик приподнял ствол берданы вверх, прижал ложу к щеке и внезапно понял: зверь, дверчиво отступая в его сторону, как бы ищет у него защиты. И он опустил ружье... В это время сохатый приподнялся на задних ногах и в следующее мгновение обрушился всей своей огромной тушей на волка. Тот отскочил, но, удавившись о кочку, упал и тут же был насажен на острые рога лесного великана. Сохатый поднял волка высоко, как бы показывая невидимым врагам, на что он еще способен, и тут же сам со стоном рухнул на землю.

Волку стоило огромных усилий сойти с рогов. Он снова накинулся было на сохатого, но силы его иссякли. Хищник стал кататься, хватая зубастой пастью снег, и пополз прочь, оставляя на маре кровавый след.

Улукиткан встал, направился к сохатому, шел не таясь, держа наготове бердану. Хотел подойти поближе и наеверняка покончить с сохатым: «Неправда, что счастье откачнулось от меня. Это ли не фарт!»

Сохатый увидел приближающегося человека, с трудом приподнял перед, потом зад. Встал. Еле удерживаясь на ломких ногах, шагнул навстречу охотнику. В его движениях, позе, в том, как он держал гордо приподнятую голову, не было страха. Большие круглые глаза, в которых пытал засакать, смотрели на эвенка печально, беззлобно. В них было столько мольбы, столько жажды жизни! Старик не выдержал, опустился руки. Он хотел отвернуться, чтобы не видеть этих грустных, совсем человеческих, осмысленных глаз, но не мог. И стрелять не мог. Взгляд зверя перевернулся всю душу Улукиткана...

Себя не узнал — отступил от добычи. Возвращался к Арге своим следом. Нес в голове тяжелый, необычный для охотника груз — жалость. «Это она заставила уйти от сохатого. Видать, не промышлять мне больше зверя».

Спустившись к реке, эвенк прибавил шагу. Лыжи легко скользили по гладкому льду. До этого он вроде не заме-

чал старости, старался не касаться, отгораживался от нее, не признавал ее, видел у других, не у себя. И вот она пришла к нему как бы неожиданно, без примет, не предсказанная сном, в первый, долгожданный день охоты. Пришла окончательно, властная, неуступчивая. «Стар я, что и говорить, добыча бежит от меня, как птица от пожара».

Он почувствовал ноющую боль в спине. Ноги дрожали, подламывались. Немая слабость растеклась по всему телу. Удары сердца тяжело отдавались в голове. Только бы не свалиться, добраться до табора. Пустая котомка вдруг стала тяжестью.

На холодных плачах скопой земли дрогнул кровавый закат. В этот короткий час, между светом и тьмой, когда в сумерках снежная белизна сливается с тьмой, смолкает робкий щебет синиц, исчезает ветерок и воздух становится необыкновенно чутким, как в летнем зное паутина.

Табор пустовал. Басиль еще не приехал. Улукиткан ждал его позднее. «Как кстати сейчас была печенка и отварное жирное мясо!»

Старик не стал устраивать ночлег, ушел искать оленей. Да разве их сразу найдешь! «Глупая порода, на месте не кормятся, от ягелябегут, чего ищут — не знают», — досадовал старик. Одногодового только и нашел, привел к табору.

Но на этом не закончился день. Надо было принести и наколоть дров, натянуть воды, сварить ужин. Много дел, пока обретешь сон.

Поздно прибежал Пакет. Принес длинный язык да отяжелевший хвост. Ему было не до еды! Примостившись между корней старой лиственницы, собака долго зализывала натруженные

подошвы лап.

Из мутной бездны горизонта шла беспрокойная ночь. Тьма накрыла табор. За Аргою, где потухло солнце, небо слилось с землею. Загудел ветер. Он шел с Охотского моря, сковывал стужею поверженные горы, реки и запорошенную снегом тайгу. Старику казалось, ветер разбудил шаманов и пошёл куролесить по зейским просторам с бубнами да со свистом. Закружились над стоянкой хрупкие пушинки снега, они падали на землю, но порывы ветра подхватывали их и в дикой пляске гнали дальше в кромешную тьму.

Снизу донесся крик ночной птицы, короткий и печальный.

Ослепленный мраком, старик долго стоял, тревожно прислушиваясь к лесному шуму, ждал, не донесется ли с Арги знакомый перезвон бубенцов на шеях оленя Басиля.

Продрогший, вернулся в палатку. В печке весело гудело пламя.

Старик страшно устал. Устал, может быть, больше от неудач, чем от долгой ходьбы по тайге и хлопот на таборе. В его ли годы такая нагрузка! Нож валился из рук, веки смыкались, хоть подпорки ставь! «А дождаться Басиля надо. Сын приедет, надо выйти помочь ему разгрузить нарты».

Улукиткан разбросал по притоптанному снегу еловый лапник для сына, заботливо ощупал его — не будет ли жестко спать. Кое-как, на четвереньках добрался до своего места и присел, не раздеваясь. «Басиль приедет — пожинаем вместе, и тогда заберусь в спальный мешок».

Мысли сменяли одна другую. Каким долгим был его путь на земле! Вспомнились тропы. Они на всю жизнь врезались в память. Все прошлое пере-

плетено ими. То он видел их торными, то в болотах топкими, зыбкими, еле приметными глазу, то взбирающимися по камню на крутизну. Тропы никогда не останавливались на месте, они шли, бежали — и тащили его за собою. Никто не знает, в каких далеких краях эти таежные тропы начинаются и где кончаются. И кто знает, что хранят в своей молчаливой памяти эти черные борозды, секущие лесное пространство вдоль и поперек? Кому поведают они тайны брошенных на их пути огнищ, захоронений, каменных курганов?

В палатке аромат разнеженной теплом хвои. Улукиткан нет-нет да и прослушивается к гудящим порывам ветра. Жалеет, что с вечера не наколол еловых плах, правнуку лыжи обещал сделать, вот и вытесал бы их теперь, дожидаясь Басиля: «Эко, не догадался!»

Одиночество никогда не было Улукиткану тягостным. В одиноких скитаниях по тайге и горам он прожил большую часть своих дней. А теперь его жизнь совсем сузилась, и он живет наедине со своими думами. Все чаще мыслью он обращается к прошлому. Он просеивает это прошлое через жителейскую мудрость, судит себя самого... В печке весело потрескивали лиственничные дрова. Спать. Улукиткану совсем не хотелось. Верно, что к старости сон сменяют думы. На этот раз вспомнился ему давнишний случай. Улукиткан хранил его в своей памяти со всеми подробностями, но никогда не пытался переосмыслить ход давно ушедших событий. Эти воспоминания утели старого эвенка далеко от Арги, от его последнего табора, в далекое прошлое, в другие времена.

Улукиткан увидел себя молодым...

Рисунки Б. Игнатьева

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке — гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 64-94-27, факс 64-03-22

E-mail: Snab@brush.kirov.ru

Дорогие читатели, друзья!

Подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство» продолжается!

Индекс 70673 по каталогу Роспечати

По следу снежного барса

Владимир ХРУСТАЛЕВ . Ущелье Шамси, Республика Кыргызстан

Никто из нас не гарантирован от «зебры». Иной раз заступишь в черную полосу — ни вздохнуть, ни охнуть. Настрой минорный, безрадостный, эмоции гнетущие, надсадные. Кажется, полная безысходность. В таких случаях я прибегаю к собственной «психотерапии». Мысленно перемещаюсь, например, в отроги Сары-Кунгяя, где мой добрый друг Василий Николаевич Смолин пленил рекордного — пятьдесят пятого снежного барса для научных целей. Замечу особо: после того, как лишился на крутом горном повороте из-за встречного грузовика левой ноги. Одноногий барсов не только подтвердил свой класс, но и покорил заоблачные высоты, да и саму немощь человеческую. И как-то сами собой уходят в небытие кажущиеся отныне мелкими и никчемными твои беды. И просветляется что-то внутри. И разливается в жилах кипенное ощущение оптимизма и радостного восприятия жизни.

Пленить «пятьдесят пятого»...

Уже месяц изо дня в день выходит Смолин на свой наблюдательный пункт — плотно притоптанный пятак горного склона и, присев на замшелый валун, подолгу прощупывает с помощью бинокля ломаные контуры заснеженных хребтов. Сначала ближнего, потом дальнего. Ему одному ведомы вешки, по которым Василий Николае-

вич определяет, был ли у ловушек снежный барс. И тяжело припадая на протез, возвращается к своей охотниччьей избушке. По тому, как сумрачно кустятся его выцветшие брови, как молчаливо и сосредоточено заталкивает он сигарету в длинныйmundштук, сын Василий понимает: пустой и этот день.

Одно время даже сомнение закралось: а может, фортуна отвернулась от него? Хватит, дескать, Смолин, наигрался, натешился. Свое ты взял сполна. А теперь ищи фарт в других делах. И впрямь, сколько впустую времени потратили в ущелье Ак-Суу, а результат? Кругом следы, в ловушку же, хоть лопни, зверь иди не хочет. Видно, учений барс в этом ущелье.

А здесь, в распадке Шамси, где родился и вырос Смолин, любовать стал зверь. Средь бела дня являться стал. Да и то сказать, не пуган он здесь никем. Воля ему вольная. Козерогов развелось, что в отарах овец. Так мало ему излюбленного лакомства, промышлять стал и на сыртах. Чабаны жаловались: на Туюке порвал барс двух яков, а на Акташе — баранов. Вот и перебазировался Смолин в родное ущелье.

Поспешать надо с «пятьдесят пятым». Он нужен Василию Николаевичу не для рекордного счета, хотя столько барсов не отловил ни один охотник планеты. «Пятьдесят пятый» — это возрождение самого Смолина. Да-да, возьмет он дикого зверя где-нибудь в

сверкающей снегами седловине Джала-Нача, сам впервые за последние годы поднявшись туда на протезе и самолично спустив добычу на волокушу вниз. Этим трофеем и докажет, что снова в строю, несмотря на приключившееся с ним пять лет назад несчастье.

Страшен зверь в порыве ярости...

Едва кинув взор на Сары-Кунгей, что по-киргизски означает желтый солнцепек, Смолин понял: быть ведренному дню. «Гора-колдун» называют еще в ущелье Шамси эту вершину. Если поутру сгустится вокруг нее сизоватая плотная вуаль тумана — жди ненастия. Зимой — обильного снега, летом — сыпучна-дождя. Но если плавится Сары-Кунгей в лучах зоревого солнца, если купаются его ледники в бездонной купели неба, смело ступай на охотничью тропу.

Перевел Смолин взор свой сначала на ближний хребет, потом на дальний. И дрогнул в руках бинокль. Не мираж ли? «Потаска», как зовет он жердинметину, не видать. Не поверил глазам своим, передал бинокль сыну. Но и тот не обнаружил «потаска».

Три часа подъема по крутогору из каждого способны вытряхнуть душу. И если я в минуты передышки распластываюсь на осыпи, как затравленный зверь, Смолин досадует: не взял еще

Вот он, красавец!

своего темпа, хотя и гонит по каменным осыпям, как горный архар. Оглянется, будто огнем опалил: горят, полыхают глаза нетерпением.

«Потаск» долго искать не пришлось. Виден след на промоине, куда тащил за собой жердину попавший в ловушку зверь. Метрах в десяти и запутался трюсик в кустах краснотала. Вот он, красавец! Уж повидал их Смолин на своем веку довольно, но каждая новая встреча — в диковинку. Сказочно хороши и величествен этот зверь! Литая фигура в роскошном — ворсинка к ворсинке — длинном густом меху, с белой опушью под брюхом. Уши навострины, усы вздернуты, клыки в хищном оскале. На лбу, как у леопарда, множество мелких пятен. Расходятся радугой. И на бока переползают, только квадратные, темные. А глаза-то, глаза как ярятся, исходят зеленым свечением!

Шагнул ближе охотник — пригнулся уши хищник. Зрачки расширились. Налились они теменем, будто набрякая туча перед грозовым дождем. Цепко следит зверь за каждым движением Смолина. Он хоть и пытается слиться с красноталом, вдавившись в бурый каменишник, а сам, как стальная пружина, взведен для броска. И когти, упрятанные в подушечки лап, в любую минуту могут пройтись по живому, как лезвиям бритвы. Страшен зверь в порыве отчаяния!

И вот первая попытка заарканить барса. Слышу его шипение и грозное «Яу!». Не раз наблюдал охотник бросок этой огромной «кошки» с утеса на пробегавшего у подножия козерога. Раздается леденящее кровь «Яу!» — и красавец-козерог будто парализован. Его ноги уже не бегут, а катятся, как на лыжах. И в этот миг в воздухе пролетает «дикая кошка» и, ухватив за шею бедное животное, бросает его на землю. Ловок зверь. Да я и сам видел, как барс буквально «перетекает» через вертикальные уступы в седловинах, охотясь за самым первым своим лакомством — козерогом.

Как искусный дрессировщик, Смолин отвлекает зверя палкой. Тот вскакивает и молниеносно, оглашая отроги жутким рыком, бьет лапой по палке. От пронзительного «Яу!» цепенеют конечности ног и рук. А Смолин как? Не страшит его пронзительный звериный рык? Признался, как на духу: как бы ни готовился к нему, а все врасплох застает. Кровь в жилах стынет, озаболяет до самых нутряных клеток. Но не может, не имеет права барсоволов подчиниться внутренней дрожи. В этот миг нужно набросить «лассо» на взметнувшуюся лапу так, чтобы охватило оно зверя через голову и шею, как наградная лента, иначе нельзя — сгубишь барса, затянется он в петле.

Хотя и взмок в этот критический миг Смолин, но заарканить успел. Оставленное было делом техники: как ни упирался снежный барс, а иди в клетку ему пришлось. Под умиротворенный приговор охотника: «Успокойся, барсиша, будь умницей. Зла тебе не причиню...».

Смотрю на поджарую, а точнее — тщедушную фигуру Смолина и недоумеваю: ничего выдающегося. Ни ростом, ни осанкой, ни бицепсами не вышел. Всклокоченный ершик почти рыжих от ярого солнца в горах волос, бороденка и усы будто приклеены: ни дать, ни взять — сельский дьячок из глубинки. Сухопар и жилист. А может, для гор не мощь важна, а смолинская «легкокрылость»? И еще обезоруживает его доброе лицо с глубоко посаженными, чуточку наивными серыми глазами. Охотничий промысел не ожесточил его сердце. Предпочитает охотиться без ружья: выслеживает зверя, изучает его повадки и с помощью хитроумных, собственной конструкции, ловушек пленяет его.

Смолин читает следы барса, как увлекательную книгу. Бывало, начальник зообазы навестит следопыта и, пройдя звериным чернотропом, воскликнет: «Ну чистый колдун ты, Василий Николаевич!» А тот добродушно усмехнется в рыжую бороду: «Вот, смотри на эти «нагребки» — интересней книги не сущиши. Все в ней прочтешь: когда и какой барс проходил, самец или самка, когда снова вернется... «Нагребки» — это метины зверя, очертившего границы своих владений. Прошел, «отметился» и нагреб на эту мету лапой снега, травы да земли. По рисунку «затесин» видно: крупен или мелок коготь. Возраст, стало быть, определить можно. Пару месиц назад «отметился» — жди визита вновь. Вот и все колдовство».

Смолин и от капканов отказался. Что за радость брать покалеченного зверя? А ведь сдавали иные охотники и со сломанными лапами, и с вывернутыми суставами, и с оторванными когтями. Смолин сдается без ущербинки. Ловушки продуманы с такой тщательностью, что захлестывает в петлю лапу, а чаще костишки с когтями так нежно, что ни испуга, ни травмы. Но и не вывернешься, как ни стараися, из ловушки смолинской конструкции.

«Беспременно побегу»...

Изготовились для спуска. И только тут я понял: не самое сложное — взойти в гору, куда труднее — спуститься с нее. Да еще не одному, а с живым грузом в 70 килограммов весом. Думал, призовет Смолин-старший на помощь сына, хоть он тоже не выдался ростом да плечом супротив отца, но такой же ухватистый и жилистый. И без того сил потрачено немало. А главное — отловил-таки пятьдесят пятого по счету барса. Кто упрекнет в том, что передал сплавлять вниз этот бесценный груз полному сил кряжистому сыну? Но нет, для Смолина-старшего Джала-Нача был не просто местом подъема и спуска, поединка с «пятьдесят пятим», он был единой линией восхождения. Линией преодоления себя, собственной немоши и страданий, возраста. Как-никак 60 годков стукнуло. Но чувствует-то он себя на сорок.

А ведь был момент, что и свет бе-

лый был ему не мил. Когда, лежа в хирургической палате, думал, что встреча машина на горном вираже не ногу отхватила, а жизнь его нагло «зашторила». Трагедия для любого, тем более для охотника. «Что я теперь, куда годен?» — метался он в больничной койке.

Думал — таить нечего — до первого утеса добраться и вниз головой. Но это стремление к концу и помогло увидеть спасительное начало. К пропасти путь не близок. Сладив гроботесанный протез, одолевал за день 50—100 метров. Потом 200, 300. Пока не понял: дошел! На протезе дошел! Этак и малая гора покорится. Взошел на нее — поманили снежные вершины. Нет, рано укорот своей жизни искать... Еще повоюем!

Но охотник на костилях? Слыхано ли дело? «Будешь инструктором, — сказали на зообазе, — учи других своему искусству». Секретов от других Смолин никогда не таил, но и за спину чьи-то прятаться не в правилах следопыта. «Нет и нет!» — взбунтовался всем существом своим. Если ты охотник, если твой хлеб — отловленный для науки зверь, то и к черной, изнуряющей работе будь готов каждодневно. Козерога, к примеру, не только в полон надо взять, но и спустить в долину целехонского. А в нем до центнера весу, причем резвого, отчаянного. Костиля тут явно не годятся. Палкой обходить нужно да протезом.

Но ведь и на асфальте протез — не подарок. А горы? Где каждый метр — новая нагрузка, новое преодоление. «Спасение в тренировках», — смекнул Смолин. И ходил он в горы просто так, для «натира музолей». И днями мучил тело свое. Не выдерживали рубцы на культе — делал примочки из мумие — благо, сам заготовлял этот «горный бальзам» и очищал от породы. А если иссякала воля, брал палку и гнал сам себя на горную тропу. Там твое исцеление, следопыт! Там твое могущество!

Я пробовал пройти горными тропами, не отставая от Смолина, — пустая затея. Легко прыгал он по извирам, одолевал осыпи, поднимался по уступам. Ни пота я не видел на его лице, ни напряжения. Лишь всепоглощающий спортивный азарт. Вниз спускаться — Смолин фору любому даст. Я три шага делаю, он — один скачок. Не спускается — парит.

Когда «пятьдесят пятый» был уже в вольере, сел Смолин рядышком на брезент и закурил свою длинную, с мундштуком, сигарету. Хотел было я почувствовать ему — устал, небось, умаялся, а он рассказал увиденный накануне сон:

— И мнится мне, будто бегу я в гору во весь дух. Ни себя, ни земли под собой не чую. Будто лечу, как на крыльях. И тут просыпаюсь некстати: хват за ногу — пустота. Не растут у людей, как у ящериц хвосты, ноги. Но ведь и без них человек остается человеком. Может летать, передвигаться. И даже одолевать горы. Бог даст, и наяву побегу. Беспременно побегу...

Внутри ограды — только убийство

Мнениям о том, спортивна ли охота на огороженной территории, несть числа. Кто-то упирает на размеры «вольеров», кто-то обуславливает «спортивность» видом животного, кто-то ставит во главу угла трудность преследования дичи в густых зарослях, а кто-то вообще не задаётся таким вопросом. В таких случаях всегда полезно выслушать мнения людей, профессионально занимающихся охотой и разведением диких животных... и согласиться, или не согласиться с ними. Вот взгляд на эту проблему двух суперпрофессионалов своего дела — Крейга Боддингтона и Джона Траута младшего.

Крейг Боддингтон, профессиональный охотник, писатель и эксперт охотничьего оружия, родился и вырос в Канзасе. Его первые охоты на крупную дичь (вилорогов и чернохвостых оленей в Вайоминге, белохвостых и чернохвостых оленей в Канзасе и чернохвостых оленей в Колорадо) относятся к середине шестидесятых годов двадцатого века. На сегодняшний день легче перечислить страны, в которых он не охотился. Звук выстрела его винтовки слышали на всех континентах Земли. Только в Северной Америке Боддингтон охотился в двадцати девяти штатах США, в семи провинциях Ка-

нады и в пяти мексиканских штатах. Семьдесят пять африканских сафари в двенадцати странах Чёрного континента изрядно пополнили его трофейную коллекцию, в которой, на сегодня, уже более ста видов африканской крупной дичи и более двухсот видов животных со всего мира. Он опубликовал двадцать одну книгу об охоте на крупную дичь в различных уголках земного шара и более 4000 статей в охотничьих и оружейных журналах.

Джон Траут младший, уроженец Иллинойса, — один из ведущих североамериканских охотников-лучников и экспертов по преследованию и добору раненых белохвостых оленей. Известный писатель и фотограф. И в охоте, и в писательском труде Траут специализируется на белохвостом олене, дикой индейке и американском чёрном медведе. Опубликовал на эту тему девять книг и более девяносто статей в специализированных изданиях. В течение пятнадцати лет содержал научно-исследовательскую ферму, где разводил, изучал и фотографировал белохвостых оленей.

И. ДОЛГОВ

Вы называете это охотой?

«Честное Преследование» заканчивается там, где начинается ограда

На сегодняшний день, в Северной Америке, есть масса возможностей для так называемой охоты в вольерах. Значительная часть этих «консервированных охот» проводится исключительно на белохвостых оленях. Специализирующиеся на таких «мероприятиях» хозяйства, как правило, запрашивают за трофей высокую цену, которая, в свою очередь, зависит от суммарной оценки оленевых рогов. Количество охотничих вольеров за последние годы значительно выросло. Некоторые хозяйства просто разводят и выращивают в них белохвостых оленей для продажи, в то время как другие закупают оленей с единственной целью: представить своим клиентам возможность убивать их. Есть самые разные доводы, объясняющие, почему существуют дичные фермы и почему некоторые личности гоняются за белохвостыми оленями на огороженных площадках.

В охоте за высокими оградами нет ничего нового. Не секрет, что многие популярные видео- и телевизионные фильмы об охоте снимались именно там.

Нельзя сказать, что дичные фермы и огороженные хозяйства это всегда плохо. Охотничья индустрия испытывает на вольерных оленях ароматические приманки, учёное сообщество десятилетиями использует белохвостых оленей, живущих в вольерах, для важных научных исследований. Вольеры помогают фотографам запечатлеть нюансы поведения оленей. С глобальной точки зрения всё это хорошо. Но как насчёт самой охоты? У вас, возможно, уже сложилось мнение об охоте на вольерных оленей. Тем не менее, при обсуждении

Вапити — североамериканский подвид благородного оленя, ближайший родственник нашего марала

этой проблемы, есть над чем серьёзно поразмышлять.

Лично я против охоты в вольерах, но это не значит, что другие разделяют мое мнение. Я знаю нескольких профессиональных стафферов различных компаний, которые в погоне за личными достижениями удачно охотились в вольерах. Говорю об этом не ради осуждения кого-то из них, а просто констатирую факт. Однако я бы никогда не стал стрелять в вольерного оленя и утверждать, что это — достойная охота. Допускаю, что преследование быка бе-

лохвостого оленя на огороженном участке площадью в несколько сотен или даже в тысячу акров, может быть нелёгким делом. Однако, выяснив, как некоторые олени начинают свою жизнь в вольерах и каким образом там превращают оленей в огромных быков, я пришёл к выводу, что есть большая разница в преследовании вольерного оленя и дикого животного. Есть ещё и этический фактор. Совесть не позволяет мне стрелять по белохвостому оленю внутри загородки, будь она размером в сто акров или в две квадратных мили. Я

воспитан на принципах «честного преследования».

Что такое «Честное Преследование»?

Много лет охотники на оленей слышат выражение «честное преследование». В чём же отличие «честной» охоты от «нечестной»? Сначала давайте перечислим требования, которым должен отвечать ваш трофея быка белохвостого оленя, чтобы его зарегистрировали в соответствующем клубе в качестве рекорда. Естественно, он должен набрать определённую минимальную сумму баллов. Кроме того, клубы оговаривают, что животное должно быть добыто охотником легально, с соблюдением всех охотничьих законов, действующих в данном регионе. Также охотники должны соблюдать правила «честного преследования». Например, ваш трофея не зарегистрируют, если в момент добывания животное находилось в беспомощном состоянии: в западне, на льду или в глубоком снегу. Клубы не считают «честным преследованием» охоту с помощью моторизованных транспортных средств или с фонарём и использование при добывании животного транквилизаторов или ядов. Есть и много других правил. В кодексе «честного преследования» большинством клубов указано, что является неспортивным, в том числе, и, касающимся места, в котором добыт трофея. Например, правило Бун-и-Крокетт Клуба устанавливает, что нечестно «...охотиться на дичь, ограниченную искусственными ограждениями, в том числе, исключающими возможность побега». А Поуп-и-Янг Клуб формулирует аналогичное правило короче и по существу. Клуб не принимает к регистрации диких животных, «...которые содержатся внутри огороженных территорий, таких как дичные фермы и т.п.». Конечно, охотники имеют свое собственное мнение о честности преследования, когда дело доходит до преследования оленя внутри огороженной территории. Ну что ж, давайте учитывать в нашем обсуждении размер огороженного участка, на который выпускают оленей для охоты.

Тесные загоны и просторные ранчо

Большинство охотников с осуждением относятся к тем, кто стреляет оленей в вольерах. А как насчёт олений охоты на ранчо площадью в несколько сотен или тысяч акров? Это непременно сделает охоту более трудной и интересной? Некоторые утверждают, что, да, сделает. Впрочем, давайте рассмотрим механизм функционирования большого охотничьего ранчо.

Недавно мне попалось на глаза рекламное объявление об охоте на ранчо площадью в тысячи акров, пятьсот из которых занимал лес. Другая половина приходилась на поля, отведённые под сельхозкультуры. Несомненно, что там была создана превосходная среда обитания для белохвостых оленей, и весь-

ма возможно, что они так же неуловимы, как и их волные собратья. Только вот владельцы утверждали, что 300 быков на их ранчо имеют размеры от 125 до 200 дюймов (попробуйте-ка догадаться, достигли бы они таких размеров в дикой природе на той же площади?!). Дополнительно ферма ежедневно выкладывает на подкормочные площадки одну тонну кормов и это — очень существенная деталь племенной работы.

Многие ранчо предлагают охоту на больших огороженных площадях. У некоторых из них участки, заросшие дикой и густой растительностью, занимают не одну квадратную милю, но какое отношение всё это имеет к «честному преследованию», если специально подобранный для данных природных условий генотип и регулярная подкормка оленей резко увеличивает возможность обретения ими трофеиных статей? На одних ранчо заранее оговаривается, каких быков охотник может стрелять, на других идут дальше и выделяют охотнику проводника, который и показывает тому быка, пригодного для «жатвы».

Разведение белохвостых оленей — это большой бизнес. Я знаю это, потому что занимался им в течение последних пятнадцати лет. Я не выращивал оленей ради прибыли или для «консервированной охоты». У меня была научно-исследовательская ферма, на которой я изучал и фотографировал белохвостых оленей, ставших в конце концов совсем ручными, и среди них не было ни одного трофеиного быка с рекордными характеристикаами. Многие фермеры, разводящие оленей, занимаются этим по той же самой причине, по которой другие выращивают скот на животноводческих фермах: чтобы получить доход от продажи животных. Огромный бык в вольере покрывает много самок. Самки дают потомство и оленят продают тем, кто занимается организацией «консервированных охот» или же оставляют в стаде для дальнейшего воспроизведения, либо охоты. Каждый такой оленёнок имеет гены мегабыка. И чем больше бык, тем дороже оленята.

Аукционы животных проводятся один или два раза в год на многочисленных аукционных площадках. Некоторые из них специализируются на трофеиных белохвостых оленях и быках-производителях. Большой бык, конечно, может использоваться покупателем в качестве производителя, но обычно он более ценен, как трофеиный экземпляр, из-за размеров своих рогов. Один бизнесмен рассказывал мне, что он часто даже не успевает загнать проданного быка в вольер покупателя. Он утверждал, что был случай, когда «...один тип убил оленя, как только того выпустили из лошадиного трейлера, в котором его привезли на ферму». Видимо, товарищ очень хотел 180-дюймового быка и готов был заплатить деньги, дабы не тратить времени на охоту.

Стоимость выстрела по вольерному быку белохвостого оленя различна. Вы можете сами поискать в Интернете, но имейте в виду, что некоторые владель-

цы ранчо не назовут цифру, пока не поговорят с вами лично. Я слышал об одном «охотнике», который предлагал свой новый грузовой пикап, стоимостью в \$25 000 за право убить быка, размеры которого превышали двести дюймов.

Когда нет проблем с деньгами, некоторые предпочитают «охоту» с гарантированным результатом. В конце концов шансов увидеть рекордного быка в дикой природе не очень много. Но, всётаки, забудьте на минуточку о деньгах и задумайтесь о моральной стороне стрельбы по вольерному оленю. Можно ли назвать «диким» этого быка, в которого вы стреляете? И разве тот факт, что вы часами выжидали в засидке на дереве, даёт вам моральное право охотиться в вольере?

Говорите, они дикие?

Давайте вернёмся к оленятам. Владельцы оленевых ранчо покупают оленят для будущей охоты и для разведения. Большая часть из них выкармливается искусственным путём. Оленят обычно оставляют с самкой на 36—48 часов, чтобы они гарантированно получили необходимое им молозиво. Потом они выкармливаются искусственным путём, людьми, и содержаться в загоне, где их постепенно отлучают от матери. Этот период обычно длится 90—100 дней. К тому времени, когда оленята полностью отлучены от матери, они уже предпочтитаю находиться в обществе человека, а не других оленей. Это очень хорошо помогает фермерам при выращивании оленят. Белохвостый олень — один из самых трудных для разведения видов. Если олени не выкармливались искусственным путём и не привыкли к людям, то беспокойство и страх от присутствия человека может привести, в определённых случаях, к ранам, а то и к смерти животного. Высокие цены на взрослых белохвостых оленей делают выкармливание оленят практичным и экономически выгодным делом. Транспортировка большого быка, который не выкармливается искусственным путём, опасна и для животного и для его владельца, так как полностью обездвижающие препараты применять нельзя. Транквилизаторы часто убивают оленей, слишком сильно замедляя сердечный ритм. Поэтому используют малые дозы седативных препаратов и работают с оленями, пока те, после инъекции, ещё спокойны и пребывают в некотором оцепенении.

Большинство оленей в угодьях для «консервированных охот» были приобретены для этих целей ещё оленятами. Конечно, есть и такие, которые родились в угодьях и были выкармлены практически одомашненными самками, но они никогда не будут обладать диким нравом свободно живущих оленей.

Я знаю фермера, который разводит оленей в вольере площадью 200 акров и скоро начнёт принимать клиентов, желающих поохотиться в сильно пересечённой, холмистой местности. Он

заселял свои угодья качественными белохвостыми оленями в течение нескольких лет и теперь ожидает, что вложенные деньги вернутся сторицей. К сожалению, есть одна проблема. Каждый вечер на огромный задний двор его усадьбы приходят покормиться множество оленей. Они не обращают никакого внимания ни на самого фермера, ни на других людей. Он пытался отвадить их с помощью взрывпакетов. Взрывы сначала пугали некоторых оленей, и они отбегали, правда, недалеко. Впрочем, олени быстро привыкли и сейчас лишь немного вздрагивают при взрывах.

Заключение

Причины разрастания «консервированных охот» более или менее очевидны. Давайте рассмотрим урон, который этот процесс наносит настоящей охоте. С каждым днём увеличиваются площади, огороженные забором. Растёт число договоров аренды земли, закрывая для многих охотников те частные земли, охота на которых была ещё не-

давно доступной. Охотничьи угодья обшего пользования теперь часто переполнены, что отнюдь не способствует приятной охоте.

Многое в моей статье, вероятно, не всем придётся по вкусу. Некоторые, при этом, будут утверждать, что охота за заборами приносит экономическую пользу охоте в целом. Как бы то ни было, я просто представил факты того, что происходит за многими высокими заборами. Учитывая иную точку зрения на такую охоту, я соглашусь, что преследование некоторых больших быков никогда не будет лёгким делом, даже в ограде. Также верно и то, что какой-нибудь трофеиной белохвостый олень, добытый в маленьком загоне, может быть вполне «трудовым» и честно заработанным.

Однако я не могу отрицать факты. Олений покупают для племенного разведения и выпуска в вольеры для охоты. Олени часто получают в вольерах дополнительный корм. Сам процесс охоты контролируется для того, чтобы охотник мог убить конкретного трофея-

ного быка. Некоторые вольерные олени практически не боятся людей. И в конце, по традиции, два неопровергимых гольфах факта:

1. Для успеха в вольере не требуется оттаскивать своё охотниче мастерство.

2. Успех в вольере гарантирован, и степень успеха определяется только количеством денег.

Подведём итоги? Вы охотитесь, если вы состязаетесь с оленем один на один, при наличии неконтролируемых факторов и вне ограды. Внутри неё нет никакой охоты. Там только убийства. Я надеюсь, что будущее охоты на белохвостых оленей не подвластно оградам. Потому что, сама по себе, идея убийства животного ради «спорта» или удовлетворения собственного эго, порочна.

Джон Траут младший — охотник-лучник, писатель и фотограф. Автор многочисленных книг о белохвостых оленах и охоте на них.

Перевод И. Долгова

Источник — John Trout Jr. «You call this hunting». «Deer & Deer Hunting» November 2003

Не огораживайте меня!

Старые песни о современной охоте с новым смыслом

Понятие, известное нам, как «честное преследование», нечто большее, чем просто название журнала. Это — основной принцип Бун-и-Крокетт Клуба (Boone & Crockett Club), клуба, по праву претендующего на то, чтобы называться одним из главных создателей «этических принципов» охоты в том виде, в каком они известны в Америке. Сегодня Бун-и-Крокетт Клуб играет серьёзную роль хранителя и защитника охотничьей этики. Внутри Клуба наша книга «Рекордная крупная дичь Северной Америки» вообще-то не рассматривается как самое важное направление работы, хотя, без сомнения, внешне это наиболее яркий, узнаваемый и известный символ Бун-и-Крокетт Клуба. Поэтому для клубного Комитета по рекордам чрезвычайно важно вести списки рекордных трофеев и наград настолько добросовестно и точно, насколько это возможно. (У Бун-и-Крокетт Клуба есть две конкурсные программы оценки трофеев — Наградная и Рекордная. Раз в три года публикуются книги со списками трофеев, вошедших в Наградную программу — «Трофеи, получившие награду Бун-и-Крокетт Клуба», и раз в шесть лет выходит подробный отчёт о трофеях, вошедших в Рекордную программу — «Рекордная крупная дичь Северной Америки».) Это не так-то легко сделать, поэтому результат не всегда безупречен. Иногда задним числом обнаруживается, что некий трофей должен был быть оценен иначе, или, хуже того, что на момент регистрации многое виделось в ложном свете. Со временем также может выясниться, что отсутствуют необходимые номи-

нации трофеев. Так, за последние годы мы добавили несколько номинаций для разновидностей вапити. Есть теперь номинации и для нестандартных трофеев разновидностей чернохвостых оленей: олена Ситка и колумбийского оленя. Как видите, наша система регистрации рекордов находится в непрерывном рабочем процессе, когда по мере поступления новой информации Комитет по рекордам делает необходимые уточнения.

Одна из проблем, которую в последние годы постоянно пытается решить наш Комитет по рекордам, это коммерческое использование диких животных, находящихся в оградах. В некоторых случаях эта проблема решается для нас просто. Например, система рекордов Бун-и-Крокетт Клуба представляет собой сведённые в таблицы данные только по аборигенным, местным видам североамериканской крупной дичи. Неaborигенные виды диких животных не принимаются к рассмотрению Рекордной программой Клуба.

В разных местах раскиданы по североамериканской земле популяции вольно пасущихся диких копытных животных: аксиса (индийского оленя), пятнистого оленя, ланей, одичавших кабанов и коз, горных козлов, североафриканских гравистых баранов, евроазиатских северных оленей, муфлонов различного происхождения, их гибридов с домашними овцами и множество других. Нет никакого сомнения в том, что термин «честное преследование», в сочетании с законными и этическими методами охоты, можно применить ко всем вышеперечисленным видам. Я

добыл много диких кабанов, охотясь и около своего дома в центральной Калифорнии, и в Европе. Разницы практически нет. Я гонялся за гравистым бараном в горах Северной Африки и в горах западного Техаса. Большого различия в количестве пролитого пота не обнаружил. Но эти животные, независимо от того, добыты они на огороженной территории или нет, никогда не будут участвовать в рекордной или наградной программе Бун-и-Крокетт Клуба просто потому, что они неaborигенные для Северной Америки виды.

Проблема становится более запутанной, когда дело касается огораживания аборигенной крупной дичи. Опять же, на некоторые вопросы здесь ответить проще. Из-за огромной стоимости крупных особей престижных, с точки зрения трофеиной охоты, видов животных бурными темпами растёт индустрия дичного «ранчеводства». Наиболее частые объекты такой охоты — белохвостый олень и вапити как из-за наличия достаточного количества выращенных в неволе особей, так и благодаря спросу. Имейте в виду, вполне возможно, хозяин ранчо будет уверять, что вы получите сильные впечатления (а то и сильные «охотничьи» впечатления) от охоты на стадо в загоне. Возможны и «леденящие кровь» истории.

Каждый день какой-нибудь очень большой вапити или очень большой белохвостый олень дожидаются в тесном загоне какого-нибудь обладателя очень большой чековой книжки. Лично я не осуждаю бизнесменов: у нас свобода предпринимательства. Мои упрёки обращены к тем охотникам, которые

поддерживают этот бизнес. И общая наша вина состоит в том, что мы учредили такие премии за размеры оленьих и прочих рогов, что некоторые из нас забыли о спортивной сути охоты. Штат Монтана сделал решительный шаг, запретив охоту в оградах. Может быть это поступок будущего. Как бы то ни было, на сегодняшний день эта проблема не создаёт трудностей для Наградной программы Бун-и-Кроккет Клуба по той простой причине, что трофеи диких животных, включаемые в данную программу, должны быть добыты с помощью законных и этичных способов охоты в свободноживущих и самовоспроизведениях популяциях.

А вот сейчас у нас будет самый настоящий камень преткновения. Как насчёт аборигенных животных, образующих самовоспроизводящиеся популяции в естественной среде обитания, добытых законным способом с соблюдением этических норм... внутри непреродолимой для дичи ограды?! Это, в общем, не только американская проблема: ограждение диких животных в наше время — обычное дело для многих стран мира. В Южной Африке, например, последние 30 лет охота развивалась ударными темпами, и на данный момент там самая развитая сафари-индустрия на всём африканском континенте. Для землевладельцев огораживать дичь на своих землях экономически целесообразно в силу разных причин. Самая очевидная из них заключается в том, что дичь сама по себе имеет цену. Дикие животные за оградой — обычная картина для Южной Африки. Правда, ещё сохранились земли, на которых охотятся без оград, но подавляющее большинство территорий огорожено.

У этого явления есть и другие, не столь очевидные причины. В период освоения Южной Африки её охотничьи

ресурсы были основательно подорваны, что очень похоже на нашу собственную историю. Основное отличие от нас заключалось в том, что дичь на частных землях в Южной Африке была почти полностью приватизирована. Восстановление популяций большинства практически исчезнувших видов животных было сделано на средства владельцев земли в счёт будущей прибыли. Для её получения у южноафриканских землевладельцев сейчас есть четыре способа: продажа мяса диких животных, большая часть которого экспортится в Европу; отлов излишков диких животных с последующей их продажей через аукционы другим землевладельцам для племенного разведения; фотосафари и охотничьи сафари. Территории, на которых сохранились остатки популяций определённых видов антилоп, потребовали от землевладельцев колоссальных вложений денег и времени для восстановления поголовья диких животных до такого уровня, при котором любой из этих четырёх способов получения прибыли начал бы работать. И, в этом контексте, ограждение животных было средством защиты сделанных инвестиций.

Не так очевидна и ещё одна причина. В большинстве провинций Южной Африки существуют регламентированные законом сроки охотничьих сезонов, мало чем отличающиеся от наших, и слишком короткие, чтобы сделать охотничий бизнес жизнеспособным. Но при чудливый южноафриканский закон разрешает землевладельцам, должным образом огородившим дичь на своих землях, игнорировать сроки сезонов охоты и проводить её круглогодично, спрашивая дозволения только у погоды.

По южноафриканским законам, ограждение диких животных и практически круглогодичная охота на них внутри оград, имеет своей целью защи-

тить от неконтролируемой охоты неогороженных животных!

На поверку, принимая во внимание здешние особенности, южноафриканская охота практически не отличается от привычной нам. Некоторые частные ранчо так огромны, что охотник может никогда не увидеть ограду или вообще не узнать, что она существует. Другие, и таких большинство, всё-таки имеют площадь поменьше, но ведь южноафриканские антилопы тоже различны по своим повадкам. Бушбок, куду или ньяла могут весьма ловко ускользнуть от охотника в густых зарослях практически независимо от того, сколько акров земли эти заросли покрывают. Другие антилопы либо гораздо менее осторожны, либо предпочитают открытые пространства, либо то и другое сразу; охотится на них проще, вне зависимости от того, огорожен участок или нет.

Огораживание дичи такое же обычное дело и для Новой Зеландии. Ни один из нынешних представителей новозеландской крупной фауны не является аборигенным. В идеальном климате при отсутствии хищников отдельные виды размножились практически до уровня стихийного бедствия, и одно время политика правительства была направлена на их уничтожение. Особенно «пользовался спросом» благородный олень — охота с вертолётов подвела численность его популяции к роковой черте. На сегодняшний день в Новой Зеландии всё ещё доступна хорошая, «без заборов», горная охота на серну и тара, но большинство охот на рогатую дичь проходит на огороженных охотничьих ранчо. Охота внутри оград становятся всё более популярна и в Европе, да и не только в Европе: некоторые великолепные экземпляры аргентинского благородного оленя тоже добываются в таких угодьях.

Итак, мы видим, что в мире достаточно прецедентов охоты на огороженных территориях. Но ни один из них не создаёт проблем для Бун-и-Крокетт Клуба, поскольку в сферу наших интересов входит только исконно североамериканская крупная дичь. Сомнительные, с точки зрения кодекса «честного преследования», методы охоты, низводящие её до простого «сбора урожая» выращенных на фермах животных, мешают всё более урбанизирующемуся обществу по достоинству оценить охоту как один из видов активного отдыха, нанося тем самым удар по будущему охоты. И это очень тревожит Бун-и-Крокетт Клуб.

В настоящее время внимание Клуба сосредоточено на поддержании системы регистрации рекордов аборигенной крупной дичи там, где ответственность за дикую природу лежит на органах публичной власти, и обеспечении максимально чёткого и ясного соответствия этой системы принципам легальной и этичной охоты в духе «честного преследования».

Быстрое увеличение в последние годы числа охотничьих ранчо с огоро-

Белохвостый олень — популярнейший объект охоты в США

женной дичью поставило перед Комитетом по рекордам сложную проблему: как поступать с трофеями североамериканских диких животных, которые были добыты из вольно пасущихся в естественной среде обитания самовоспроизводящихся популяций, но внутри огороженной площади? Такая охота становится всё более и более обычным делом в Северной Америке, особенно в Техасе, где существуют программы штата, нацеленные на повышение уровня менеджмента популяций и среды обитания белохвостого оленя на частных землях. В определённом смысле, дикая природа превратилась в Техасе в товар для продажи или эксклюзивного пользования владельцем частной собственности. Это произошло по нескольким причинам. Так как в штате Техас около 98 % земель находятся в частной собственности, исторически сформировалась устойчивая традиция защиты этой собственности. В отличие от других штатов, дикая природа здесь уже давно имеет хозяйственную ценность; став взрослым, техасец обнаруживает, что, если он хочет охотиться, ему необходимо иметь собственную землю (на худой конец друзей или родственников, у которых она есть) или же вкладывать деньги в аренду такой земли. Техасцы любят своих белохвостых оленей и в умении управлять их качеством уже давно опередили всех. Правильное управление трофеевыми качествами белохвостых оленей на ранчо достигается менеджментом как среды обитания, так и численности популяции. Двумя важными методами создания здоровой среды обитания и регулирования численности стада являются охота и ограды. Ограда важна как для охраны оленей от внешнего воздействия, так и для удержания поголовья внутри неё. Если не все ваши соседи являются вашими единомышленниками или если вы не владеете огромной территорией, то путь к настоящему управлению качеством это огораживание своей земли.

Таким образом, мы имеем ситуацию, когда некоторые охотники и землевладельцы, и не только в Техасе, получают выдающихся белохвостых оленей (изредка вапити или представителей других видов), рога которых достойны включения в книгу рекордов Клуба. Они получили этих оленей честно, из самовоспроизводящихся популяций, в естественной природной среде, и они охотились на них законно и «этично». Единственная проблема в том, что многие из этих животных «родом» из огороженных территорий и, по правилам Клуба, не могут претендовать на включение в нашу Наградную программу. Естественно, что это раздражает многих охотников, поэтому дискуссии бывают долгими и горячими.

Что касается лично меня, то я, сделав полный круг, вернулся к исходной точке. Белохвостый олень — домосед, животное густых зарослей и перелесков, что обычно обуславливает очень

ограниченную домашнюю территорию. Если вам что-нибудь известно о белохвостом олене, то для вас не секрет, что в оптимальной для него среде обитания его местообитание ограничено довольно небольшой площадью; это, впрочем, не мешает ему ловко ускользать от охотников. Много лет назад, у моего знакомого фермера из Техаса был огромный ручной бык белохвостого оленя с нетипичными рогами, обитавший на поросшем густым кустарником участке, площадью едва ли больше пары акров. Фермер давно хотел показать мне этого быка и мы пришли взглянуть на него. Хм-м. А где олень? Озадачившись, мы обшарили участок целиком. Олена нет. Мой друг пришёл в ужас. Он был уверен — бык или сбежал, или его украли. Да нет, просто это был настоящий белохвостый олень. На следующий день он безмятежно стоял у ворот — с внутренней стороны.

Расширьте мысленно этот образ до размеров ранчо с огороженной для охоты площадью от нескольких сотен до первых тысяч акров, и станет ясно, что здесь нет никаких, заслуживающих внимания этических проблем, да и не может быть. Зная всё это и имея некоторый опыт охоты на ранчо в Южной Африке и в других странах в течение многих лет, я полагал, что должен быть какой-то способ «легализации» крупной дичи, добытой в таких условиях. Но, в конце концов, я вернулся к той простой мысли, что не существует способа признать легитимным включение в Наградную программу Бун-и-Крокетт Клуба крупной дичи, добытой на огороженных ранчо. И я приветствую твёрдость и решительность Комитета по рекордам в отстаивании очень сложной позиции: не допускать трофеи североамериканских крупных диких животных, добытых внутри ограды, в Наградную программу Бун-и-Крокетт Клуба в её привычном нам на сегодняшний день виде. Безус-

ловно, это явно несправедливо по отношению к охотникам и землевладельцам, которые потратили столько сил на менеджмент качества популяции и получили впечатляющие результаты, используя огораживание дичи просто в качестве одного из методов достижения цели. Но я по-прежнему поддерживаю решение Клуба, потому что, в конце концов, всё сводится к простым вопросам: как решить, сколько акров уже достаточно? Какие управленческие приёмы являются приемлемыми, а какие — нет... и кто это решает?

Ответы зависят от среды обитания, а также от площади местообитания животных; необходимо, чтобы их естественное защитное поведение позволяло им скрыться от преследования. В некоторых районах взрослый белохвостый олень может обеспечить себя всем необходимым на нескольких дюжинах или сотнях акров, но он не сможет этого сделать, если вы выпустите его на огороженную автомобильную стоянку площадью в несколько тысяч акров. Где провести черту? Кто её проведёт? Вы сможете придумать реальную формулу для определения необходимой площади в акрах, в зависимости от среды обитания? Вы сможете инспектировать и сертифицировать частные земли для обоснования своего, принятого в каждом конкретном случае, решения: соответствует охота на этих землях принципам «честного преследования» или нет?

Речь идёт не только о белохвостом олене. Эти правила касаются всей крупной дичи Северной Америки. Для естественного поведения и использования должным образом своих органов чувств и защитных инстинктов вапити требуется участок обитания, больший по площади, чем для белохвостого оленя; и каким образом вы сможете одновременно и огородить широко мигрирующих животных, таких, как карibu, и

Кабан — животное, которое наиболее часто разводят для выпуска в вольеры
Фото А. Севастьянова

обеспечить их естественное поведение внутри ограды? Заметьте, что Комитет по рекордам отнюдь не подразумевает, что великолепный белохвостый олень, добытый с соблюдением всех этических норм из самовоспроизводящейся популяции на большой по площади огороженной территории, представляет собой трофей менее значимый, чем такой же по размерам бык, добытый на неогороженной земле. Ни к чему открывать ящик Пандоры. Да, наша система рекордов — это несовершенный труд, но это — труд уже нескольких поколений и проводить границу между чёрным и белым очень непростая задача.

Говорят, что живущий в стеклянном доме не должен кидаться камнями. Лицо я не прихожу в ярость от оград и несколько раз хорошо поохотился на огороженной территории... и не только на других континентах, но и дома.

Громадный белохвостый олень, добытый законно, с соблюдением этических норм, из самовоспроизводящейся популяции в естественной среде — это супертрофей... который то ли примут к рассмотрению в Бун-и-Крокетт Клубе, то ли нет. На самом деле очень немногие из нас охотятся «ради книги рекордов»; это решение, которое каждый из нас, так или иначе, должен принять. Требования, предъявляемые клубной Наградной программой к трофеям крупной североамериканской дичи ясны и понятны, и, если вы охотитесь внутри ограды, то ваш трофей не будет принят к рассмотрению ни при каких обстоятельствах. Да, это не во всём справедливо, но в целом, я думаю, справедливо для охоты как спорта, потому что разрешить некоторым живот-

ным, искусственно изъятым из процесса размножения, конкурировать по трофеиным качествам с животными, участвующими в воспроизведении — нечестно. И ещё потому, конечно, что одни огороженные территории меньше других.

Решение, хотите ли вы охотиться внутри ограды или нет — это исключительно ваш личный выбор. Может быть, это двойная мораль, но у меня нет проблем с оградами там, где нет выбора. Например, в Южной Африке или при охоте на наших неабorigенных животных. Лицо у меня больше проблем возникает в связи с охотой на аборигенную крупную дичь с внешней стороны ограды. Отчасти потому, что здесь как раз выбор есть и, отчасти, из-за многочисленных злоупотреблений. Если вы решили поохотиться в ограде — я рад за вас, пока ваша охота законна и этична и вы отдаёте себе отчёт в том, что ваш трофей никогда не появится в книге Бун-и-Крокетт Клуба «**Рекордная крупная дичь Северной Америки**».

Я могу точно сказать, где и когда у меня появились проблемы с охотой на огороженной площади. Несколько лет назад я присутствовал в качестве гостя на охотничих соревнованиях. Я так полагаю, что хозяин хотел оказать мне любезность и поэтому выбрал для меня место, где я точно смог бы добыть великолепного белохвостого оленя. Было ещё темно, когда он оставил меня на засидке, подробно описав мне быка, которого я должен был увидеть. Я знал, что нахожусь на огороженной территории, так как по пути мы проходили через ворота, но это отнюдь не смягчило шок, который я испытал чуть позже. Когда рассвело, я обнаружил себя

внутри огороженного закутка, представляющего собой заросшие кустарником невысокие гряды, разделённые мелкими ложбинами, но всё это было совсем небольшим и, несомненно, никак не тянуло на честный поединок. Я думаю, что хозяин рано так до сих пор и не понял, как я за пару дней умудрился не увидеть быка. Предполагаю, что я не очень хороший охотник на оленей, но могу точно сказать, что тот бык, которого я так и «не увидел», был прекрасен!

Он был больше любого из тех белохвостых оленей, которых я добыл на то время. Но я не смог заставить себя наложить на спусковой крючок в тех обстоятельствах. Это был хороший урок, почти прозрение, потому что за прошедшие годы индустрия «дичеводства» в тех местах выросла невероятно, и теперь есть возможность охотиться на ранчо самого широкого диапазона: от больших, с площадью, достаточной для вольного выпаса популяций белохвостых оленей, до таких, охота на которых ненамного отличается от стрельбы по вальере. У меня были заманчивые приглашения, но я вежливо их отклонял, потому что лично для меня трофей, добытый на неогороженной территории, имеет гораздо большую ценность и приносит большее удовлетворение.

**Крейг Боддингтон,
профессиональный член Boone &
Crockett Club**

Перевод И.В. Долгова

Источник — Craig Boddington, B&C Professional Member. «Don't fence me in». «Fair Chase Spring 2003». Boone & Crockett Club.

О буре в стакане воды

Юрий ТУНДЫКОВ, г. Екатеринбург

В журнале «Охота и охотничьи хозяйство» за 2006 г. № 10 была опубликована моя статья «Что утратили и что хотели бы приобрести». По сути, она представляла собой отклики на опубликованные в том же издании (2006, № 2) статью И. Алёхина «ТОЗ-34: уход, эксплуатация, ремонт» и статью В. Гурова «Забытая классика» (о ружье ИЖ-54). Солидаризируясь с авторами, я дал высокую общую оценку той и другой модели, но вместе с тем высказал и некоторые критические замечания (в особенности относительно ТОЗ-34).

В апрельском номере журнала за текущий год появилась статья И. Алёхина «А я думаю иначе». В ней рассматривается довольно широкий круг вопросов, касающихся оружия и охотничьего обихода, но почти треть статьи по-

священа, опять-таки, оспориванию моих оценок ТОЗ-34. По прочтении у меня не оставалось никаких сомнений в том, что статья написана в первую очередь ради того, чтобы, как говорится, поставить на место меня (осмелившегося возражать Игорю Алёхину).

Теперь о главном. Доказали ли автор свою правоту и мою неправоту? Нет, не доказали. Не стану разбирать все спорные позиции (их несколько). Остановлюсь лишь на двух, наиболее предметных, сдерживающих.

Игорю Алёхину не нравится, что ощутимым недостатком ТОЗ-34 я считаю ненадежность боевых пружин, которые могут ослабевать и ломаться чаще, чем в других ружьях отечественного производства. А ведь Америка я не открыл. На этот недоста-

ток не раз указывали другие авторы. Вспоминаю: в советское время в городке при СУГРЭС (под Свердловском) жил и работал слесарь, который изготавливая для ТОЗ-34 оригинальные безотказные пружины полуспирального типа (с одним витком, как в булавке). Такими пружинами он снабдил всех местных владельцев ТОЗ-34. Обращались к нему и заказчики из Свердловска (я в том числе). Наконец, из недавнего сообщения В. Гурова знаем, что у модели ТОЗ-200, в которой использованы узлы и детали ТОЗ-34, боевые пружины иного типа — пластичные, одноперьевые, «что существенно повышает их надежность» («Охота и охотничьи хозяйство», 2009, № 4, с. 33).

Второе по значимости мое замечание относительно ТОЗ-34 звучало так: кнопка

предохранителя смонтирована на колодке таким образом, что при отводе назад она открывает выход снизу стяжного винта и может наталкиваться на этот винт при малейшем его выступе над поверхностью колодки (что нередко и происходит при подтягивании винта).

Игорь Алёхин думает «иначе»: «... не кнопка предохранителя «смонтирована» не очень удачно, а сам винт поставлен «наоборот» относительно «классического» его положения» (с. 22-23).

Принципиальной разницы между моей и «иной» (алёхинской) точкой зрения я здесь не усмотрел. Оба мы ведем речь о реальной конструкторской недоработке. Фактически спор в этом пункте не выходит за рамки известного вопроса: «Стрижена, иль бриата?»

Амурскому обществу – 45 лет

Амурское районное общество охотников и рыболовов отмечает в этом году 45-летний юбилей. По-разному складывались прошедшие годы. Особенно трудно приходилось в 90-е годы. Тогда общество потеряло охотбазу по р. Харпин в водно-болотных угодьях. В связи с обвалом экономики г. Амурска и оттока людей из города, более чем в 2,5 раза сократилось число членов общества охотников. Но несмотря на все финансовые трудности, общество не сгинуло, выстояло, а в настоящий момент динамично развивается. Сегодня Амурское районное общество охотников и рыболовов объединяет 1600 охотников. Ежегодно охотогоду посещают свыше 1800 охотников, большинство из них — в период охоты на водоплавающую и боровую дичь. Сезонная путевка, сравнительно к другим регионам, недорогая — 200 рублей на весеннюю охоту и 400 рублей на осеннюю охоту. Кроме этого существуют 50-процентные льготы пенсионерам по старости и охотникам, имеющим стаж охоты 25 лет, а участникам ВОВ путевки бесплатные. Ежегодно на промысел пушнины выходит 40—45 охотников-любителей, добывая пушнины на сумму от 1,5 до 2 миллионов рублей. Охотничьи участки закреплены за каждым охотником на срок от 3 до 5 лет, с последующим продлением, если нет

нарушений предусмотренных договором. Охот участки обустроены базовыми зимовьями, переходными охотизбушками, имеются лабазы и бани. Охотники района общество осуществляют биотехнические мероприятия, ведут солевую подкормку диких копытных, отстреливают ворон и сорок до 100 штук ежегодно. Каждый сезон добываем 3—4 волка, численность этого хищника, после запрета применения для их уничтожения яда фторацита бария, последние два года стала неуклонно расти. Правление общества установило премию за добычу самки — 1000 рублей, самца — 800 рублей и за сеголетка — 500 рублей. Стабильный доход обществу приносит магазин. В продаже имеется обширный ассортимент товаров для рыбаки, охотничий инвентарь (за исключением оружия и взрывчатых веществ), товары для туризма и отдыха. Реализуется в магазине добытая охотниками пушнина, шкурки лисицы, енотовидной собаки, выдры, белки, колонка и другие.

Годовой товарооборот магазина составляет 1,5 млн. рублей. Казалось бы наработанный положительный результат в работе общества должен впечатлять оптимизм, но в 2009 году принят Федеральный Закон № 209 от 24.07.2009 г. «Об охоте и сохранении ресурсов». Охотпользователи ждали этот закон и

надеялись, что он позволит внести ясность в запутанных отношениях между охотниками и лесниками, позволит охотпользователю реально заниматься охраной охотугодий с составлением протоколов на браконьеров, но надежды не оправдались. Более того, закон перечеркивает дальнейшее существование общественных объединений, с аннулированием членских охотбилетов и заменив их на государственные охотничьи билеты. Уважаемые охотники! Это бесплатный сыр в мышеловке. Вновь созданной инфраструктуре по выдаче, продлению и замене охотбилетов нужно будет финансовое вливание. Вопрос, за счет каких средств оно будет существовать? Из-за бесплатного охотбилета оставшимся на плаву охотпользователям придется значительно увеличить стоимость путевок и других услуг, дающих доходную часть. Хотелось бы знать: кому нужны такие реформы? Тогда уже не будет выше перечисленных льгот для пенсионеров, охотников со стажем и участникам ВОВ. Уважаемые авторы закона, хочется надеяться, что до июля 2011 года вы сможете в законодательном плане предложить иные формы объединения охотников и рыболовов.

**Коллектив охотников
Амурская РООиР**

Консультации охотоведа А. Блюма

К нам в редакцию пришло несколько писем с просьбой рассказать, влияет ли на кучность боя ствола с цилиндрической сверловкой применение пластмассовых контейнеров.

Прямой информации об этом в литературе найти не удалось. Причина скорее всего в том, что пластиковые контейнеры и пыжи-контейнеры появились сравнительно недавно, и на это же время пришлось практическое исключение стволов с цилиндрической сверловкой из номенклатуры изделий оружейных заводов.

Общеизвестно, что контейнеры повышают кучность боя получников и чоков прежде всего потому, что дробовой снаряд, находясь в контейнере, перестраивается в более длинный и узкий столб и таким выпадает из ствола. Второй причиной, очевидно, будет отсутствие контакта периферийных дробин со стенками ствола, они не истираются и не теряют своей формы по этой причине. В цилиндрическом стволе при использовании контейнера мы искусственно сужаем дробовой столбик на величину двух стенок контейнера, и дробины со стороны ствола больше никаким воздействиям не подвергаются.

На мой взгляд, роль дробин, истирающихся о стенки ствола, в уменьшении кучности несколько преувеличена. Деформированные или нормальные, но

крайние дробины всё равно имеют тенденцию к разлёту, и практически они не попадают в мишень. Разве что целевые дольше держат скорость, летят подальше и в принципе могут поразить дичь за пределами величины нормального убойного круга.

Этот вопрос был задан некоторым опытным охотникам и стендовикам, которые, как известно, любили поэкспериментировать. Практически все они дали одинаковый ответ, что кучность при стрельбе с контейнером из цилиндра увеличивается, но очень незначительно. В.Ф. Гуров назвал 6—7%.

Некоторое время спустя представилась возможность проверить эти утверждения стрельбой. Ружьё немецкого мастера, оба ствола цилиндрической сверловки, калибр 16. Патроны собственной снаряжки: порох — 1,8 г, пыж войлочный, дробь диаметром 2,4 мм, 28 г. Вторая группа патронов — все то же самое, только вместо войлочного пыжа — полизиленовый пыж-контейнер.

Стрельба велась из правого ствола по стодольной мишени. Сделаны 3 серии по три выстрела каждым типом патронов. Результат: кучность без контейнера 32%, с контейнером 38%.

В редакцию приходят письма с просьбой рассказать о гладкоствольном ружье Сайга 20К.

Это ружьё разработано на ИЖМАШе на базе автомата Калашникова. Ружьё самозарядное 20-го калибра с магазинами на 5 и 10 патронов. Индекс «К» говорит об укороченном до 430 мм стволе на этой модели. К сожалению, следует сказать, что хорошего боя на нормальные охотничьи дистанции добиться из него трудно. Всё дело в том, что отечественные пороха в стандартных патронах рассчитаны на полное сгорание в стволах длиной 680—760 мм, именно в стволах такой длины они полностью реализуют свои энергетические возможности, т. е. придают снаряду (дроби или пуле) необходимую скорость, а вместе с ней резкость и необходимую дальность боя. Короткие стволы из-за неполного сгорания пороха не позволяют снаряду набрать достаточную скорость и обеспечить надёжное поражение дичи. Короткоствольная Сайга чаще используется как служебное оружие.

Использование стволовых насадок (инвекторов) позволяет до некоторой степени исправить положение, но следует знать, что добиться удовлетворительного боя можно только в том случае, если диаметры каналов ствола и насадки будут совпадать, а в месте сопряжения внутренних поверхностей не будет уступов, т. е. оси ствола и насадки тоже будут совпадать.

И. Погожев с товарищем на охоте

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет вам охотник со стажем, много лет выписываю и с удовольствием читаю ваш журнал. Каждый номер жду с нетерпением, а вот пишу впервые.

Охотой увлекаюсь с детства, охотниками были и отец, и дед. Люблю зимнюю охоту и на пернатую дичь. Весенняя охота в этом году удалась на славу. Дичи было много. Раньше охотился в основном на селезня, гусь попадался, но редко. Вместе с товарищем несколько зорь посвятили охоте на гуся на полях, и удача улыбнулась нам, добыли шесть гусей. Впечатлений, конечно, на целый год. Высыпаю фотографию с трофеями, опубликуйте, пожалуйста. Спасибо!

Желаю вашему журналу оставаться таким же интересным, красочным, а главное — полезным.

И. ПОГОЖЕВ
Воронежская обл.

Уважаемая редакция, на мой взгляд, данная информация может представлять интерес для орнитологов, так как залет кольчатой горлицы в бассейн верхнего течения реки Лебедь (северо-восточный Алтай) ранее не отмечался. Прежде в наши края залетали розовые пеликаны, журавли-красавки и другие нетипичные представители орнитофауны. Кольчатая горлица появилась в нашем селе в конце апреля 2010 г. после нескольких теплых и солнечных дней, которые подарила нам поздняя и холодная весна. Птица прожила неделю и исчезла.

В. ТОКАРЕВ

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет ваш постоянный читатель из Рязанской области. Я хотел бы рассказать один случай, который произошел с нами на весенней охоте.

В том году гуси для отдыха облюбовали зеленую луговину недалеко от нашего города Сасово Рязанской области. В одну из утренних зорь мы здесь охотились втроем. Погода была ясная и ветреная. Гусь шел невысоко, но мы никак не смогли сбить хотя бы одного. И вот, наконец, каждый из нас выбил по одному белолобому. Гусь Александра Акимова оказался подранком. Принеся свою живую добычу к скрадку, Александр засунул его в рюкзак. Он объяснил, что посадит гуся к живущим у него уже несколько лет другим белолобым, которые тоже были подранками. Их он собирался использовать в качестве подсадных.

Сначала подранок сидел спокойно, затем рюкзак на-

чал кататься по земле. Александр решил проверить, насколько сильно ранена птица. Он развязал рюкзак и вытащил гуся на траву. Тот встал на лапы, пошел, а затем побежал, разгоняясь для взлета. Саша пытался преследовать его, но белолобый выиграл этот забег. Резкий бросок к ружью нашего третьего товарища и дуплет в угон желаемого результата не дали. Гусь медленно, но уверенно набирал высоту. Я не мог удержаться от смеха, глядя на грозное лицо Александра, и попытался его успокоить словами о том, что гусь он еще добудет, а такая забавная ситуация вряд ли повторится.

А. ДЕМИДОВ
Рязанская обл.

в естественную среду, уже интродуцировал 366 штук, он хорошо растет и плодоносит.

Напечатайте, пожалуйста, мой адрес для тех, кто интересуется разведением женщины и хочет приобрести или обменяться семенами: **628544 Тюменская область, Ханты-Мансийский АО — ЮГРА, Ханты-Мансийский р-н, п. Кедровый. Кедровский ботанический сад. Калимулину Алексею Мансуровичу.**

Вадим Алексеевич Морозов

Уважаемая редакция журнала! Уже почти полвека занимаясь любительской охотой и более 30 лет выписываю журнал «Охота и охотничье хозяйство» я беру читать в сельской библиотеке дома Культуры в п. Кедровом Ханты-Мансийского района. И вместе со мной его читают более 30 наших жителей, занимающихся любительской охотой. Спасибо журналу за то, что он делает нас экологически грамотными. Мне 26 лет, охотой занимаюсь с детства, охотничий опыт мне передавал 87-летний охотник из хантыйского поселения на реке Назым. В зимний период занимаюсь подкормкой зверей и птиц и веду их учет. По образованию я лесничий. Занимаюсь разведением кедровников и других орехоплодных, плодово-ягодных, медоносных деревьев и кустарников на площади в 4 га — всего 278 видов. Еще развозжу на грядках до трех лет женщень, затем высаживаю его

Кольчатая горлица

Алтай, Турачакский р-н

Вадим — страстный охотник, занимается охотой уже 20 лет. Он очень добрый и порядочный человек с большой внутренней культурой. Всегда откликается на просьбы охотоведов о проведении биотехнических мероприятий, выезжает в рейды по охране охотугодий.

Желаю ему успешной службы, доброго здоровья и семейного благополучия.

Н. КОЛЕСНИКОВ,
р. п. Новосибирской обл.

Долго-долго, в самом сердце африканских жунглей жил маленький белый членовек. Самое удивительное в нём то, что он дружил со всеми зверями в окружении.

«Друг, берег!» — книга, написанная Джеральдом Дарреллом в возрасте 10 лет

Новый Ной и его ковчег

К 85-летию Джеральда Даррелла

Это был необыкновенный человек. Мальчик, первое произнесенное слово которого было «зоо»; мальчик, которого приводили в восхищение скорпионы; юноша, потративший все свое состояние на экспедицию по отлову зверей для зоопарков; замечательный писатель, который не любил писать. Не получивший формального образования, он был членом Международного института искусств и литературы Королевского литературного общества, Кавалером орденов Золотого Ковчега и Британской империи, имел почетные степени профессора Йельского, Кентского, Даремского университетов. Один из первых защитников окружающей среды, он создал зоопарк, целью которого было сохранение и последующее возвращение в места обитания самых уязвимых животных. Имя этого человека — Джеральд Даррелл.

У нас в стране он стал известен с 1958 года. Именно тогда в СССР была издана его первая книга о путешествии в Африку «Перегруженный ковчег». С тех пор и по нынешний день он остается одним из любимых писателей-натуралистов, произведения которого есть во многих домах и которыми зачитываются и стар и млад. Его книги переведены на десятки языков, и всюду они пользуются огромной популярностью. А «Моя семья и другие звери» о детстве на острове Корфу на родине Даррелла, в Великобритании, даже включена в программу выпускных школьных экзаменов. Его брат Лоуренс, известный писатель, так отзывался о литературном творчестве Джеральда: «Дьяволенок пишет чертовски хорошо! Его стиль напоминает свежий хрустящий лист салата!» Но, сам Даррелл говорил: «Для меня литература — это способ заработать деньги, чтобы иметь возможность работать с животными». Ведь цель, которой он посвятил всю свою жизнь, была в другом — создание собственного зоопарка, но не обычного, а такого, который стал бы, по его собственным словам, «убежищем для тех видов животных, которые находятся под угрозой исчезновения, заповедником, где они могут спокойно жить и размножаться».

В 1959 году воплотилась в жизнь его заветная мечта — на острове Джерси он приобрел поместье Огр Мэнор (Дом привидений) и открыл собственный зоопарк. История Дарреллова ковчега началась.

В 1963 году Джерсийский зоопарк был преобразован в Джерсийский трест охраны диких животных — первый в мире специализированный центр по разведению и дальнейшему расселению исчезающих видов. В качестве символа был выбран дронт (крупная

елетающая птица, обитавшая на Маврикии и уничтоженная за короткий срок), концепцией — ковчег, а лозунгом — «Исчезновение — Это Навсегда». Добровольными членами треста стали тысячи людей по всему мира.

Джеральд Даррелл умер 30 января 1995 года. Он похоронен в поместье Огр. На памятнике выбиты слова, написанные в начале XX века пионером охраны природы Уильямом Бибом: «Красоту и гениальность произведения искусства можно восстановить, даже если оно будет уничтожено; исчезнувшая гармония может много лет спустя

вдохновить другого композитора; но когда последний представитель расы живых существ перестанет дышать, потребуется иной мир, чтобы эта раса вновь появилась на Земле».

Жизни этого замечательного человека, его путешествиям и его зоопарку была посвящена выставка «Новый Ной и его ковчег». Посетители могли видеть австралийских wombата и лирохвоста, африканскую птицу-носорога, древесного дикобраза — поркупина, так восхитившего Даррелла и многих других обитателей нашей планеты.

Дарвиновский музей, 2010 г.

В НОМЕРЕ

ЛАПСИН Г.	Нужен ли России промысловый охотник?	1
ВЕХОВ Н.	Охотничье-промышленные избушки	4
ДАНИЛКИН А.	Европейская и сибирская косули: основы трофеиной селекции	6
БЛЮМ А.	Московские открытые соревнования по высокоточной стрельбе	8
КРУТОРОГОВ А.	Науку — на службу охотничьему хозяйству	9
НАЗАРОВ А.	Ласка	10
АЗАРОВ А.	В поля за русаком	12
ТУМАНОВ И., СМЕЛОВ В., КОЖАЕВ А.	Жизнь, отданная охотничьему хозяйству и охране природы. К 85-летию П. Д. Иванова	14
БОГАТОВ С.	Промысел белки с лайкой	16
БЛЮМ А.	Промысловая охота с малокалиберной винтовкой	22
АСТАФЬЕВ Н.	Без права ношения	25
КОРНИЛОВ Л.	Трёха	26
БУЛГАКОВ М.	Русские писатели-охотники. Григорий Анисимович Федосеев. 1899—1968	30
ФЕДОСЕЕВ Г.	Улукиткан	31
ХРУСТАЛЕВ В.	По следу снежного барса	36
ДОЛГОВ И.	Внутри ограды — только убийство	38
ТРАУТ Д.	Вы называете это охотой?	38
БОДДИНГТОН К.	Не огораживайте меня!	40
Амурскому обществу — 45 лет		44
БЛЮМ А.	Консультации охотоведа	44
Письма читателей		43, 45
Новый Ной и его ковчег. К 85-летию Д. Даррелла		46
Реклама		13, 15, 21, 35
ШИШКИН В.	Широконоска и мандаринка	48

На первой и второй страницах обложки:
Из 7-ми видов, обитающих в России представителей семейства Собаки (волк, шакал, лисица, корсак, песец, красный волк, енотовидная собачка), волк, несомненно, наиболее вредный хищник. Февраль для волков — разгар периода спаривания

Фото А. Севастьянова

На четвертой странице обложки:
Белка и ласка

Фото А. Назарова

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

А.М. Блюм, М.В. Булгаков, Г.В. Висяццев,
Т.А. Волжина (ответственный секретарь), Л.А. Гибет,
[В.В. Дёжкин], А.М. Лаврова, В.Г. Сафонов,
К.П. Савельева, А.А. Севастьянов, А.А. Улитин,
В.Б. Чернышёв, В.С. Шишкин

Главный бухгалтер Н. М. Видулина
Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художественный редактор М. Л. Кнерцер
Оператор компьютера Н. В. Дервиз

Корректор З. М. Данилова

Фотокорреспондент А. Ф. Дигилевич

Сдано в набор 02.12. 2010 г. Подписано к печати 28.12.2010 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 28000 экз. Заказ 308.

Цена — по каталогу Роспечати

**Адрес редакции: 101000, Москва,
Потаповский пер., д. 3**

Тел.: 8 (495) 641-02-28.

Электронная почта ohta.ohothoz@mail.ru

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»
142300 г. Чехов, Московской обл.

Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru

Факс 8(496)726-54-10, тел. 8(495) 988-63-87

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

ШИРОКОНОСКА И МАНДАРИНКА

По своеобразному, расширенному на конце, клюву широконоску в любом наряде легко отличить от других видов речных уток. Селезень в брачном пера узнаваем издалека. Это довольно крупная птица (вес может превышать 1 кг, размах крыльев — 80 см) с рыжевато-коричневым брюхом, с белым зобом и темной, с металлическим зеленым отливом, головой. Спина темно-бурая, за исключением двух узких белых зон, примыкающих к основанию крыльев. Надхвостье, подхвостье и центральные рулевые черные (остальные рулевые — светлые). Подхвостье отделено от рыжеватого брюха белыми участками оперения. Зеркальце зеленое с белой полосой по верхнему краю, на надкрыльях заметна зона светло-голубых перьев. Удлиненные плечевые в продольных черных и белых полосках. Клюв черный, ноги оранжевые, радужина желтая. Самка широконоска похожа по цвету оперения на самку кряквы, но безошибочно отличается зеленоватым зеркальцем с белой каймой. Кроме этого, в полете хорошо заметны светло-серые (а не голубые, как у селезня широконоски) зоны на крыльях (сверху) и, конечно, характерный клюв. Широконоска встречается на гнездованиях в различных ландшафтах Евразии и Сев. Америки — от лесотундр до пустынь. У нас широко распространена, но на севере лишь кое-где перешла Полярный круг. Перелетна. Занимает в сезон размножения околоводные биотопы, прилетая позже кряквы. Гнездо, как у многих других уток, на земле. В кладке около 10 яиц. Самка насиживает 22—24 дня. Пуховики похожи на птенцов кряквы. На крыло молодые широконоски становятся на 40—45 день. Кроме животных кормов, водных беспозвоночных, в рацион входят семена и зеленые части растений. Запасы широконоски у нас, по-видимому, не превышают 500 тыс. птиц (в ряде мест численность снижается). Эта утка остается распространенным объектом охоты.

Мандаринка же, из рода древесных уток, напротив, внесена в Красную книгу России как редкий, нуждающийся в охране, вид птиц. Численность мандаринки, гнездящейся у нас в лесах Дальнего Востока, вероятно, не более 15 тыс. пар. Этот вид хорошо размножается в зоопарках, акклиматизирован в ряде стран Европы. Размеры птиц средние — длина 50 см, вес не более 500 г. Как будто радуга играет всеми цветами в брачном пера селезня мандаринки. Фиолетово-красноватая грудь, очерченная по бокам поперечными черными и белыми полосками. Белое брюхо, бронзового цвета бока. На голове беловато-охристая зона вокруг черных глаз оторочена по щекам оранжево-рыжими удлиненными перьями. Переливающиеся от зеленого к сине-фиолетовому лоб и темя, оранжевый затылок с ниспадающим медно-красным хохлом, окаймленным белыми полосками по бокам и подбитым зелено-синими перьями снизу. Зеркальце зелено-синее. По одному из внутренних маховых на каждом крыле («парус») причудливо выгнуто вверх, благодаря разросшемуся внутреннему опахалу рыже-каштанового цвета. Клюв красный со светлым кончиком, лапы желтоватые. Самка окрашена в сероватые тона. Белое кольцо вокруг глаза, светлая пятнистость на зобе и боках, следы зеркальца на крыле. Мандаринки гнездятся в основном в дуплах деревьев, используют также искусственные гнездовья. В кладке 9—12 яиц. Насиживание 28—30 дней. На крыло птенцы становятся на 40—45 день. Питаются как растительными, так и животными кормами. Мандаринка — особо охраняемый вид в заповедниках Дальнего Востока и Приморья. В Китае мандаринки — древний символ супружеской верности.

В. ШИШКИН

Широконоска
(самец, самка)

Мандаринка
(самцы)

Мандаринка
(самки)

Широконоска
(самка, самец)

мандаринка

широконоска

